

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО
ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ДЕЛАМ
МОЛОДЕЖИ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Алим Тепсеев
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

4. 2009

ИЮЛЬ–АВГУСТ

Ж ВЕРШИЧЕ МУДРОСТИ

Имя доктора филологических наук, профессора, вице-президента Международной Адыгской (Черкесской) Академии Наук, заведующей отделом литературы и фольклора народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований, члена Союза писателей России, председателя правления Союза писателя КЧР, заслуженного деятеля науки КЧР, КБР и РА Лейлы Абубекировны Бекизовой широко известно в научных и творческих кругах наро-

дов Кавказа и России.

За 50 лет научной, творческой и педагогической деятельности ею создано немало трудов, среди которых фундаментальные исследования по проблемам становления и развития не только адыгских, но и других генетически близких литератур народов Карачаево-Черкесии и Северного Кавказа. Велика заслуга ученого в исследовании, собирании и издании фольклорных текстов. Она является автором и составителем статей по черкесской литературе для первого тома «Антологии литературы народов Северного Кавказа». Накопив духовный багаж, Лейла Бекизова передает знания и опыт молодым ученым. Под ее научным руководством защищены более двух десятков кандидатских и докторских диссертаций людьми разных национальностей. Таким образом, можно уже сказать о наличии научной школы Л. А. Бекизовой.

За вклад в укрепление дружбы между народами, миротворческую деятельность на Северном Кавказе доктор филологических наук Бекизова удостоена высокой государственной награды – ордена Дружбы, а также награждена золотыми медалями «200 лет Шамилю», «450 лет с Россией».

Ты пришла в мир в пору весеннего солнца и цветения. Аромат весны сохраняется в твоих руках, в родной поэзии и нартских богатых!

Расул Гамзатов

Ты обзираешь множество истоков, берущих начало за облаками, измеряешь их ширину, глубину, длину, и, как Адиух, над ними простерта твоя рука!

Алим Кешоков

Жизнь и творчество Л. А. Бекизовой – это пример преданной любви к народу и избранному делу. Ее труды – бесценный вклад в сокровищницу адыгской культуры.

Президент АМАН А. М. Нахушев

Ваше творчество и общественная деятельность на благо родного народа – неопенимый вклад в соцветие культур всей России. Благодаря Вашему многолетнему и самоотверженному труду черкесский Цветок в многонациональном букете Духовности нашей страны – один из самых прекрасных.

*Председатель Правления Союза писателей России
В. Н. Ганичев*

ПОЭЗИЯ АДЫГСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Черкесское зарубежье подарило миру много ярких литературных имен. Достаточно назвать классика мировой литературы Омера Сейфедина (Хатко), лауреата Нобелевской премии 2006 года Орхана Памука, классика турецкой прозы Ахмеда Мидхата Хагура (Стамбул), неоклассика арабской поэзии Махмуда Сами аль-Баруди, эмира арабских поэтов Ахмеда Шауки (Каир), автора трилогий «Кавказ» и «Революция» Мухадина Кандура (Амман), сирийского новеллиста Надию Хост (Дамаск), австрийского поэта Кундета Шурдум (Инсбрук), американского прозаика Кадира Натхо (Нью-Йорк)...

Сегодня среди наших зарубежных соотечественников есть немало писателей, которые еще не известны широкому кругу читателей, но они уже успели выпустить свои первые книги, напечататься в разных журналах и газетах. Большинство из них пишет на родном языке.

Представляем вашему вниманию стихи турецких, австрийских и иорданских кабардинцев в переводах Ладомира Местича.

Мухамед Хафиц,

главный редактор газеты «Черкесское зарубежье»

Амин АФАСИЖ

Родился в 1939 году в вилайете Чорум (Турция), является автором многих популярных песен, (не только слов, но и музыки; часто и с успехом исполняет эти песни, аккомпанируя себе на различных инструментах). Пишет на кабардинском языке.

Истребляют мой народ

Не звучит больше в семьях адыгская речь,
Забывается хабзэ¹ и сердце скудеет.
А над теми, кто хабзэ мог в сердце беречь,
Никнут травы и ветер кладбищенский веет.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждет?
Горе – если не будем едины!

Старый конь мои ребра копытом пробил,
Пес плешивый на сердце набросился рьяно,
Хитрый кот мою кровь без остатка допил,
И теперь на рогах я тупого барана².

¹ Свод традиционных морально-этических норм адыгов.

² Конь, пес, кот, баран – символы политических партий Турции.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждет?
Горе – если не будем едины!

Песня мельника

Пышная вдовушка – чем мне не пара!
Вижу, и кругом идет голова,
Сердце дрожит, как речная хибара, –
Крутятся мельничные жернова.

Будь ты лозой виноградной – с ветрами
Спорил бы я, нет опоры верней.
Вишней цветущей – я стал бы выюнками
Пестрой фасоли на шее твоей.

Скрип колеса, и на лопастях блики,
По желобкам пробегает вода,
Камень царапает плетъ ежевики...
Мысль убегает к тебе, как всегда.

Образ твой дарит волна мне речная,
Точно как ты – и резва, и светла.
Ночью, ни сна, ни покоя не зная,
До твоего я добрался села.

С этого берега взгляд устремляю,
Мост перейти, и увижу твой дом.
Только ступил – зацепился за сваю,
Горе! – и в речку свалился мешком.

Рафик ТХАГАЗИТ

Родился в 1947 году, проживает в г. Бурса (Турция), по специальности инженер, последние два года – на пенсии. Стихи пишет на кабардинском языке.

День и ночь

Солнце светит одним, а другие в тени,
В ночь сливаются все мои жалкие дни,
Злоба душит свободу, у власти – порок,
День уходит в окно, ночь идет на порог.

Кто укушен змеей, тому страшен аркан, –
Даже месяц на небе скрывает туман.

Я чужак, но не кланяюсь здесь никому,
Потому-то мой день так походит на тьму.

Я теряю язык, вековой этикет,
Забывает мой день яркий солнечный свет.
Если все же смогу путь назад превозмочь —
Мне на родине днем станет каждая ночь!

Однажды вернется

Однажды, я знаю, нас выберет путь,
Стирая изгнания печать,
Чтоб к нашим горам вековечным вернуться.
Отваги нам не занимать.

Закончится долгих ночей череда.
Началом счастливого дня —
На утреннем небе родится звезда,
От нартского вспыхнув огня.

И этому свету мы будем под стать,
Мы в душах его берегли,
О нем не забудет адыгская мать,
Детей ожидая вдали.

Всадники возвращаются

На гривах кабардинских скакунов,
Подобных крыльям горного орла,
Летят цветные ленты наших снов
В страну, куда надежда позвала,

Где был потушен дедовский очаг
Нашествием неистового зла.
Сверкают звезды в дерзостных очах,
Когда копыта скрадывает мгла.

Сколь долго ни продлится этот путь,
Не повернем и не сойдем с седла,
Пока не сможем родине вернуть
Весь свой запас сердечного тепла.

Тяжелая дума

Наслаиваясь тяжестью песка,
Как в шахте измельченная порода,
В моей душе, крепчая год от года,
Скопилась безысходная тоска.

И вязкая, безрадостная дума,
Уже по горло затянув меня,
Не позволяет видеть красок дня.
Не слышу я и птиц беспечных шума.

Остались мы на разных берегах,
А в Черном море – странников юдоли –
Все прибывает горечи и соли
От влаги в наших выцветших глазах.

Одним живу, веря лишь надежде
Твой образ, бесконечно дорогой, –
Придет тот день и станет жизнь другой,
Когда я обниму тебя, как прежде.

Ибрагим АБАЗА

Родился в 1947 году в Турции, где проживает и ныне. Занимается фермерством. Пишет на кабардинском языке. Как и А. Афасиж, и Р. Тхагазит, публиковался в газетах и журналах, выходящих в республиках Адыгея, КБР и КЧР.

Впереди меня

Я в Турции живу, совсем один, –
Нет для души приюта на чужбине.
Приходит новый день, но лишь седин
Добавит мне, и – нет его в помине.

Но, не клонясь под тяжестью годов
И зная: честь от мужества зависит,
Как прежде я удар держать готов,
Что мне готовит враг или завистник.

И, душу от отчаянья храня,
О светлом в черный день напоминая,
Идет надежда впереди меня,
Зовет туда, где сторона родная.

Насупив брови, как сердитый муж, –
На тех ли в гневе, в ком души не чаёт? –
Бушует море; в небе – крики чаек
Подобны причитаниям кликуш.

Быстрей надежд, как в приближение мига,
Чтоб кинуться на кровного врага,

Летит волна и бьется в берега
Земли, благословенной для адыга.

Но там, роняя пену с языка,
Лизнет подошву гор и тихо сгинет.
...Как в жилах кровь, моя надежда стынет,
А родина все так же далека.

Зульфикар АНСОКО

Родился в Турции в 1954 году, некоторое время назад вернулся на историческую родину, ныне живет в г. Нальчике, занимается бизнесом, воспитывает четверых сыновей и дочь. Пишет на кабардинском языке.

Песня детства моего

Как счастлив я бываю иногда,
И с радостью встречаю новый день я, –
Когда твой лик увижу, Кабарда,
Пусть даже кратким чудом сновиденья.

И сердце рвется к легким облакам,
Чтоб с ними улететь к родному краю.
Душою припадаю к родникам
И мысли, как янтарь, перебираю.

Где б ни был я – Каир, Багдад, Амман...
Всегда в груди разрыв щемящей ноты.
Немало видел я заморских стран,
Но что скитальцу чуждые красоты.

Мне нравится шумливая река
Бескрайнего стамбульского базара:
Бывает, звук родного языка
Услышу там, и – нет прекрасней дара!

И, как ребенку малому, глаза
Мне застилает радужная влага.
В укор ли будет взрослому слеза,
Что к родине стал ближе на полшага.

Небесной птицей слышится привет
В звучании живой адыгской речи.
Адыгственность¹ – чему подобья нет –
Поднимет взгляд мне и расправит плечи.

¹ Адыгагъэ – адыгственность – синоним благородства.

Я пожимаю руки землякам,
Течет беседа звонким водопадом.
В минуты эти кажется всем нам,
Что родина оставленная – рядом.

И просветлеет сумрачный Босфор,
Затем в тумане, старце седоусом,
Покажутся вершины дальних гор, –
Звезду свою увижу над Эльбрусом.

Мне с этим светом не страшна беда,
Как с песней, согревающей нам души,
Что повторяю с детства: «Кабарда,
Мой мир, мой свет...» В тебе мой день грядущий.

Эргун БАБУГ

Родился в Турции в 1964 году, по специальности инженер-электронщик. Стихи пишет на турецком языке. Совсем недавно получил возможность вернуться на историческую родину – в Кабарду.

Просьба

О Всевышний, о милости лишь об одной
Я прошу, много видевший в жизни земной,
Чтобы раньше, чем грянет последний мой час,
Я увидел Кавказ!

Мы, подобно осколкам, живет там и тут, –
Дай увидеть, как дома адыги живут,
Я пешком доберусь, через сотни преград,
А потом – хоть и в ад!

На чужбине рожден, я живу чужаком,
И с печалью изгнанников с детства знаком.
Исчезает народ мой, как речка в песках, –
Помоги нам, Аллах!

Пока держится мир, сотворенный Тобой,
Не желая смириться с жестокой судьбой,
Я прошу: закалив среди бед и невзгод,
Поддержи мой народ!

Небо хмуро и реки все с мутной водой,
Голова поседела, хоть я молодой.
Твою ношу не в силах я больше нести
В безысходном пути.

О Всевышний, не дай обессилеть ногам, –
 По дну моря пойду я к родным берегам.
 Лишь на склоне холма, где стоял мой аул,
 Я б душой отдохнул.

Не лишай меня зрения, прежде чем я
 В майском цвете увижу родные края,
 Посмотрю, как танцуют лихой «Исламей»
 На отчизне моей!

Адыги покидают родину

Дома опустели – нет смысла, нет цели,
 В глазах меркнет свет.
 Уход для адыга не лучше, чем иго
 На тысячу лет.
 Одним путь-дорога, другие с порога
 Рыдают им вслед.
 А Черное море – бездонное горе,
 И брода в нем нет.
 На ветхой галере – к собратьям по вере
 Зовет минарет.
 Как львы воевали, а ныне в печали
 Черкесии цвет.
 Лишь стон над волнами: «Что станется с нами...»
 Кто знает ответ?

Вопрос

По кругу не раз уже солнце вернулось,
 И месяц вернулся из тьмы.
 И речка бурливая снова проснулась
 К исходу суровой зимы.

Гуляет по белому свету свобода,
 Что хуже тюрьмы и сумы.
 Нет родины, стало быть – нет и народа.
 – Скажи, а вернемся ли мы?

Воин

*Посвящается погибшим
 на Русско-Кавказской войне*

С архангелом на краешке седла
 Гарцует на гнедом своем коне
 Адыгский воин.
 Все, с кем его нелегкая свела,

Узнают, сколь опасен на войне
Адыгский воин.
Сражен противник, проклиная час,
Когда увидел, как летит с клинком
Адыгский воин.
Со смертью лютой он шутил не раз,
И страх ему постыдный не знаком, –
Адыгский воин.
Забавой он считает ратный труд,
А конь под ним – игривая река, –
Адыгский воин.
Расскажут те, что целыми уйдут:
Как молния быстра твоя рука,
Адыгский воин.
Ты против сотни выходил один,
Не гнулся в тяжелейшей из годин, –
Всех почестей и памяти достоин
Адыгский воин.

Если я не достигну желанной отчизны
И в дороге умру, на чужой стороне,
Не тому, кто сюда меня вез, укоризны,
А тому, кто отсюда дал выбраться мне.

Но когда на чужбине, в слезах, как на тризне,
Все твержу без конца: «Я адыг, я адыг...» –
Проклянет меня тот, кто в далекой отчизне
Выживает и знает родной свой язык.

Метин МЕРЕТУКО

Родился в 1965 году, последние тридцать лет живет в г. Гронинген (Голландия), куда его семья переехала из Турции. Его стихи публиковались в ряде периодических изданий на Северном Кавказе. Пишет на турецком и фламандском языках.

Не проходит печаль

Услышь меня, малая птаха,
В душе моей холод и мрак,
Хочу, чтоб, не ведая страха,
Над взглядами сонных зевак,
Над гладью морского пролива,
Взвилась ты, неся мой рассказ
Горам, что стоят горделиво,
Возвысив родной мой Кавказ.

Поведай, свободная птица,
Живущим в том славном краю,
Как здесь, на чужбине, томится
Душа, не привыкнув к житью
Изгнанников пришлых... Лети же
С ладони моей в высоту.
Теперь мне и родина ближе, –
Лети, догоняя мечту!

Во всем друг на друга похожи,
Проходят и ночи, и дни.
С мольбой, но без суетной дрожи,
Я к небу взываю: «Верни
Посланницу бедного сердца,
Крылатую радость мою!»
В лачуге распахнута дверца,
А сам у окошка стою.

Ну где же ты, быстрая птаха,
В горах ли, над морем, в лесу?..
«Вернусь, если в воле Аллаха, –
Клялась ты, – и весть принесу».
День-ночь – облетают страницы
Настенного календаря.
Я жду возвращения птицы,
Закат за окошком, заря?..

Прекрасная фиалка

Черкешенка, прекрасная фиалка,
Ты очаруешь Запад и Восток,
Любых сокровищ для тебя не жалко,
В тебе единой – жизненный исток.

Ты свято чтить обычаи народа,
В твоих словах есть мудрости печать,
В движеньях – легкость, грация, свобода...
Но все-таки в глазах твоих – печаль.

Ты промолчишь, но все равно я знаю
Причину этой сумрачной тоски:
Душа скучает по родному краю,
Разбросаны по миру земляки.

Дарю тебе любовь, она безмерна
И к родине моей обращена.
Придет любовь, исчезнут ложь и скверна,
И в очагах огонь зажжет она.

Моя родина

На земле моих предков, мечтою влеком,
Я хотел бы расти ярко-красным цветком,
Отразиться в реке, где плывут облака,
И душа бы спокойна была и легка, –
Чтобы все разделить мою радость могли
У подножия гор моей древней земли,
Где прохлада подарит чистейший родник,
Где бы вечности свет в мое сердце проник.

Зеин КАНДУР

Родилась в 1985 году, аспирантка Амманского университета, изучает литературу и язык (английское отделение). На профессиональном уровне занимается моделированием одежды. Пишет на арабском и английском языках.

Окно

Какие б ни настали времена,
Сквозь призму жизни ты на все смотри,
А если окружит тебя стена,
Найди окно и в мир свой отвори.

Один лишь бог преодолет дух.
А справишься ли ты, а сможет он?
Ответ предельно прост: одно из двух.
Скажи мне, докажи, что ты силен.

Твоя улыбка лжива, и слова...
Весь мир погряз в невежестве и лжи.
Лишь очевидность явная права, –
Окно свое распахнутым держи.

Биберд ЖУРТОВ

С М Е Р Ч

Глава из романа

Грозовые раскаты войны докатились и до предгорий Кавказа. Письма с фронта приходили в Мишхидж нечасто, а сельчане старались не думать о плохом и причину искали в неграмотности своих бойцов. Слабое утешение.

Мурадин писал родным не раз, а дошло до села только одно послание. Гошана побежала с письмом к Мухтару – сама же прочитать не может. Наконец-то, радовалась мать, и от старшего сыночка весточка пришла, первая с начала войны. Младший, Заурбек, писал несколько раз, а тут заждались-таки, теперь можно и успокоиться. Если вообще можно говорить о покое матери двух солдат.

Дома оказалась Лалина, и она принялась читать письмо. Мурадин справлялся обо всех, спрашивал про Заурбека, просил его адрес, если его уже забрали на фронт. И еще слал приветы всем поименно: соседям, родным, друзьям.

– Что-то про нану Дышану ни слова, – задумчиво сказала Гошана. – Может, знает уже, что ее не стало?

– Как не знать, ему же Мухтар писал.

– Тогда понятно...

Лалина тут же села писать ответ. Постаралась ни о ком не забыть: Заурбек на фронте, Мухтар остался бригадиром в колхозе, все остальные живы-здоровы и ждут его возвращения. По злой иронии судьбы это была первая и последняя весточка из дома, дошедшая до Мурадина до самого конца войны. Сам он тут же ответил на письмо, но к тому времени в селе уже были немцы, и почта не доходила.

От близнецов Нафицы – Кетмурзы и Асламурзы – все еще не было вестей. Алимурза истощил весь запас выдумок, чтобы держать мать в неведении. Один раз он на пару с Заурбием повез гостинцы в Прохладную. Прощатались весь день, еду отдали нищим и вернулись. Дома сказал, что видел братьев и что окопы рыть придется еще долго... Мать догадывалась: ее обманывают. И не раз говорила: «Они ушли на фронт. Иначе появились бы дома хоть раз». Алимурза извелся от чувства несуществующей вины. К тому же и сам он не раз помышлял попроситься на фронт. Заурбий одергивал его: не сходи, мол, с ума, мать пожалей. Но в одно утро сам пришел к нему с опущенной головой:

– У меня новость. Повестка пришла.

– Когда?! – так и подскочил Алимурза.

– Накануне вечером. Родители не знают еще, не проболтайся.

– А мне, почему мне не прислали?

– Ты же младше меня. Почти на год.

– Да что такое год!

В тот же день Алимурза отправился в военкомат, дождался приема у военкома и спросил с порога:

– Почему мой друг получил повестку, а я нет?

– Ты из какого села? – внимательно глянул на него военком.

– Из Ауш-Герги! Я Эльджироков Алимурза.

Капитан склонился над бумагами.

– Тебя нет в списках, юноша.

– Так впишите!

Капитан невесело усмехнулся, взял со стола пачку папирос и закурил, протянул и Алимурзе.

– Не курю.

– Вот это правильно... Теперь слушай меня. Возраст тебе еще не вышел, потому и в списки не попал. Ясно?

– Нет, не ясно. Два брата моих на фронте, мне надо их найти. Теперь и друга призвали. Мне что теперь, одному по селу слоняться?

– Кто еще есть в семье? Отец есть?

– Отца посадили. Нас трое братьев.

– Вот оно как. Мать, значит, одну хочешь оставить.

– Я комсомолец!

– Не знал, что в комсомоле учат бросать родителей. Ступай-ка ты, брат, домой, и береги мать. Я не призову тебя ни сейчас, ни через год, ни через два. Ступай домой.

– Я-то думал, – обиженно насупился Алимурза, – добровольца с радостью возьмут.

– Ну вот что! – повысил голос капитан. – С радостью на войну я никого не посылаю. Иди отсюда, некогда мне на всяких «комсомольцев» время тратить. Вон!

Мальчик понял: спорить дальше толку нет. Вернулся в село и сразу же к Заурбию.

– Куда ты запропастился? – удивился тот. – Мать тебя обыскалась.

– В райцентр ходил, думал, от братьев какие вести, – соврал Алимурза.

– Мои уже знают про повестку, – перебил его Заурбий. – Отцу на глаза попалась.

– Ну, и...

– А что «ну»? Мать сидит и плачет, на пару с твоей.

– Ага. Я ей плакать запрещал, теперь нашлась причина, – вздохнул Алимурза. – Плохи дела...

– Может, оно и лучше. Нельзя на войну тайком уходить.

Друг опустил голову.

– Когда отправка?

– Через два дня.

Они вышли на улицу. Навстречу ковылял одноногий почтальон Хапаго. Он редко разносил почту – много ли обскачешь на одной ноге. К тому же неграмотный, приходится просить кого-нибудь разобрать адреса на

конвертах, а уж потом он не перепутает, доставит по назначению долгожданные треугольники. Парнишки встретились ему очень кстати. Только радость его сегодня оказалась недолгой. Шакмановым пришло необычное письмо, казенное... Первая похоронка пришла в село. А сколько их еще будет – ведомо одному Аллаху...

Люди чередой потянулись к осиротевшим родителям, единственный сын которых пал под Брестом. За год до войны призывали его в армию, в пограничные войска.

Оба скорбных дня друзья провели во дворе Шакмановых. На третий день Заурбек отправился в райцентр, оттуда в город. Поехал и Алимурза – проводить друга.

Как и в прошлые проводы, суета на вокзале стояла невообразимая. Вот и команда «по вагонам!». Поезд тронулся и уже начал разгоняться, как вдруг Алимурза рванулся и вскочил на подножку, крикнув Хамиду и Ляце:

– Я тоже ухожу на войну, передайте маме!

Хамид бросился было следом, да разве угонишься. Вся дорогу Ляца была безутешна. Что они скажут Нафице?

Но та приняла новость на удивление спокойно. Сил плакать уже не было.

Не прошло и месяца, как в ауле обосновались немцы.

Враг задержался в Кабарде ненадолго, но успел обескровить республику не хуже саранчи на кукурузном поле. Крестьяне терпели нужду, а надежды на избавление оставалось все меньше. Голодными и обессиленными встретили весну жители Мишхиджа. Настала пора пахать и сеять, только на чем? Ни волов, ни лошадей не осталось у колхоза. Но пахать тем не менее надо. Созвали сельчан на сход. При взгляде на них дрогнуло даже жестокое сердце Мурида: одни старики и женщины, да дети малые. За мужские руки почитались сейчас руки подростков, бросивших школу, – какое нынче ученье? Только удержат ли эти руки соху...

Накануне схода председатель предпринял еще один, не свойственный ему шаг: он собрал старейшин села на совет. Ведь они, пережившие не один голод, могут и присоветовать что-нибудь дельное.

Мурид начал с самого большого вопроса: где взять семена? Того, что есть, едва ли хватит на треть площадей. Выход один: скинуться всем миром, а по осени колхоз вернет тройной мерой. Никто не откликнулся на призыв. Кто сейчас излишками богат? А если и припасено немного на самый черный день – кто сознается?

Тленкапсиншев глядявался в знакомые лица и между прочим думал: народ у него, пожалуй, стал покладистее, остались в прошлом споры и недовольные выкрики. Председателю было лестно считать такую перемену исключительно своей заслугой, но не разумел он одного: не до споров сейчас крестьянам, им бы выжить, переждать лихую годину, а главное, дожидаться с войны своих сильных и горластых мужчин. А пока кивают на каждое слово председателя: надо пахать? Вспашем. Пора сеять? Посеем.

– Удивляюсь я вам, люди добрые, – подал голос Данилбек, известный на всю Кабарду седельщик и старинный друг Эльбаздуко. – Хотите пахать и сеять, а сколько лошадей у колхоза осталось? Или волов? А трактор есть хоть один? Словами легко раскидываться. Тут председатель призывает нас поделиться семенами. А у кого они есть? Ну, наскребет человек с ведро, колхозу от этого не легче.

– С миру по нитке, – вставил Мурид, – все одно помощь.

– Оно бы неплохо, – продолжал старик, – только пусть поднимет руку тот, кто может эту горсточку отсыпать.

Рук пять поднялось над толпой.

К полудню решили-таки пахать на коровах, участки под овощи распределить между семьями и копать лопатами, бригадам выходить в поле с ночевкой, как бывало перед войной, благо бригадные домики более-менее уцелели.

– Простите мою нескромность, – подняла руку одна из женщин. – У меня четверо детей, мал мала меньше, ни свекрови дома, ни свекра. Наш на войне, все знают...

– У меня такое же положение, – подала голос другая.

– Не вы одни с малыми детьми, – жестко оборвал их председатель, – подумаем и над этим.

– Надо сейчас подумать, после недосуг будет, – вступился за женщин Мухтар.

– Верно говорит, – зашумел сход, и Муриду пришлось сдаться.

– Ладно, – неохотно согласился он. – Предлагай, Мухтар.

– Женщин, у кого дети малые, на ночь надо домой отпускать, иначе никак.

– Так-то вернее, – закивали старики. Мурид с трудом подавил недовольство, но спорить не стал.

Назавтра люди вышли на пахоту. До войны, бывало, день первой борозды выливался в настоящий праздник с жертвоприношениями, а нынче время лихое. И все же не дело отказываться от милого сердцу обычая, пришедшего к нам из языческих времен. Отметили по бригадам кто как смог, попросили у Бога доброго урожая, тепла и дождя вволю, да чтобы беда обходила стороной наши дома.

Бригада Мухтара вывела на пахоту три плуга. Негусто, но по нынешним временам неплохо, считал бригадир. Как и велено было, оставались ночевать в поле, чтобы до зари приняться за работу. Впрочем, некоторые вдовы ухитрились за ночь сбежать домой и к утру обернуться. От глаз Мухтара это не ускользало, да он делал вид, будто не замечает. Ясное дело, работалось после ночных пробежек до села не ахти как, но ведь не зверь бригадир, разумеет человеческую нужду. Тут важно и людей побережь, и дело с умом наладить. Только у него в бригаде велось вспаханную за день землю засеять и боронить ночью: зерно ложится в мягкую, еще влажную землю, да и работа спорится. Вот и вышло, что в этой бригаде закончили сев раньше, а к осени можно ожидать урожая щедрее.

Война сильно меняет людей. Она пропускает их через себя, словно через мелкое сито, и видно становится, кто чист душой, кто низок. Из

этих-то, последних, и выходят предатели, в лучшем случае – лодыри, норовящие прокатиться на чужом горбу.

Как-то вечером, когда пахари располагались на ночлег, Мухтар сказал им:

– Заметил я, что вы не меняете коров в упряжке, как мы договаривались. Грешно мучить скотину, да и не по-соседски это.

– О чем ты? – взвился Малиль Стапанов.

– Сам знаешь. Говорил я, что нельзя весь день на одной корове тянуть. Говорил?

– А что, мы...

– А то, что свою корову ты ни разу за день не запряг, все на чужой пахал.

– Как же так можно! – возмутились пахари.

– Напраслина это! – упирался Малиль. – Ты меня путаешь с кем-то.

– Завтра, – твердо, с расстановкой сказал бригадир, – на твоей корове будет пахать Зрамук, а тебе дадим другую.

– А если не отдам?

– Не отдашь – отстраним от пахоты.

– А я и не просился, – скорчил рожу Малиль, – могу и дома посидеть.

– Размечтался, – усмехнулся Мухтар.

– Ты, бригадир, не вноси разлад в нашу компанию, мы тут сами как-нибудь, – начал было Малиль, но тут встрял мальчишка-погоныч:

– Может, Мухтар и ошибся, но я-то знаю, я в паре с Малилем работаю. Не впервой тебе это.

Малиль волком посмотрел на стервеца. Наутро, как и было говорено, его корову вместе с погонычем Рашидом передали Зрамуку. Мать огорчилась, узнав о выходке сына:

– Зачем же, сынок, в дела взрослых вступать? Да и потом... недобрый человек Малиль, затаит ведь обиду.

– Пусть попробует, – ответил мальчик, – он меня сам боится. Я ведь хорошо помню, как папа его в лесу отмузузил.

Мать вздохнула, но спорить не стала. Весь в отца, упрямый и бесстрашный. Из десятка подростков, что вышли в поле в начале пахоты, выдержали только трое, и среди них – ее Рашид, бойкий и работающий парнишка. Отец семейства вместе с братом на фронте, так что оба подвояря на этих детских плечах. Аллах ему в помощь...

Истощенные люди тянули из последних сил. Откуда взяться силам, если еды на весь день четвертинка хатламы – вареной кукурузной лепешки – да миска жидкой похлебки.

Как-то бригадир отвел жену в сторонку и спросил:

– Скажи-ка, Лалина, осталась у нас фасоль на чердаке? Помнится, мы прошлой осенью целый мешок припасли.

– Осталась, я всего-то взяла ведро на посев. А что?

– Видишь, люди с ног валяются, накормить бы их разок досыта...

– Кто ж против, – обрадовалась Лалина, – дело святое.

Ночью Мухтар побывал дома и вернулся с поклажей. Утром велел кухарке наварить фасоли в большом котле, в котором в лучшие времена

варили мясо. Подтягивавшиеся на обед работяги издали учуяли забытый дух за жарки.

– Что-то вкусное готовит Хакулина.

– Давненько так не пахло на стане...

Их и вправду ожидало пиршество – полная миска фасоли с жареным луком и целый чурек каждому. Люди недоумевали.

– Благодарите Мухтара, – объясняла Хакулина, – да воздаст ему Аллах за щедрость, и его молодой жене тоже.

– Аминь! – отзывались все с готовностью.

– Если добавки кому – не стесняйтесь, – весело шумела повариха.

Подростки, конечно, от второй миски не отказались. Впервые за много дней все были сыты. Не обошлось, правда, и без смеха. Вставая из-за стола, Худ шумно оконфузился. Чтобы не смущать старика, многие прикинулись глухими, только не Хакулина.

– Эй, – крикнула она, – кто там фасоль из мешка рассыпал?

Старый дружок Худа – Бек – ответил под всеобщий хохот:

– А что ты хочешь, Хакулина, фасоль не то что в мешке – в животе не удержишь.

От нового взрыва хохота, казалось, сотряслось ущелье. Смеялся и сам Худ:

– Вот негодники, и как это вы услышали. Я и сам-то едва услышал.

– Да уж зверям в лесу тоже, наверно, слышно было, – дерзко вставил Рашид.

И снова хохот до упаду. Надо сказать, конфуз с Худом и фасолью на том не закончился. Спустя неделю после того памятного случая на стан пожаловал колхозный фельдшер Музачир. Он частенько навещал бригады, выслушивал жалобы и раздавал лекарства.

Лекарь уже собрался уходить, когда его с таинственным видом отвел в сторонку Худ.

– Видишь ли, сын Кургоко, – начал издалека старик, – плохи у меня дела.

– Что так? – обеспокоился фельдшер.

– Туговат стал на ухо. Недавно я, прости мою нескромность, пукнул слегка, всем было слышно, а мне – нет.

Музачир, с трудом подавив улыбку, вынул из портфеля таблетки.

– По одной три раза в день.

– И что? Я снова стану хорошо слышать?

– Нет, Худ, тугоухость в преклонном возрасте – дело обычное. А вот от этих таблеток ты... одним словом, пускать ветры будешь громче. Чтоб слышнее было.

Неожиданно рядом раздался смех. Опять все тот же вездесущий мальчишка!

– Чтоб тебе пусто было! – рассердился старик. – Что ты все под ногами вертишься?!

Парнишка отскочил и крикнул с безопасного расстояния:

– Куда уже громче, Музачир? Хочешь, чтобы он все село перебил?

Старого Худа любили все, хоть и подтрунивали беззлобно. Но вы-

ходка мальчишки на сей раз обидела его. Мать Рашида потеряла терпение и отлупила негодника прямо на людях. Теперь обиделся Рашид и после обеда не вышел на пахоту. Спрятался, и все тут. А вечером пожаловался Зрамук:

– Ну и задал мне жару этот Рашид! Цену погоньчу узнаешь, когда его нет.

Фаризат осерчала еще больше и хотела снова побить сына, да Мухтар отговорил. Того и гляди, обидится мальчишка, сбежит домой, а кого на его место ставить? Без погоньча пахота не пахота. Вон Зрамук после полудня лишь полнормы вспахал. И без того производительность падает с каждым днем. Оно и понятно: какой работник из голодного?

С утра, проводив людей в поле, Мухтар снарядился в лес, прихватив старую берданку. Старый лесничий встретил его приветливо, как дорогого гостя.

– Дело у меня, Алихан, – начал Мухтар сразу после приветствий. – Непростое дело.

– Выкладывай, авось, с божьей помощью и поможем твоему горю... Охо-хо, кому нынче сладко... Народ в этом году будто с цепи сорвался, рубят и рубят лес, и выбирают-то самые лучшие, здоровые деревья! Оно, конечно, и дрова людям требуются, и жилье у многих порушилось, опять же древесину подавай, но ведь и с меня спрос, что ни день – начальство с проверкой, а виновен всегда лесник... – Старик помолчал, затем махнул рукой. – Вот старый пень, совсем из ума выжил! Человек по делу пожаловал, а я тут о своем. Рассказывай.

Мухтар замялся. Он ведь и сам собрался просить лесничего пойти против закона.

– Говори, не стесняйся, – подбодрил его Алихан.

– Пойми меня правильно, отец, – заговорил бригадир, – не о себе пекусь, о людях. Голодают они у меня. В начале пахоты зарезал одну овцу на бригаду, вот и все мясо, с тех пор на пустой похлебке сидят. Долго ли так протянут? Помог бы ты нам с живностью какой-никакой... Благодарил бы я тебя до конца жизни!

– Чем же тебе помочь? – почесал в затылке старый лесник. – Годились бы твоим людям мягкорьлые «барашки», этого добра полно в лесу... Да шучу я, шучу, – рассмеялся он. Подумав немного, сказал: – Ходит тут один козел, красавец, а жирный какой, будто и не весна сейчас. Можно бы на него поохотиться. Только... люди-то у тебя не проговорятся? У тебя там, говорят, негодяй Малиль окопался?

– Да, но... он ведь и сам есть будет!

– А он поест и еще бойчее настучит. Тут мне и крышка. У него давно на меня зуб имеется: ведь его с лесников сняли, а меня поставили. Я-то при чем? На начальство пусть обижается... Э-э, Мухтар, не знаешь ты его.

– Да знаю. Недавно попался на том, что на чужой корове целый день пахал, а свою ни разу не запряг.

– Вот греха не боится!

– Что с безбожника взять.

– Сделаем так. Я козла добуду, мясо тебе в мешке принесу. Как начнет

смеркаться, приходи к старой груше, что на пригорке, только никого с собой не бери.

– К чему такие хлопоты? Я сам его освежую, а шкуру тебе верну.

– Делай, что говорят.

На том и разошлись: старый лесник с двустовкой удалился в чащу, Мухтар налегке вернулся к своим.

Увидев утром освежеванную тушу, Хакулина глазам своим не поверила. Мухтар призвал Лалину на помощь кухарке и велел им сварить к обеду половину туши.

Наработавшиеся с ранней зари крестьяне вернулись к обеду – и онемели. Миска горячего бульона с добрым куском мяса – это не сон? Все переглядываются, не решаясь приступить к еде. Опомнились от оклика кухарки:

– Ну, стынет же, чего ждете!

Первым подал голос неугомонный Рашид:

– Это не фасоль, можно есть без опаски.

Старый Худ поперхнулся, другие рассмеялись.

– Всю жизнь в лесу прожил, – сказал Малиль громко, чтоб слышно было всем, – а такого жирного козла не встречал.

Намек поняли все: подлый Малиль собрался брать бригадира на испуг. Тот кашлянул подчеркнуто спокойно и ничем тревоги не выдал. Но слова плугаря пронзили его стрелой. Не за себя боялся. Как бы на лесника беду не накликать: ведь ради людей на преступление пошел...

После обеда мужики притулились где придется на короткий отдых. Мухтар как бы невзначай оказался рядом с Малилем.

– Тебе чего нейдется, фашистское отребье, – тихо сказал он. – Пикни еще раз про козла – за семь рек упеку, понял? Думаешь тебе, сукиному сыну, забылось, как ты по домам яйца собирал для немцев? Осмелел, брехлив стал не в меру? Так можно и напомнить все.

Бригадир отошел, оставив пыхтящего от злости Малиля. Про делишки его с немцами знали все, и сошло ему с рук только благодаря жалости людской: все же детишек куча, да и вреда особого не чинил, доносить доносил, но крови на нем нет. Бог ему судья!.. Да видно, сочувствие односельчан он истолковал на свой лад, едва ли не как одобрение. Нет бы жить потихоньку, детей поднимать, а он случая не упустит, чтоб напакостить. А как отобрали у него лесничество – совсем покоя лишился... Негодяй бригадир знает, чем его зацепить. Придется, видно, проглотить обиду и затаиться. На время. А там видно будет...

В конце лета пришла в аул радость: вернулся с фронта Заурбек. Комиссовали после госпиталя. Правая нога у него стала короче, и он сильно припадал на нее при ходьбе. Весть о его возвращении мигом облетела Мишхидж, дошла и до полевого стана. Всем не терпелось навестить первого фронтовика, вернувшегося с войны. Вдруг знает что-нибудь и о других односельчанах, вдруг весточку привез...

Но самому солдату радоваться было нечему. Упаси Бог от той картины, что предстала его взору. Фашистская бомба оставила лишь воронку на месте родного дом. Тридцать шесть человек погибли в тот день в Мишхидже, среди них мать его Гошана. Убитый горем юноша сидел в полуразрушенном сарае в окружении стариков и старух со всей округи. Примчался с поля Мухтар, и слезы Заурбека хлынули с новой силой.

– Лучше бы я погиб, – вырвалось у него.

– Не говори так, брат, – попытался его успокоить Мухтар, – ты вернулся живым, и это главное. Держись, будь мужчиной... Мы ведь всем селом это пережили, тридцать шесть трупов разом... Три дня хоронили. Тут воля не наша, братишка.

Заурбек тяжело перевел дух и обвел глазами искореженный двор.

– Поживешь пока в доме Дуко, – сказа Мухтар. – Вы со стариками всегда одной семьей жили. Дом пустует, Лалина иногда заходит проветрить да прибраться.

– А Нафица как?

– А как может быть? Мисроко так и сгинул. Старшие сыновья-близнецы... Бумага на них пришла, будто без вести пропали. От нее, правда, скрывают. Младший тоже на фронт сбежал. Прислал несколько писем, и вот тоже давно не пишет. Ездили недавно с Лалиной, уговаривали приехать погостить – куда там. Вдруг, говорит, мальчики вернуться, а меня дома нет.

– Одна, значит, в доме.

– Соседи своих девчонок на ночлег присылают. И Ляца рядом живет, хоть это утешает... Такие вот дела, Заурбек.

– Как мать, здорова?

– Слава Аллаху. Мы-то с Лалиной днюем и ночуем в поле, все хозяйство на маме и девчонке нашей.

Соседи понемногу разошлись. Мухтар и Заурбек пошли к дому Эльбаздуко и распахнули настежь двери и окна – пусть проветрится.

– Пойдем к нам, – предложил Мухтар, – перекусишь, отдохнешь с дороги.

К ним спешила соседка Зулижан.

– Я тут приберусь немного, – предложила она. Бригадир обрадовался:

– Неплохо бы. Только и у тебя дел невпроворот, на денек всего отпросилась с поля...

– Да какое дело важнее этого! – замахала руками добрая женщина. – Бедная Гошана, не дожидая ты до радостного часа...

– Какие еще новости в ауле? – спрашивал Заурбек по дороге. – От Мурадина есть что-нибудь?

– Одно письмо всего было, давно еще. Мы же ему твой адрес отослали, не написал?

– Может, и написал, но до меня не дошло. Я ведь недолго в строю был, как ранило – с тех пор по госпиталям. Я же писал.

– Ничего мы не получали.

Мать Мухтара встретила их с распростертыми объятиями:

– Мальчик мой, Заурбек, хвала Всевышнему, указавшему тебе путь домой. А я-то внучку жду, чтобы с ней к тебе наведаться, а ты тут как тут! – Она прослезилась, провела парней в дом, радостно суетясь, тут же упомянула Гошану и залилась слезами.

– Ты вот что, мать, – сказал Мухтар, – чем сырость разводить, собери-ка на стол чего-нибудь. Ему на сегодня слез достаточно... А где внучка твоя?

– Послала ее к Маде, немного кукурузы смолоть на ручной мельнице. Давно жду, там, поди, народу много.

Скоро задымилась на столе жирная койжапха с чуреками, и парни с аппетитом поели. Мухтар заторопился в поле, к своей бригаде, – сенокос в разгаре, сроки поджимают, а рук не хватает. Есть о чем тревожиться. Бригадир взял с собой и Заурбека – все лучше, чем одному в пустом доме.

Вечером фронтовик остановился у ворот, как вкопанный. Двора было не узнать, все чисто прибрано, домик побелен, окна сияют чистотой. На пороге встретила его Зулижан, с нею какая-то смазливая девчонка. Заурбек взгляделся в знакомые черты.

– Если не ошибаюсь... дочка Нашхо?

– Она самая! – радостно засмеялась Зулижан. – Вот, на помощь пришла.

– Подумать только, вчера еще ребенком бегала.

Девушка зарделась от смущения.

Он почти не спал ночью. Наконец-то он наедине с собой и со своей бедой, с мыслями о погибшей матери и старшем брате, который словно в воду канул. Можно и выплакаться, не стесняясь людей. Лег не в доме, а в летней кухне, на широкой деревянной лежанке Дуко. Сколько ночей в детстве он спал тут рядом с дедом. Какое было славное время, как прекрасна и беззаботна жизнь, пока есть рядом старшие, пока все родные живы. А теперь... один, как перст... Бедная моя мама, какая жестокая участь выпала тебе!.. Едва высохшие слезы полились вновь.

Перед рассветом он встал и вышел во двор. И с новой силой ощутил свое одиночество. Так можно и с ума сойти. Может, в бригаду к Мухтару податься? Все же среди людей.

Предутренняя прохлада пробирала до костей. Он вернулся в дом, лег, согрелся немного и уснул. Солнце было уже высоко, когда его разбудил скрип двери.

– Разбудила, сынок? – сказала Зулижан. – Я тебе тут поесть принесла.

– Не стоит так беспокоиться, – смутился Заурбек. – У тебя и без меня забот хватает.

– Надолго меня и вправду не хватит, в этом ты прав, – лукаво улыбнулась Зулижан. – Так что ищи поскорее ту, что позаботится о тебе.

Она ушла, велев парню одеваться поскорее да приниматься за еду. Вскоре, однако, вернулась.

– Ты ешь, ешь. Я чего вернулась: ты почему здесь спишь? В доме тебе постелено.

– Мне хорошо здесь, – отозвался с грустью Заурбек, – все о детстве напоминает, как с дедом спал тут и домой не хотел уходить.

– Душевный был человек Дуко, да упокоится душа его в раю... – Женщина вздохнула, помолчала. Видно было, что не терпится ей сказать что-то. Наконец решилась: – Ты все равно что сын мне, Заурбек. Мы с матушкой твоей Гошаной неразлучны были, как родные сестры. Я к тому, что... не думай, что я пошутила, я на полном серьезе с тобой.

– О чем ты, Зулижан? – смутился юноша.

– Да о том, чтоб ты хозяйку в дом привел, берегиню очага. А разве мать, будь она жива, не о том же тебе сказала бы? Погляди только, какая славная девушка у Нашхо подросла. Собою хороша, просто загляденье, а умелица какая, любая работа в руках спорится. Кому достанется, тот считай, самим Господом обласкан.

– На что такой красавице такой увечный жених, – попытался отшутиться Заурбек. – Я-то что, я хоть сейчас готов.

Зулижан радостно оживилась.

– Мальчик мой... если ты захочешь, все сладится. Я ведь уже и намекнула ей, и сдается мне, она вовсе не против. Да и Нашхо... я, признаться, и с ней поделилась... неплохо бы, говорит, вот так, рядышком пристроить свою девочку, за хорошим парнем!..

Поняв, что шутка не удалась, Заурбек испугался и пошел на попятную.

– Да пошутил я, Зулижан! Сама подумай, вернется старший брат – а я уж вперед него женился! Что он скажет? И потом, ты не забыла, что у меня нет ни дома своего, ни куска хлеба? Куда мне жениться?!

– Обо всем я подумала, как не подумать. Что до твоего брата, так он только рад будет, как сейчас вижу. А насчет дома – чем тебе этот плох? Прекрасно знаешь, что Дышана, покойница, отдала бы этот дом тебе или Мурадину, больше-то некому. Кто им опорой был, помимо вас двоих? А матушка ваша разве не почитала стариков до самой их смерти, как родных свекра со свекровью? Так что и думать не смей. А девушку не упускай, мой тебе совет!

Соседка собрала свои тарелки и ушла. А Заурбек задумался. Что правда, то правда, мужчине одному не прожить. Он может заработать кусок хлеба, но кто-то должен дом содержать, пищу готовить, шить и стирать. Что ни говори, мужчина без женщины беззащитен, как ребенок, хотя и считается сильным полом... Мурадин в тот приезд сам благословил его на женитьбу, но лишь потому, что маме нужна была помощница в доме. А теперь мамы нет. Ради кого пороть горячку? Не лучше ли дожждаться старшего брата, а там все будет путем...

Он вышел во двор, огляделся. Надо бы бурьян выкосить, во всей округе неухожены только два огорода – его и Дуко. Перешел к себе во двор, поискал в покосившемся сарае косу и не нашел. Наверняка на чердаке у стариков завалялась. Там ему каждый уголок с детства знаком, найдет без труда.

Чердак был просторный, и Заурбек передвигался по нему без опаски. Покойный Дуко был хозяином рачительным, было у него в хозяйстве все для работы и для жизни.

В поисках косы Заурбек наткнулся на груды кукурузных початков, чуть подпорченных мышами, но прекрасно сохранившихся. Пожалуй, с

телегу наберется. Неужели Мухтар или другие не знали об этих припасах? Похоже, нет, иначе при такой нужде быстро пустили бы на посев. Дальше в большом деревянном ящике он обнаружил пшеницу, правда, она уже не годилась, кое-где прогнила от сырости, кое-где проросла, да и мыши неплохо поживились. Тут же рядом лежали седла, вожжи, подпруги – все изгрызенное мышами.

Прикрыв свою драгоценную находку ветошью, Заурбек отыскал вилы, прихватил еще пару деревянных вил и спустился с чердака. Старательно выкосил бурьян в обоих дворах и вокруг строений, прокосил тропинки к уборным. Немного даже развеселился, вспомнив, как щепетилен был Эльбаздуко в отношении отхожих мест. На каждом подворье должно быть две уборных, – настаивал он, – для мужчин и для женщин отдельно, притом в разных углах сада. Тех, кто не соблюдал это правило, дед и за людей-то не считал. Бывало, после его насмешек многие спешно копали второй туалет.

Около полудня Заурбек прервался и прилег отдохнуть. Мысли его вновь вернулись к находке на чердаке. Это сколько же времени пролежало зерно? После смерти Дуко минул не один год. В сухом месте кукуруза пролежит долго, но как ее мыши пощадят?! Видно, пшеница пришлась им больше по нутру.

Окликнули с улицы. Он встал и вышел. С утра старый Хазиз наблюдал за стараниями парня, теперь пришел звать его к обеду.

За столом говорили о том да о сем, и между словом Хазиз намекнул, что надо бы и о хозяйке подумать, а что, самое время, дело молодое... Заурбек промолчал.

После обеда Заурбек направился на стан к Мухтару. Тот при виде его отчего-то испугался.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего. Мне что, и навестить тебя нельзя?

– Еще как можно, только отлежаться бы тебе, путь неблизкий, а ты пешком...

– Э, скучное это дело. А Лалина где?

– Сейчас увидишь.

Та уже бежала к ним, бросив вилы. За ней потянулись и другие женщины.

– Вот обрадовал ты нас, Заурбек, – говорила Лалина, обнимая дорогого гостя, – значит, насовсем?

– Вроде того.

– И слава Аллаху! Да закончится на этом все плохое в твоей жизни!

– Аминь! – отозвались женщины.

Вскоре они вернулись к своим вилам и граблям, оставив мужчин вдвоем. Услышав про кукурузу на чердаке Эльбаздуко, Мухтар схватился за голову.

– Это когда ж мы ее туда подняли! И до сих пор лежит! Ну и дела! Надеюсь, никому не проговорился?

– Еще чего!

Весь второй день лушили кукурузу и налушили почти десять мешков

драгоценного зерна – неслыханное богатство! Наутро отвезли на мельницу. Всем соседям раздали по ведру муки – чтоб добром помянули запасливых стариков, да будет им светло на том свете. Для бригады выделили мешок. По мешку оставили себе Заурбек и Мухтар, остальное продали в городе. Будет теперь на что свадьбу справить. Попробуй отвертись! Взяли парня в оборот Зулижан и Мухтар, и Лалина туда же. Тянуть не стали, женили Заурбека на дочке Нашхо, красавице Заират, и нарекли ее с согласия старших, как полагается по обычаю, вторым именем Нисааф, что означало «желанная сноха»...

Жизнь шла своим чередом. Но однажды спокойствию пришел конец. Заявился на полевой стан председатель колхоза – все тот же бессменный Тленкапсиншев Мурид с незнакомым русским гостем. Мухтар почуял недоброе. Из бригадной кухни доносился запах лакумов. В последние дни Хакулина готовила особенно вкусно: долго ли, если есть мука кукурузная и немного пшеничной в запасе. Мурида запах еды не обрадовал, скорее напротив: дело известное, хлеб-соль может стать помехой на пути несущего камень за пазухой. Председателю и самому было неизвестно, с чем пожаловал следователь из района, только и смог различить: на бригадира поступила жалоба.

Время вечернее, ужин наготове. Гостям накрыли стол, они от еды не стали отказываться. Но, как ни тяни, дело есть дело.

– Скажите, бригадир, – приступил к вопросам приезжий, – сколько лесных козлов вы отстрелили за этот год?

Мухтар изобразил на лице изумление.

– О каких козлах вы говорите?

– О тех самых, о лесных.

– Послушай, брат, есть у нас на стане старая берданка, можешь проверить ее и убедиться, что из нее не стреляли очень давно. И потом, Аллах мне свидетель, я в жизни ни одного козла не убил. В чем могу признаться – летом кабаны травят кукурузу, доводилось пугнуть.

– А ты подумай хорошо, может, и припомнишь, как весной, в голодные дни, ты два дня кормил свою бригаду козлятиной. Допускаю, что отстреливал не ты, а кто-то другой по твоей просьбе. Думай!

Кровь ударила в голову Мухтара. Что тут скажешь, если козлятиной у них угощался сам председатель. Кто же донес? Малиль? Тогда почему только сейчас?

– К чему вспоминать осенью о мясе, съеденном весной? – попытался пошутить бригадир.

– Не придуривайся, парень, – посуровел следователь, – что весной, что летом – мне один черт. Убил, значит – убил, ответишь по закону.

– Так я, товарищ следователь, еще раз повторяю: ни козла, ни какое иное животное я в жизни не убивал. Не верите мне – вот моя бригада, спросите любого. А мне больше нечего сказать. – Мухтар решительно встал. Председатель поспешил перехватить инициативу:

– Товарищ следователь, знал бы я, с чем вы к нам, ни за что бы с вами не поехал. Вспомните, какую весну мы пережили. Эти люди, голодные и холодные, лопатали поля, пахали на коровах. Если и отстрелили одного

козла – что с того? Эти же работы и съели. Мир не перевернулся от этого!

– А что мне прикажете делать, товарищ председатель? – развел руками следователь. – У меня жалоба на руках!

Пошумели, поспорили, в конце концов следователь опросил – скорее для виду – пару-тройку человек, с тем и уехал. Удивлению Мухтара не было предела. Откуда такие перемены в Муриде? Такого благородства за ним отроду не водилось.

Через месяц после этого случая Алихана уволили из лесничества. Проводили на пенсию. Ни о каких нарушениях речи не было, но Мухтар мучился угрызениями совести и во всем винил себя...

Работа от зари до зари, краткие передышки – все это лишь отвлекало от бесконечного ожидания вестей с войны.

День близился к концу, когда людей стали созывать за собрание – на полевой стан прибыл секретарь парткома. Люди устало подтягивались к бригадному дому. Что за срочные сборы? Может, случилось чего?..

– Во-первых, – начал свое выступление секретарь, – хочу сказать вам спасибо за труд: ваша бригада идет впереди других. Благодарю вас, желаю каждому дождаться родных с фронта, а всем нам вместе отпраздновать победу. Чем лучше работать станем, тем скорее выкинут врага с земли нашей... – он говорил с пафосом, будто выступал на большом митинге. – Вот почему нам сейчас нужно работать, не жалея сил!

Оратор все лил из пустого в порожнее, а люди терпеливо слушали. Наконец кто-то не выдержал.

– Послушай, дорогой партком, ты бы лучше рассказал, какие новости с фронта! А что до работы – это мы и без тебя умеем.

– Вот потому мы и здесь, потому и пришли к вам, чтобы новостями поделиться, но вы же не даете слова сказать! Не даете, валлахи!

На памяти сельчан парторг Мурат был самым долговечным на этом посту. Предшественники его лишались места, стоило им занять свое мнение и высказать его перед председателем. А этот – божий человек, слова поперек не скажет, вот и трудится на радость себе и Муриду.

Завершая свою пламенную речь, он крикнул во все парткомовское горло:

– Да здравствует наш великий вождь Сталин! Ура, товарищи!

– Ура, ура, валлахи, – отозвался одиночный унылый голос Худа.

– Ты бы нам, Шахимов сын, про войну рассказал, обещал ведь! – выкрикнул Бек.

– И расскажем, Бек, куда спешишь? На этом собрание наше закончилось, теперь и поговорить можем, по-простому, по-людски. – Уйдя с воображаемой трибуны, он сел рядом с бригадиром. – А с фронта в последнее время приходят новости одна лучше другой. Город за городом освобождают от врага наши герои, сталинские бойцы. Скоро, даст Аллах, войне конец. У этого Гильтера скоро глаза повылазят, такую трепку задаст ему наш великий Сталин, наш золотой вождь! На свою беду попер он на нашего Сталина! В России город есть огромный, почти что как Москва, Курс называется. Вот в этом городе только что завершилась великая битва.

Повержен немец, весь как есть разбит! Часть убили, часть в плен взяли. Сегодня собрали нас в районе и крепко-накрепко указали: по всем аулам, по всем бригадам объявить радостную весть. Вот такие дела, братья.

Люди оживились, радостно зашумели. Пусть глуповат Мурат, пусть не все понимает, зато новость какую принес! Молодец, свой парень!

Партком уехал, а колхозники развели костер и допоздна веселились, не помышляя об отдыхе. Только и было разговоров, что о близкой – дай Аллах! – и такой желанной победе, о возвращении солдат с фронта.

Давно не доводилось Мухтару видеть своих односельчан такими веселыми и возбужденными.

– Спел бы ты нам, Худ, как раньше бывало, чтоб от души отлегло! – попросила вдруг Хакулина.

– Оно бы неплохо, – отозвался тот, – но поется-то лучше за добрым столом, за чарочкой. Поставь чекушку честь по чести, баранинки жирной подай, а уж я тебе до утра буду петь.

– За словом в карман не полезет, – заметил кто-то.

– Да и за песней тоже, – добавил другой.

– А толку от его песен. Все одно не допросишься.

– И не надо, – выкрикнул Бек. – Ты расскажи лучше, как дрова возил для одной красотки, для Муридовой сестры.

– Ну никак не забудут, что за люди! – изобразил возмущение старик, а самому приятны воспоминания о грехах молодости! – Я вам лучше спую.

– Расскажи, что тебе стоит! – стали просить со всех сторон.

– Чего уж там скромничать, все село знает эту байку, – подзадорил Бек.

– Вот приставучий у меня дружок! Так и быть, расскажу.

Слушатели подсели поближе и замерли в предвкушении забавного хабара, на которые Худ был мастак не меньше, чем на песни.

– Случилось это, когда нас только объединили, в колхоз, значит, собрали. Вы помните, выдали мне двух добрых вороных из кулацкого наследия. Я-то всю жизнь безлошадным был, о своем скакуне только мечтать мог. А тут сразу два. Уж я и заботился о них, и холил, всем на зависть. Бывало, сам недоем, чтобы лошадям по лишнему куску хлеба дать. Как-то зимним утром покормил своих лошадок и стою, оглаживаю их, а Куев сын тут как тут на своем жеребце. «Какой, – говорит, – наряд тебе сегодня бригадир дал?» – «Не знаю, – отвечаю, – его не было пока». – «В таком разе ступай, – говорит, – и привези воз дров моей сестре». – «Ладно, – говорю, – уважаемый Мурид, твое слово – закон». Ну, съездил я в лес, погрузил дров на совесть и довез куда надо. Обрадовалась она очень. Собрался было уезжать – хозяйка мне дорогу загородила, сама видная такая бабенка, крепкая. Хоть убей, говорит, а без хлеба-соли не отпущу. Где, говорит, такое видано, чтобы человек в лес съездил, озяб и устал, а его к столу не позвали. Дома, говорит, никто тебя не ждет, ни жены у тебя, ни матери. Одним словом, затащила меня в дом, усадила, а на столе уж сковородка с гедлибже ароматами исходит. Поставила тут же четверть самогона, наилучшего первача, достала два стакана, сама тоже подсела и давай глущить! Так и выпили всю четверть!.. Да, чуть не

забыл, когда я зашел, она мне тазик с кумганом поднесла умыться. Мыло душистое дала, поливает мне на руки теплой водичкой, нагнулась, тут халат ее раскрылся, а там такая грудь ходила, братцы мои!.. Так о чем я говорил?

– Допили вы самогонку.

– Допили, всю до капли. Встаю и начинаю прощаться. Она мне: «Постой». Сама во двор идет и возвращается. Все, говорит, никуда не пойдешь, у тебя нетоплено, неготовлено, некуда спешить. Постелю, говорит, в другой комнате, там и ляжешь. Я, братцы мои, онемел, так и тарасу глаза на красотку. Наконец сообразил: лошади мои, говорю, на улице. А я их, говорит, распрягла, в хлев поставила, корму задала.

Все слушали, затаив дыхание. Порой прыснет кто-нибудь со смеху, но на весельчака шикнут, и снова тишина. Ободренный таким вниманием, Худ становился все словоохотливей.

– Ну, думаю, где наша не пропадала. Стелет она мне постель. Белье, братцы мои, что твой снег, подушка пуховая, до сих пор затылком чувствую. Ложусь, а мне не спится! Думаю, как дальше быть. А чего думать, она сама все надумала! Заходит ко мне в чем мать родила, шмыг под одеяло, стаскивает с меня рубаху, кальсоны... Мне, говорит, так теплее, когда тела соприкасаются, а сама прижимается... – Он вздохнул, почесал в затылке. – Ну и ночь была, братцы мои! До сих пор как вспомню – в жилах кровь останавливается! – закончил старик так громко и с таким чувством, что все расхохотались, и сам он тоже.

– А дальше, дальше как было? – спросил кто-то сквозь смех.

– А что дальше? Утром запряг своих вороных и уехал восвояси.

– Да нет, ты расскажи, как до ее брата слух дошел.

– Э-э, – махнул рукой Худ. – Обязательно надо все испортить. Зачем вспоминать?

– А что так, Худ?

– Что-что... Чуть не прибил меня, придурок, Куев сын, то есть.

– Не ты же один виноват.

– Будет он разбираться! Так и метался по кабинету, будто ишачьих мозгов объелся, подскочит и замахнется, а ударить не смеет, знает, что даром не спущу. Пусть бы пальцем тронул, я бы его так отделал за все прошлые обиды. Но он не посмел, ну и я на рожон не полез.

– А как он узнал? – не унимались любопытные. – Сестрица призналась?

– Как бы не так! Похвалился я одному дружку, а он, подлец, меня председателю сдал!

– Ну ты, полегче! – возмущенно выкрикнул Бек, выдавая себя, и все грохнули со смеху. Насмеявшись досыта, стали снова пытаться Худа: чем история закончилась.

– Известно чем. Отобрали у меня пару, и стал я снова безлошадным, каким и был всю жизнь. Вызывает он меня в правление, вызывает, значит, а там у него человек пять холуев сидят, так он мне при всех: «Как же ты, – говорит, – сучий сын, со мной обошелся, я тебя, – говорит, – посылал за дровами в лес, а не в постель к моей сестре!»

– Так и сказал!

– Если бы так! Все называл своими именами, все как с базара, совестно даже при молодежи повторять. И так это бегают по комнате кругами, бегают!

– А ты?

– А что я? Рассказал все, как было. Он – в крик опять. А я ему: «Сам, говорю, прикинь: если женщина разденется и ляжет к тебе, будешь ты с ней спать или нет?» Он так и сел! «Вон, – кричит, – вон отсюда!» Его парни хватают меня и тащат к двери, а я уперся ногами-руками в дверной косяк и требую ответа на свой справедливый вопрос: «Ответь, – говорю, – переспшишь ты с женщиной или откажешься?» Только с этими бугаями разве сладишь? Выкинули меня к чертям, а бригадир наш – он тоже там был – вслед мне кричит: «Отгони упряжку на базу и оставь там!» Вот это мне обиднее всего было! – заключил Худ и сосредоточенно принялся за внушительную самокрутку. Но слушатели жаждали продолжения.

– А после ты не встречался с председателевой сестрой?

– Она вскоре в город переехала.

– Так до города рукой подать.

– Ладно, братцы мои, на сегодня вам потехи хватит. Да и я разболтался не в меру. Спать ступайте, а то утром вас не добудишься.

Кто-то послушно встал, кто-то остался у затухающего костра, и долго еще слышались короткие смешки – рассказ Худа всем поднял настроение. Наконец все стихло. Ясная ночь стояла над полем. Полная луна осторожно кралась по небесному своду. Ветерок с горного кряжа доносил пряный запах сохнущего сена, наполняющий душу и тело легким хмелем. Тишина над полем, только цикады нарушают ее да одинокий волчий вой вдали. Люди мирно спят, будто нет войн и горя на земле. Ночь властвует, безмятежная ночь.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

К 75-летию Зубера Тхагазитова

Кабардинский поэт Зубер Мухамедович Тхагазитов родился 12 августа 1934 года в г. Терек Терского района КБР. После успешного окончания средней школы он поступил на историко-филологический факультет КБГУ и защитил диплом в 1960 г. После этого работал в отделе пропаганды республиканской газеты «Советская молодежь» (1960–1965), затем стал главным редактором журнала «Йуащхэмахуэ» и работал до 1971 г. В 1971 г. Зубера Мухамедовича избрали ответственным секретарем Союза писателей КБАССР, а затем, в 1991 г. – председателем правления Союза писателей, где он проработал до 1994 г.

З. М. Тхагазитов – член Союза писателей СССР (1965); лауреат премии ВЛКСМ КБАССР, лауреат Госпремии КБР, Народный поэт КБР. За заслуги в развитии советской литературы и в связи с 50-летием образования Союза писателей СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом «Знак Почета» (1989).

Начав свой творческий путь со сборника с символическим названием «Бгым сьдок!» (Иду в гору. 1960), Зубер Тхагазитов создал более 20 книг. Он – поэт, остро чувствующий время и свою ответственность перед ним. Отсюда его исключительная разборчивость в выборе тем, идущих в ногу со временем. В его творчестве слились воедино богатейшие традиции фольклора адыгов, национальной письменной культуры, русской и советской классики. Это триединое начало ярко проявилось в его поэтическом кредо, в его отношении ко Времени и к себе, в его художественном восприятии мира, интуиции, во всем, что может быть обозначено словом Талант. О чем бы он ни писал – о родной земле, о подвигах народа в войне 1941–1945 гг., о жизни и смерти, природе и любви, – главное для него – утверждать высокое назначение человека, созидателя и творца.

Свежа и самобытна его любовная лирика, как яркое свидетельство появления в кабардинской литературе своеобразного и талантливое поэта любви (Сб. «Эхо весны» и др.). Его любовная лирика отличается поэтическим тактом, особым изяществом, благородством, искренностью, откровенностью в строгом сочетании с чувством меры. В большинстве своем она о любви светлой, счастливой, хотя есть в ней и боль, и сомнение, и тревога. Многие стихи этого цикла, переложенные на музыку, стали популярными песнями («Золотые пчелы», «Ты – мой ветер», «Девушка и весна» и др.).

Зубер Тхагазитов с молодых лет проявил себя и как талантливый переводчик. Благодаря его высокохудожественным переводам на кабардинском языке «заговорили» многие классики российской поэзии. За перевод всемирно известного произведения Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на кабардинский язык (Къапльъныфэ зыщыгъ зауэл). Он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР в 1982 г.

Значителен его вклад в развитие кабардинской публицистики и литературоведения. Он является автором монографии «Зыжужыныгъэм и гъуэгугу» (Дорога развития. 1987), в которую вошли литературоведческие и литературно-критические статьи, опубликованные в разные годы.

Его многочисленные книги, выходящие и сегодня, являются большим вкладом в общеадыгскую литературу, воспитывая в подрастающих поколениях жизнеутверждающее начало. Он и сегодня полон сил и энергии, отдает всю свою силу новым книгам и новым песням.

К 75-летию
Владимира Гетегежева

Одной из первых публикаций в КБР по проблемам теории и истории культуры является монография Владимира Гетегежева «Тексты лекций по культурологии» (1994), где рассматриваются культуры Древнего Египта и Древней Месопотамии, греко-римской античности, Византии и европейского Средневековья. Это издание было предназначено студентам, изучающим новую дисциплину – культурологию, и соответственно замысел автора должен был служить не только справочником по духовной и материальной культуре, но и давать конкретную информацию о художественной культуре соответствующего культурно-цивилизированного типа. Но оно выходит за рамки чисто учебного текста и дает обширный материал по мировой художественной культуре, по религиоведению, истории цивилизаций.

Одной из значительных монографий среди последних работ Владимира Ахмедхановича является «Слово о культуре» (1998). В ней предпринята попытка выстроить в единое целое многовековую историю мировой культуры, рассмотреть ее как сложное явление, которое развивается во времени, по своим законам. Она является одной из научных исследований по осмыслению мировой культуры с позиции нового мировоззренческого подхода к материалу. Предметом исследования данной работы является культура древних цивилизаций, в частности, культура Египта, Древнего Востока, греко-римской античности, Византии, европейского Средневековья и Возрождения. Эта монография явилась результатом осмысления большого культурологического и эмпирического материала, затрагивающего проблемы различных цивилизаций далекого прошлого.

В. А. Гетегежев – критик, литературовед, философ, – родился в 1934 году в сел. Нижний Курп Терского района КБР в семье партийно-комсомольского работника, который затем стал кадровым офицером и погиб в 1939 г. на территории Польши. После окончания средней школы в 1952 г. Владимир был приглашен на работу инструктором исполкома Кубинского райсовета депутатов трудящихся КБР.

В 1953 г. поступил в БГУ на историко-филологический факультет. После окончания университета в 1959 г. Владимир Гетегежев работал учителем русского языка и литературы. В 1960 г. был переведен в Совет Министров КБАССР на должность инструктора оргинструкторского отдела. Работал в Совмине, был принят в члены КПСС. По решению Совмина был направлен в аспирантуру в Азербайджанский госуниверситет им. С. М. Кирова, сначала по специальности «История КПСС», затем был переведен на специальность «Эстетика». После окончания аспирантуры в 1965 г. зачислен преподавателем кафедры философии БГУ. В 1967 г.

защитил кандидатскую диссертацию по эстетике в Азербайджанском госуниверситете.

Владимир Ахмедханович организовал и долгие годы возглавлял кафедру истории философии и научного атеизма, этики и эстетики, затем культурологии. В 1984 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности «Эстетика» при Московском государственном университете. В настоящее время В. А. Гетегев – профессор, руководит кафедрой культурологии. Он – заслуженный деятель науки КБР, член Союза писателей СССР, член Союза журналистов СССР, академик Адыгской международной академии наук.

Основное направление научных поисков Владимира Гетегева – генезис и эволюция национальной художественной мысли, становление эстетических идей, взглядов у народов, традиционно не имевших письменности. Он первым исследовал закономерности становления жанрового многообразия национальных литератур и аргументировано структурировал, выделил основные элементы национальной художественно-эстетической культуры. Большое место в его творчестве занимают вопросы преемственности национальных культур. Он вводит понятие «эстетической активности» как аккумулирующего движения от фольклора до профессиональной художественной деятельности.

В. А. Гетегев ведет научно-исследовательскую работу по проблемам художественно-эстетической культуры народов Северного Кавказа. Им опубликованы несколько монографий.

Анализ литературно-художественного процесса с эстетических позиций – одна из сложнейших задач, стоящих перед литературоведением. В этом смысле одной из его заметных работ является монография «Грани новой жизни» (1984), которая стала примером качественного роста исследований по литературе и искусству народов Северного Кавказа. В ней впервые очерчены основные структурообразующие элементы национально-художественной культуры.

К 80-летию Инала Пшибиева

Инал Хангериевич Пшибиев родился 15 июля 1929 года в сел. Нартан Нальчикского (ныне Чегемского) района.

В 1936 г. умер отец Хангери Казиевич. Мать его, Табух Хакяшевна, не покладая рук от зари до зари работала в родном колхозе на самых трудных участках. К началу Великой Отечественной войны мать уже была нетрудоспособной, поэтому Иналу пришлось оставить школу и работать на колхозных полях, чтобы поддержать семью. Он пас лошадей, работал подводчиком, учетчиком в родном колхозе. После освобождения Кабардино-Балкарии от немецких захватчиков снова пошел в школу и продолжил учебу. Будучи студентом, узнал, что в редакции газеты «Ленин гъуэгу» (Ленинский путь) требуется корректор, обратился туда и, после успешного окончания испытательного срока, был принят на работу, которую совмещал с учебой. Газеты в то время печатались ночью и поэтому ему приходилось ходить на работу после занятий. Автобусов тогда не было, ни городских, ни пригородных. Работа заканчивалась в полночь, затем он по железнодорожным путям пешком добирался до Нартана, а утром – снова пешком – в Нальчик, в пединститут. Уже будучи аспирантом, читал лекции в Нальчикском сельскохозяйственном техникуме, где готовили руководителей для колхозов и совхозов. Инал Хангериевич испытал и счастье творческого труда, и счастье педагога, преподавая в вузе в течение 42-х лет – в братской Карачаево-Черкесии.

По окончании аспирантуры при Кабардино-Балкарском государственном пединституте он был направлен в Черкесский пединститут, где вырос до профессора кафедры черкесской и абазинской филологии, где ему было присвоено звание «Почетный доктор КЧПУ». В 1994 г. он удостоен почетного звания «Заслуженный работник народного образования КЧР». В 1998 г. награжден Почетной грамотой правительства Карачаево-Черкесской Республики. Указом президента РФ от 30 сентября 2002 г. удостоен почетного звания «Заслуженный работник высшей школы РФ». Результаты его научно-исследовательской работы воплощены в книги, в статьи, учебные пособия. Круг научных интересов широк, а диапазон его публикаций как литературоведа охватывает почти весь Северный Кавказ. Им написано семь книг. Особо следует отметить из них монографию «Жизнь и творчество Бекмурзы Пачева», ставшую основой его кандидатской диссертации, защищенной в 1966 г. в г. Тбилиси. Он составил и издал «Словарь синонимов кабардино-черкесского языка» и «Словарь антонимов кабардино-черкесского языка». В настоящее время нартановская средняя школа № 2 носит его имя.

«На кругу своя...»

Рассказ

Когда я приехал в Сары Кьол, роса еще не успела просохнуть под лучами утреннего солнца. В конторе колхоза кроме бухгалтера никого не было.

– А где Алтынбаев? – спросил я.

– Тамада слегка прихворнул, – ответил бухгалтер.

Я решил заехать к председателю домой.

В это время шумная компания молодежи с вилами и граблями промчалась на машинах. Из последней машины слышу величественное:

Эльбрус- красавец смотрит с Востока

В белой папахе в синеву...

Этой вершиной, снежной, могучей,

Налюбоваться не могу...

«Этой вершиной, снежной, могучей», – особо выделялся чей-то звонкий голос, ритмично сопровождаемый дружным хлопанием в ладони, а у меня защемило в груди: я вспомнил свою безрадостную молодость, но был рад за счастливую жизнь сегодняшних ребят.

Я поспешил к Алтынбаеву. Он лежал, голова была обмотана полотенцем. Не успел я и слова сказать, как он, увидев меня, приподнялся, присел на кровати, поздоровался и указал мне на стул.

– Как ваше здоровье, Шаухал Масхудович?

Он, помолчав некоторое время, дескать «не видишь, что ли», проговорил:

– Не пойму, в чем дело. Голова что-то сильно болит. И в такое неудачное время...

– Дни слишком жаркие, может, солнечный удар, надо прикладывать ко лбу холодное полотенце, наверное, – сказал я. Потом, давая знать о причине своего визита, я сказал:

– Вы не выполнили план за третий квартал по сдаче мяса...

– Вчера мы определили четыреста баранов для сдачи на мясо. Вероятно, заведующий фермой сегодня занят этим делом.

Пожелав председателю скорого выздоровления, я поторопился встретиться с заведующим фермой. Но, подъезжая к Жаргилям, я почувствовал неполадки тормозной системы своей старой «Волги». Решил не рисковать и повернул обратно: от Сары Кьола до Кенсая – 35 километров. Понятно, что в такую даль на неисправной машине отправляться не стоит. Заехал в колхозный гараж, но там никого не было. Зашел в кузницу и увидел молодого человека, который бил молотком по раскаленному до красноты железу. Заметив меня, молодой человек остановился.

– Где я могу найти завгара или механика? – обратился я к нему.

– Сегодня вы никого из них здесь не найдете. Они на заготовке сена. А что вы хотели?

Я рассказал ему суть дела, а сам, несколько озадаченный, направился в сторону конторы.

На небе виднелись редкие облака, красноватые от заката. Я вспомнил слова нашего соседа, старика Таукана, который не раз говорил, что если вечером облака примут красноватый оттенок, значит погода не испортится, и завтра день будет светлым, а воздух – приятным и прозрачным. Хотя я никогда и не задумывался над тем, прав он или не прав, но очень хотелось ясной погоды. Осенью непогода очень мешает уборке урожая, это всем хорошо известно.

Я вновь вернулся в кузницу. Кузнец, стоя у входа, протирал руки.

– Я посмотрел вашу машину, – сказал он, – в тормозной системе не было жидкости, я ее залил. Сами посмотрите.

– Правда?

– Конечно.

Почему-то мне не верилось, что машину так быстро исправили. Однако сел за руль, проверил. Кузнец, покрутившись вокруг машины, сказал:

– Нажмите на тормоза. Горят, – радостно закричал он. Я поблагодарил его и засобиравшись уезжать.

– Уже поздно. Переночуйте у нас, товарищ Тирменчиев, – сказал он, серьезно и искренне.

Я подумал и решил остаться: чем рано утром снова ехать сюда, лучше пораньше встречу заведующего фермой, решу наболевшие вопросы.

Кузнец как-то решительно сел за руль, хотя мне это и не понравилось, но я ничего не сказал. Однако сомнения быстро рассеялись – я понял, что у него «золотые руки». Вел он машину умело, повороты были уверенные, чувствовалось профессиональная рука.

Вскоре подъехали к воротам большого дома, ярко освещенным электрической лампой. Женщина, сидевшая во дворе, увидев нас, спокойно поднялась, сняла фартук и пошла навстречу. Мы поздоровались.

Кузнец поставил машину под навес, женщина обратилась к нему:

– Хажбекир, пригласи гостя в дом.

Значит, моего благодетеля зовут Хажбекиром. Мы зашли в дом, и Хажбекир спросил у матери:

– Мама, отец вернулся?

– Нет, сегодня он ночует с друзьями в кошах, где косят сено.

Мы сидим вдвоем. Стены дома занавешены коврами, а на полу – разноцветный балкарский кийиз. Над одним из ковров висит портрет. Приятное лицо с искристыми добрыми глазами. Вероятно, это отец Хажбекира. А на другой стене висит портрет, в котором я узнаю радушную хозяйку, гостеприимно принявшую меня. Это мать Хажбекира.

После ужина Хажбекир спросил:

– Почему вы такой молчаливый, устали?

– Да нет, просто сегодняшней день такой... Я люблю все дела выпол-

нять в срок, не откладывая. Если же по какой-то причине дело не было сделано, у меня портится настроение.

– Вы, вероятно, секретарь райкома?

– Нет, я инструктор райкома партии.

– Это не только у вас. Наверное, у каждого человека есть какие-то заветные мечты, к осуществлению которых он стремится. Ведь все хотят бороться за лучшую жизнь, идти вперед. Если сказать о себе, то я долго искал свой путь в жизни и успокоился только тогда, когда нашел то, что мне надо. Я стараюсь все делать вовремя и хорошо. Мне нравится во всем точность. Как бы я ни устал, если дело, за которое я взялся, можно выполнить сегодня, дело доведу обязательно до конца.

– А в кузнице давно работаешь?

Хажбекир некоторое время задумчиво молчал, потом начал свой рассказ.

В детстве, как только приду из школы, сразу же шел к отцу в кузницу. Глядя, как работает отец, я мечтал в будущем стать таким же мастером. Мне всегда казалось странным и загадочным то, как обыкновенное железо, раскаленное добела, под ударами молота приобретало причудливые формы. Сельчане уходили из кузницы отца с благодарностью, с самыми добрыми пожеланиями. Как я уже говорил, я часто бывал в кузнице, и что только я там не делал: из гвоздей выковывал ножички, из осколков жести делал тяпки, еще кое-что подобное. Как я старательно нажимал на кузнечные меха! Искры от угольев так и летели во все стороны...

А вечером, когда мы с отцом шли домой, я вышагивал рядом с ним, горделиво ощущая и свою причастность к делу. Отец держал меня за руку, а я пытался приноровиться к его широкому шагу. А мама, заведев нас, довольная, улыбаясь, говорила: «Работники идут».

В школе я учился хорошо, по крайней мере, не хуже своих товарищей, однако не примите, пожалуйста, это за некое хвастовство. Бывало и такое: на родительском собрании наш учитель Сулейман Шаханович показывал деревянную лопату, соху, сделанные мною, хвалил, а мама, гордая от услышанного, приходила домой радостная.

Однажды, когда мы шли из кузницы, отец начал:

– Хажбекир, ты закончил десятилетку. Это хорошо, но на этом останавливаться нельзя. Я окончил только семь классов. Но это было другое время. Даже не хочется об этом вспоминать. То было время военное, время выселения, голода, безысходности. Тяжкие времена... Сейчас другое время: никто не голодает, в одежде-обуви не нуждаемся. Дома все нормально. Тебе тоже поможем, ты, если надо будет, только учись.

Я сперва как-то растерялся, но потом задумался, и сказал:

– Да, все это так, отец, но я хочу работать с тобой.

– Сынок, поработать еще успеешь. Учиться надо, время дорого, не пропусти его!

– Хорошо, отец, я подумаю...

В ту ночь мне не спалось, одна мысль набегала на другую, думал о жизненных проблемах, о будущем.

На следующий день на улице встретил своего друга Салаха.

– Хажбекир, – спросил он, – ты в кузнице работаешь?

– Там работает отец, а я только прихожу помочь, но сам еще нигде не работаю. Готовлюсь в институт.

– Сейчас очень большой конкурс, ты, вероятно, знаешь об этом. Я тоже хотел бы учиться, но, к сожалению...

– Если серьезно, – сказал Хажбекир уже мне, своему молчаливому слушателю, – то и меня пугал конкурс. И, кроме того, ходили разные слухи.

– Это ты о чем? – спросил я.

– Да вот, говорят, взятки, еще какие-то дурацкие вещи. Если бы знающие прошли, а слабенькие остались бы за бортом.

– Это, наверное, просто слухи.

– Не знаю. И не то чтобы бояться, а просто это противно, низко. Если у тебя знаний нет, надеяться на деньги... это как? А взяточник что... он человек? Как на это можно посмотреть?

– А как на это можно посмотреть? Однозначно – как ты. Оставим на сегодня этот разговор, продолжай лучше свою историю.

– На чем остановились? Ага! Долго говорили мы с Салахом, но ни до чего не договорились, разошлись. На следующее утро Салах пришел к нам и сообщил, что в районном центре Кенгсай открыли курсы шоферов и что он хочет туда поступить.

Я не хотел отца обманывать. Хотя уже знал, что особых надежд у меня нет. После долгих размышлений решил присоединиться к решению Салаха, хотя особого желания не было.

Друг и я шоферские курсы завершили на «отлично». Я вернулся в родное село, стал шофером. С тех пор прошло ровно два года. За это время мне пришлось поменять четыре места работы. А это пятое место. В самом начале в нашем колхозе на грузовой машине... лучше всего было это. Однако...

– А что так?

– Вы спать хотите?

– Да нет, с удовольствием слушаю, продолжай.

– Из-за Светы переехал в Кенгсай.

– А кто такая Света?

Он улыбнулся как-то светло и стал рассказывать.

– Я постарше Светы, но школу закончили в один год. Классы разные, но школа-то одна...

Однажды я вез пшеницу в Кенгсай и на выезде из Сары Кьола увидел Свету, стоявшую на обочине дороги с чемоданчиком.

– Света, куда это ты собралась? – спросил я, остановив машину.

– В Кенгсай.

Я взял ее чемодан, помог взобраться в кабину.

– А почему едешь в Кенгсай?

– Там буду жить.

– Где? Почему?

– В доме у сестры. В Кенгсае. Там устроилась на работу.

– На какую работу?

– В пошивочный комбинат.

– А на кого ты меня оставляешь? – попытался я шутливым тоном как-то завязать беседу.

Конечно, мне не хотелось, чтобы она уезжала из села. Но она продолжала молчать. Тогда я решил прекратить шутки и заговорил серьезно:

– Света, вернись обратно. Вспомни, ты говорила, что мы будем вместе.

– Помню, – сказала она, несколько задумавшись.

– Если так, то я не хочу, чтобы ты уезжала отсюда и была вдали от меня.

– «Вдали от меня...» Кенгсай так далеко? Если захочешь увидеть, найдешь.

– И что там, в Кенгсае, хорошего?

– А что плохого? Я учусь шить, люди хорошие. Я люблю свою работу и не собираюсь ее оставлять, – сказала она.

– Но я тоже не могу оставить родные места, для меня это тоже невозможно.

Потом мы почти не разговаривали.

– А у вас действительно было серьезно – вы любили друг друга?

– Вы говорите, любили ли мы друг друга? – повторил Хажбекир и продолжил: – Не знаю, но Света и я с девятого класса дружили. Мы, старшеклассники, помогали колхозу убирать урожай картофеля. Ребята копали, а девушки собирали. Получилось так, что мы со Светой работали на пару. После того я старался быть рядом с ней всегда... Ну а в тот раз, как только доехали до Кенгсая, Света взяла свой чемоданчик, посмотрела на меня, слегка наклонив голову, и вышла. Я высочил из кабины и догнал ее.

– Света, скажи адрес своей сестры!

– Улица Октябрьская, семь. Можно было спросить и по дороге, когда ехали! – бросила мне в упрек и, гордо подняв голову, быстро пошла прочь. А я долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась.

Время шло, и я задумал переехать в Кенгсай.

Однажды получил от Светы письмо. Без всякой вычурности, излишней горделивости, прямо, откровенно писала: «... к сожалению, похоже, нашим отношениям пришел конец. Что ж, зря мы переписывались, клялись в верности, два года морочили друг другу головы? Как я была глупа, по-детски наивна, поверив твоим словам. Вероятно, ты забыл свои «буду носить на руках, сделаю для тебя все»? А теперь что?»...

Чем дальше читал ее письмо, тем глубже осознавал ее боль и обиду.

А вот еще: «Однажды в Кенгсае ты прошел буквально рядом со мной, не заговорил, будто меня не заметил. Что делать? Вероятно, рядом идущая была тебе дороже...»

– Чем же дело кончилось?

– Это длинная история.

– Рассказывай.

– Я уехал из Сары Кьола, устроился в Кенгсае личным водителем начальника потребсоюза. В первый же день позвонил Свете:

– Света, это ты?

– Да, а ты кто?

– Что-то ты быстро забыла мой голос. Это Хажбекир.

– А-а, не узнала, извини! Откуда ты?

– Из Кенгсая. Приехал сюда, устроился на работу.

– Интересно. А как же ты без родных мест будешь жить?

– Не знаю. Ты же живешь, и я как-нибудь проживу.

– Какой ты, однако, решительный человек! До сих пор я этого не знала.

– Света, как я могу тебя встретить?

– Не знаю.

– Вышла бы вечером на улицу...

– Нет! Детские времена, когда встречались на улице, давно прошли, возможно ты забыл.

– Хорошо. Тогда завтра вечером я приду к тебе домой.

И вот на другой день вечером нахожу дом номер семь на Октябрьской. У ворот маленькая дворняжка залилась звонким лаем, подняла дикий шум. Открыли дверь. «Перестань, Тузик!» – утихомирила собачку какая-то женщина и, обратившись ко мне, спросила:

– Вы кто, что вам надо?

– Я Хажбекир. Пришел к Свете по делу. Не могли бы вы позвать ее? – пробормотал я.

Услышав мое имя, женщина пригласила меня в дом. В дом я не стал заходить, узнав, что Света пошла в кино. Направился к кинотеатру.

Стало темнеть. Прохожих становилось все меньше. Вокруг тихо, спокойно, жду на улице конца сеанса. И вот двери кинотеатра открылись. Люди стали выходить, кто под руку, кто в обнимку, улыбались, весело переговаривались...

Внимательно всматриваюсь в лица, боюсь пропустить в толпе. Наконец увидел Свету. Такую я помню ее и сейчас, стройную, красивую...

– Ну а дальше?

– Что дальше? Увидев Свету, я ринулся в ее сторону. Но рядом с ней шел какой-то парень. Не зная, что делать, в задумчивости иду поодаль от них. Не замечая меня, они о чем-то весело говорят. Через некоторое время Света взяла собеседника под руку. Даже не знаю, что взбрело мне в голову. Догнал эту парочку, схватил ее провожатого за грудки и отвесил ему добрую оплеуху. Тот ошалел, но Света, узнав меня, громко крикнула:

– Хажбекир! Ты что, с ума сошел?

Опомнившись, дружок ее бросился на меня, Света встала между нами.

– Прекратите сейчас же! Хажбекир, уйди отсюда!

– Ах, так?! Ясно, кто ты такая...

– Это мой зять. Что ты себе позволяешь?!

Услышав это, я растерялся, мне было стыдно, и я ушел. Долго бродил по улице, на квартиру возвращаться не хотелось. В конце села, выйдя к

берегу реки, сел на плоский камень и горько задумался. Оправдания себе не находил.

Следовало извиниться перед Светой и ее зятем, но как-то не получилось.

Через два дня неожиданно встретился с ней.

– Света, Света! – окликнул я. Но она не остановилась, будто не слышала. – Я был виноват, прошу прощения!..

– Забудь мое имя! – услышал я холодные слова. Это была не та Света, Света, которую я знал.

Неужели так быстро меняется человек!

Через два-три дня я все-таки позвонил ей. Однако кроме «Светы нет» я ничего не слышал. Чуть позже даже написал письмо. Ответа не было. Вот так по своей глупости я потерял ее. Но что делать? Ушедшего лета не ищут.

И работа ведь у меня была хорошая, на новенькой «Волге». Но что поделаешь?

– А работу эту почему оставил?

– Так получилось, товарищ Тирменчиев, знаете, если кому-то хочешь сделать приятное, почему-то люди часто думают, что ты ищешь выгоду.

Осман Коналиевич, так звали хозяина, куда я устроился на работу, сперва показался мне весьма порядочным человеком, хотя некоторые внешние данные вызывали смущение: когда я смотрел на него в профиль, его нос закрывал вершины гор. Однако, простите меня, я кое-что лишнее сказал. Но как человек он оказался довольно порядочным. Для меня это было самое главное.

В конце первого рабочего дня я отвез Османа Коналиевича домой. По пути о многом говорили. Так я познакомился с новым местом моей работы.

На другое утро, когда мы подъехали к конторе, он вышел, а мне велел ехать обратно. «У нас будут гости, возвращайся домой и помоги своей сестре», – говорит.

Возвратившись, я увидел «сестру», нагруженную сетками, сумками. Она села в машину. Я еще не знал, куда ехать, как «сестра» стала меня расспрашивать:

– Ты сын Солтана?

– Да.

– Как же тебя звали?

– Хажбекир. А откуда вы нас знаете?

– Я тоже из Сары Кьола. Знаю, конечно, знаю. Мы бываем в селе.

Оказалось, что супруга Османа Коналиевича моя односельчанка, и зовут ее Гулжан. Судя по ее словам, мы даже родственники, хотя она и не смогла сказать, какие точно.

В магазинах мы купили несколько бутылок коньяка, водки, вина, а на базаре запаслись мясом, арбузами, дынями и прочими продуктами.

Объехали несколько домов, пригласили гостей к вечеру. К концу дня подвез Османа Коналиевича к дому и, свободно вздохнув, собрался уезжать. Однако не вышло. Осман Коналиевич обратился ко мне:

– Будь добр, посиди вместе с гостями.

Что делать? Нельзя отказать.

– Почему?

– Как почему? Хозяину надо подчиняться, а то, чего доброго, возьмет и выгонит с работы.

– А закон?

– А что закон? Для хозяина закон – его желание: как захочет, так и сделает.

Гостей оказалось около тридцати. Они произносили тосты в честь сына хозяина Ануара, успешно окончившего ПТУ. Гости преподносили подарки, кто деньги... ладно, это место опустим, скажу только то, что коснулось меня. В общем, занялся делом: заготовил дрова, освежевал барана, приготовил жёрме-сохта, отправил все в казан, после чего пошел в дом. Но и там посидеть не пришлось – прислуживал гостям. Потом развезил их по домам. На следующий день поднялся с постели, не выспавшись, усталость все еще не прошла.

С хозяином встретился в конторе. Но почему-то прежней теплоты не было. «Возможно, он, как и я, плохо себя чувствует», – подумал я. Но тот был бодр, как всегда. В чем же причина? Спросить? Чем же я его обидел? Хотелось выяснить. «Быть может, из-за того, что я, как другие, не сделал подарка Ануару?» – подумалось мне. А без подарка я пришел не потому, что жадность одолела – просто не было времени.

Тогда не выдержал я:

– Оман Коналиевич, я приехал к вам утром, а вы уехали автобусом. Вероятно, очень торопились?..

Он вытер вспотевшее лицо и недовольно сказал:

– Я всегда тороплюсь. А ты приходи вовремя на работу!

– А почему ты не сказал, что не обязан день и ночь работать? – снова вмешался я в рассказ Хажбекира.

– Да не мог я так сказать взрослому человеку, да еще начальнику. На следующий день я подъехал рано утром. Ждал долго.

– Хорошо – замечание подействовало! Сегодня ты приехал вовремя, – сказал хозяин. Я промолчал.

Только я завел машину, вдруг послышались крики: «Озик, Озик!». Голос мне был знаком, нежный, тонкий, музыкальный: это была Гюлжан.

«Надо же, как она говорит со своим супругом, какая любовь! Вероятно, они живут прекрасно. С такой женщиной старости не будет, можно лет сто прожить!» – подумал я.

– А другие?

– Другие? Другие тоже могут жить хорошо, кто как, но жизнь-то человеку дается один раз. Зная это, люди должны беречь друг друга, только тогда семья может быть счастливой.

В тот день я был окрылен надеждой, что меня тоже может ждать такое счастье. Если честно, то это счастье я связывал со Светой...

Подъехали к конторе. Выйдя из машины, Осман Коналиевич сказал мне: «Сестра будет ждать, быстрее возвращайся».

Я быстро повернул обратно.

Долго мы с Гюлжан ходили по магазинам. Купили дорогостоящие отрезы, занесли в пошивочные мастерские. Ездили еще по другим делам Гюлжан, хотя на этом дела не завершились.

– Ну а потом?

– Ну что потом? Потом вновь на базар.

Однажды рано утром, как всегда, привел в порядок машину. А в последнее время ухаживал за машиной, как за девушкой. День ото дня у Гюлжан появлялось все больше и больше дел. Благодаря ее усилиям побывали и в Сары Кьоле, хотя к родителям я заехать не успел.

Утро. Белесые облака, как бы соревнуясь, уплывали за скалы. Я тоже торопился как можно быстрее доставить в контору Османа Коналиевича. Не успел хозяин еще усесться в машину, как раздался знакомый голос:

– Озик, Озик! Мне машина нужна, пусть быстрее возвращается!

Я вновь вернулся.

– Хажбекир, гости наших соседей опаздывают на автобус. Быстрее довези их на автостанцию и возвращайся, – проговорила Гюлжан.

Гости – это две женщины и мужчина. Быстренько довез их до автостанции. А гости, как мне показалось, никуда не торопились.

Могу поклясться, что я больше работал на Гюлжан, чем на предприятие.

Как всегда, в один из дней, рано утром, привел машину в идеальный порядок. Подъехал к дому хозяина раньше, чем обычно. Только подошел к машине Осман Коналиевич, как раздался знакомый голос: «Озик, Озик!».

Если раньше этот голос меня радовал, теперь я устал от него, мне было просто противно, как от скрежета несмазанной телеги.

Я страшно злился, хотя ничего не говорил. Почему, интересно знать, Гюлжан не скажет мужу дома, а кричит вдогонку: «Озик, Озик!» – словно ребенку малому. На сей раз хозяин не отреагировал на голос жены. Возможно, он понял, что я тоже кое-что соображаю.

Когда я вернулся, Гюлжан, протягивая мне сумки, сказала: «Бери, Хажбекир, сегодня я не успеваю, возьми все это сам и привези!». Вместе с деньгами протянула список, чего и сколько надо купить. Дело принимало другой оборот: мне все это уже было неприятно, но «нет» все-таки не сказал. Не зная, какие продукты ей понравятся, я купил и помидоры, и огурцы, и арбузы, и лук с чесноком, привез, вручил ей все это. Нравится не нравится – меня это уже не интересовало.

На следующий день вручил заявление об уходе с работы Осману Коналиевичу.

– Что случилось?
 – Ничего.
 – А в чем дело?
 – Не могу работать. Освободите!
 – Гюлжан и я относились к тебе как к родному братишке. Не понимаю, чем мы тебя обидели?
 – Я благодарю вас. Просто не могу работать.
 Осман Коналиевич понял, что никакие уговоры меня не остановят, и подписал заявление.
 Потом еще в двух-трех местах работал, но почему-то нигде долго не задержался.

Так я вернулся в Сары Кьол, но прежде зашел в кузницу. Отец был очень рад, обнял меня и как-то очень внимательно посмотрел мне в глаза. Родители так хотели, чтобы я поступил в институт, но я этого не сделал. Может быть, обида какая-то? Да вроде нет.

Вечером отец и я пришли домой вместе. А мать, только что подоив корову, встала и, увидев меня, кинулась в мою сторону и, как всегда, сказала:

– Работяги идут! – и обняла меня.
 Умывшись, мы с отцом вошли в дом.
 – Хажбекир, как дела на работе?
 – Я ушел с работы.
 – Почему? И где ты работал?
 – Так получилось работал в сельхозтехнике, у Османа на машине.
 – Это кто?
 – Зять Сосрана.
 – Нехорошо, когда человек часто меняет место работы.
 Тогда я рассказал отцу все без утайки. Он задумался, погладил усы и сказал:

– Хажбекир, оставь это дело! Не сожалей, что ушел.
 – Так надо же где-то работать?
 – У нас в селе тоже есть работа. Если хочешь работать на машине, колхоз даст машину. Я поговорю с главным.
 – Отец, а я больше всего хочу с тобой работать.
 – Раз так, давай. Мой помощник Жанхот уходит на пенсию. Где-то около месяца ему осталось.

Вот так, что называется, крутился-вертелся, а вернулся в родное гнездо.

Что ни говори, а лучше родного уголка не сыскать. С раннего детства меня влекло кузнечное дело. Работаю с отцом. Вместе идем – вместе возвращаемся домой. Кузница – удивительное место, ты там творец. Прежние мои работы – ничто по сравнению с этим. Все-таки родной очаг незаменим. Воистину правда: сколько бы мельничные жернова ни крутились – они возвращаются в исходное положение. Великая правда.

**ПАЦИЕНТКА,
ИЛИ РАЗБИТАЯ ВАЗА**

Рассказ

У врача было такое выражение лица, словно он проглотил ужа. Он сидел в кресле и задумчиво, даже несколько брезгливо, смотрел в окно. Роговые очки придавали ему сходство с водолазом, внимательно изучающим дно человеческой души.

«Все психиатры, – подумала Татьяна, – напоминают либо циников, либо инопланетян».

– Вот посмотрите, – сказал он.

Врач встал и подошел к предмету, стоящему на полке. Сначала Татьяна не поняла, что это. На полированной поверхности были два белых изображения, а между ними черная пустота. Татьяна как будто увидела вазу внутри вазы. Но, присмотревшись, она увидела два человеческих лица, смотревших друг на друга. А между ними была та самая черная ваза.

– То, что вы сейчас видите, – сказал доктор, – напоминает процесс в психике больного человека. Ее сознание, как мы говорим, деперсонифицировано. Иначе говоря, превращено вот в эту «вазу». Можете представить себе такое лицо, вдруг превратившееся в соляной столб? В статую? Но... пойдете. Увидите все сами.

Он вывел Татьяну в коридор, и они пошли по гладкой пластиковой дорожке, уходившей в бесконечность. Пахло карболкой.

Коридор был чудовищно длинным и представлял собой, наверное, переход между двумя корпусами. С двух его сторон окружали окна, глядевшие друг на друга, словно те лица на вазе в кабинете врача... Татьяне подумалось, что каждый проходящий здесь превращается в определенном смысле в собственную статую.

Показались палаты. За столом сидела дежурная и читала журнал. Она подняла усталое лицо, посмотрела на врача.

Дошли до самого конца. Вошли в наблюдательную палату.

Горел неоновый свет, и прямо перед собой Татьяна увидела сидящую на кровати женщину. Таня вгляделась в нее и чуть было не вскрикнула: на ней не было лица. Это выражение, довольно часто используемое в бытовой речи, сейчас подошло бы больше всего. Сидящая женщина словно превратилась в мрамор. Мимика отсутствовала напрочь. Были глаза, но они никуда не смотрели. Мышцы лица застыли, и лишь изредка по ним пробегала дрожь, подобно той, которая пробегает по морю. Дыхание было очень глубоким, но каким-то резким, словно организм дышал сам по себе, никак не согласуясь с разумом.

Попа женщины была ступообразной. В ней было что-то страшное. Казалось, сидит неживой объект.

И в этой женщине Татьяна узнала свою подругу.

Однажды они сидели в какой-то комнате. На груди ее играло рубиновое ожерелье. Платье было поднято до колен. Лера, – так звали ее знакомую, – рассказывала о своей любви к одному молодому человеку. Татьяна вслушивалась в слова, и ей казалось, что она видит перед собой человека, готового взлететь от счастья.

...Она была актрисой. Играла на сцене – трагические в основном роли. Но играла совсем не трагически. Скорее даже смешно. В ней была жизнерадостность, которая перевешивала любую трагиду. Порой могло даже показаться, что она соединила трагедию и комедию в одно целое, но это была не привычная «трагикомедия», а скорее нечто иное – «кометрагедия». Какой-то новый жанр, подобный оперетте. И смысл того, что она делала, был прямо противоположен тому, во что она превратилась теперь.

Ибо если на сцене она оживляла вещи и время, то здесь – напротив, она была заморожена; из живого человека превращена в вещь.

Она казалась деталью, нарисованной на картине. Может быть, это была плата за ее сценическое искусство?

...Татьяна помнила прогулки с Лерой.

Они шли по набережной. У нее была темная вуаль на лице. Она вся была очарована и почти уже безумна.

Ей все время мешал солнечный свет. Казалось, она все более замыкается внутри себя. Она подолгу молчала. Однажды вдруг сказала:

– У меня что-то случилось с душой.

И после этого Лера совсем перестала выходить из дома, просиживая все жаркие дни и вечера у себя дома при зажженных свечах.

Она погружалась в мир меланхолии. Сцена и работа были заброшены, и вскоре ее уволили. Но вместо театра пришло новое увлечение – рисование.

Мазки складывались в сюрреалистические картины. Сюжетом их была какая-то женщина в белом, птицы или световые явления, которые трудно было разобрать.

Таким же бредом были ее записи, которые она вела в своей тетради, – полустихи, полупроза, с причудливыми метафорами. Но мысль в этих метафорах не взлетала, но опускалась, подобно осенним листьям. Мысль в этих стихах не возрождалась, а напротив – умирала. Все это словоблудие напоминало поэтическое самоубийство. И чем больше она их писала, тем меньше сама понимала, что пишет.

Она однажды спросила Татьяну:

– Ты видела когда-нибудь застывший звук?

Татьяна вздрогнула. Будучи скрипачкой, она много раз пыталась «остановить звук», но полностью остановившийся звук казался ей полным бредом.

...Между тем Лера схватила какую-то грязную кисть и резким движением провела на нарисованном полотне белую полосу. Там остался след, похожий на Млечный путь, проходивший снизу вверх через всю картину.

Этим мазком картина была испорчена, но в ней появилось что-то необыкновенное. Получалось, что все персонажи как бы стоят на этой белой полосе.

Татьяна решила, что Лера полностью сошла с ума.

С этого дня началось самое страшное.

Лера отказывалась есть и часами стояла в комнате, как статуя. У нее изменилась полностью мимика и лицо превратилось в маску. Она перестала говорить. Ела она только тогда, когда ей давали.

Все это про себя Татьяна назвала «летаргическим сном души». «Если душа заснула, это еще не значит, что она умерла, – решила она. – Наверное, случилось какое-то переутомление, и ей нужно время, чтобы однажды проснуться».

Но однажды, вернувшись из отпуска, она узнала о том, что Лера находится в психиатрической больнице.

Татьяна смотрела на это несчастное существо, когда-то бывшее жизнерадостным человеком с удивительным голосом, смехом и телодвижениями, во время которых она словно переливалась внутри себя. Слезы катились из ее глаз. Уже не человек, а ваза – хрупкая, словно сжавшаяся внутри себя, стояла перед нею. Дотронуться, растормошить – означало разбить ее.

И вдруг ее ослепила неожиданная мысль.

Она подумала о том, что если человека можно заколдовать и превратить вот в эту статую, то можно, вероятно, и расколдовать.

Она достала скрипку и стала играть.

Медленные звуки, точно мазки на картине, превращались в музыку. Постепенно звуки убыстрялись и сливались в мелодию. Внезапно налетевший ветер распахнул форточку.

Лера смотрела на все безучастно, раскрыв глаза.

В палату ворвался врач. «Что вы делаете? Что вы делаете!» – сказал он ей. И вырвал у нее скрипку.

Татьяне хотелось дорисовать картину. Вынуть из нее черный квадрат.

Они бежали по тому же самому коридору. За окном бились крупные капли дождя. Там была почти буря. Они летели по этому длинному коридору, словно по внеземной обсерватории, вторгшейся в чужой разум...

В кабинете врача она увидела ту же вазу.

– Посмотрите, что вы наделали, – сказал врач, устало падая в кресло.

Она взглянула и увидела, что по вазе пошли трещины...

Салих ГУРТУЕВ

СВЯТОЙ КАВКАЗ

Поэма-эссе

*Камень нуждается
в сердце и душе человека.
Антуан де Сент-Экзюпери*

1

С веков суровым нравом обручен,
как ведают о том седые старцы,
святым Кавказ издревле наречен –
об этом свято помнят все балкарцы.

Здесь, на Кавказе, счета нет камням –
их больше, чем людей, живущих рядом.
Дороже жизни эти камни нам,
их сызмальства мы все ласкаем взглядом.

Кавказ любой из горцев всей душой
с рожденья любит, он к нему привязан.
Сподоблены мы радости большой,
коль скоро жизнь освящена Кавказом.

Все так и шло: мы ждали, чтоб скорей
всходило солнце в блеске ореола;
с воздушным танцем резвых сизарей
наведывались весны в наши села.

Из дней труда слагался каждый год,
а из годов и новый век слагался:
порой ячмень просеивал народ,
порою просто потом умывался.

Немало знал Кавказ жестоких ран,
но не было подобного от века.

Историю дано ль ввести в обман?
Она все помнит – сердцем человека.

И как нам смыть ту страшную беду,
когда была мечта балкарцев смята
в сорок четвертом горестном году,
весною, в самых первых числах марта?

Не подоспел ли времени предел?
Но кто бы мог нам истину поведать?
Казалось нам: последнюю пропел,
пред тем как расшибиться, песню лебедь.

Бежавшие так весело с вершин,
речушки поползли теперь в унынье,
подумав: мир подвинуться решил
и где моря – неведомо отныне.

Лань прыть свою утратила – нелюб
стал день ей, и она упала с кручи,
а небо, наизнанку свой тулуп
надев, от гнева спряталось за тучи.

Народ на «студебеккеры» грузя,
гордились ли «победою» солдаты?
Но маршалов послушаться нельзя –
расплатою приказы их чреваты.

Похожая на крышку казана,
вскипающего к свадебному тою,
перевернулась, сгорбилась луна,
чужой отягощенная виною.

Подснежники в том марте не взошли –
растаял снег, залив собой ущелья;
лопаты не приветили земли
и к лету заржавели от безделья.

Снег выпадет еще, трава взойдет,
умрет зерно, росток пуская снова...
Но почему же в тот злосчастный год
никто не рек в защиту нашу слово?!

Народа нет – сгореть земле дотла,
пускай дожди бы устали не знали.
Тупеет без занятия игла,
что бабушка забыла в одеяле.

Мое село, где только ветерок
дул свежий, вдруг столкнулось с ураганом,
и камнепад осел в реки исток,
добавившись к уже бессчетным ранам.

Некормленный, стоял в овинах скот,
сыры с лугов альпийских жерновами
в сараях прели, – уводил нас год
туда, где мы доселе не бывали.

Моя Ак-Су*, желая правду знать,
добиться у солдат ее пыталась,
но, не сумев, кручинилась опять,
лишь горе ощущая да усталость.

«Чтоб ты растаял снегом по весне!» –
проклятье у балкарцев существует,

но видывал ли кто в кошмарном сне,
что весь народ такое не минует?

В тот самый страшный из минувших день
несправедливость правила, немилость;
в горчайший час, лишаясь всех корней,
в перекасти-поля мы превратились.

Враги, у камня душу отобрав,
его и вправду в камень обратили:
оговорил неправый тех, кто прав,
и честь, и совесть подчиняя силе.

Врагом нам камень не был никогда –
лишь тот нам враг, кто рушил камня душу.
Не может жизнь исчезнуть без следа,
душа всегда отыщет путь наружу.

Что толку от красивых звонких фраз
для горных склонов, разлученных с нами?
Душой своей я чувствую сейчас
все то, что увидал тогда глазами.

Злодеи испокон веков таят
в своей крови клокочущую зависть;
за справедливость выдавали яд
они, социализмом прикрываясь.

Ходы свои расчислил наперед,
они и брата стравливали с братом.
Неслыханно: в изгнание шел народ,
не грезя даже о пути обратном.

Но преданность опорой служит нам,
прочнейшей не лишимся мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

2

С веков суровым нравом обручен
и к щедрости приучен, был когда-то
божественным Кавказ наш наречен –
об этом все балкарцы помнят свято.

Степной народ, который вел Кубрат**,
путь устремил сюда, к Кавказским высям, –

ему дороги не было назад,
а мы иной истории не мыслим.

Кубрат могучий! Славный Аспарух***!
Свободе поклонявшиеся предки,
ваш пыл в сердцах потомков не потух,
и этому свидетельства не редки.

* Ак-Су (Белая Речка) – река, на которой стоит родное село поэта (одноименное).

** Тюрко-хазарский хан в VII в.

*** Брат Кубрата.

Степями пролетавшие в пыли,
от всякой уходявшие погони,
в седых горах приют себе нашли
узде не поддававшиеся кони.

Мы в горных очагах зажгли огонь –
века его с тех пор не задували.
В горах к ладони тянется ладонь,
а слово – крепче самой прочной стали.

Кочевники, храня в сердцах ковыль,
с заоблачными кручами сроднились:
на здешних тропах есть степная пыль,
а камни защищать их научились.

Кипчаки, согреваясь средь камней,
в аланских* землях с той поры осели.
Они призвали живших здесь людей
не обращать своих ущелий в щели.

Народ единый пестовал Кавказ...
Арышаузу** приглянулись наши
места – напасть попробовал на нас,
но прочь ушел, несолоно хлебавши.

Лишь кровь была отменно солона –
аланы, твердость скал родных усвоив,
захватчиком ответили сполна,
тем отстояв незыблемость устоев.

Веками так хранили мы себя,
и синих ледников благословенье
нам горы слали, искренне любя
нас, горцев, за вниманье и почтенье.

Когда и государственность пришла,
когда и мы влились в семью народов,
воскрес Арышауз, посланник зла,
топаться стал средь добрых наших всходов.

Бесчестье взгромождая на обман,
не различая ни детей, ни старцев,
речей фальшивых распустив туман,
он к смертному одру погнал балкарцев.

И камни, наши родичи, дивясь
тому, чего вовек не знали прежде,
дрожали – обрывалась наша связь,
хоть присягали с ними мы надежде.

Поля, где пар струился по весне,
лишенные покровов, тосковали,
но, как и мы, не верили вполне,
что навсегда нас гонят в эти дали.

Развевал счастье ветер, прочь унес,
оставив лишь надлом, тоску и жалость, –
к Холамским водопадам много слез
балкарских в эту пору примешалось.

И, как косарь, один прокос пройдя,
запыхается вдруг необъяснимо,
склон Тазии под струями дождя
просел, одышкой мучась нестерпимо.

И склон Якуба***, словно позабыв,
как воздух запах трав пьянит весною,
лишь заунывный слал нам вслед мотив,
свинцовой покрываясь пеленою.

А облако, что белым валуном
зависло, все свои утратив силы,
обозревало каждый сырый дом,
застывший в скорби, словно у могилы.

Краснея и бледнея, Ак-Кая****
на говорящий рот похожа стала –
она, свербящей боли не тая,
молитвы по изгнанникам читала.

«И камню тоже надобна душа, –
писал Экзюпери, – и щедрость сердца».
В полет последний вылететь спеша,
он даже в камне чтит единоверца.

Он знал, что если бедствует народ,
то и камням земли родной несладко.
Вершины, проводив его в полет,
свидетели: он жизнь прошел не шатко.

* Аланы – одни из предков современных балкарцев.

** Арышауз (рот с аршин) – балкарское прозвище Чингисхана.

*** Склоны в Балкарии принято называть по именам тех, кто постоянно косит на них сено. Склоны Тазии и Якуба – названия полей в окрестностях Белой Речки.

**** Ак-Кая (Белая Скала) – гора, полукругом нависающая над селом Холам.

Наверное, он видел с высоты,
как наши камни трескались от муки,
от горести, тоски и маеты,
рождая дрожь вселяющие звуки.

А лезвия косы тринадцать лет
здесь не звенели музыкой отрадной –
народ был сослан, словно на тот свет
отправлен торжествующей неправдой.

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Тринадцать лет – хлеб горький, и теперь,
спустя полвека, он изжогой мучит.
Народ мой, так вкусивший от потерь,
и по сей день покоя не получает.

Но сонмы сизокрылых голубей,
той горестной весной сбившись в стаи,
чтоб небо нам казалось голубей,
в переселенье с нами улетали.

Сомнений нет, я точно говорю:
они спустя полвека к нам под утро
как прежде, прилетают – и зарю
с собою на крылах приносят будто.

А в те года Кавказа ни на миг
не отдали они на поруганье
злодеям тем, чей замысел возник
из адской тьмы – нам всем на испытанье.

Нам вестниками добрыми служа,
они, как мы, томилась по приволью;
над нами, сиротливыми, кружа,
они сполна болели нашей болью.

Зимой этой, пахнущей весной,
белок яичный – утра над Кавказом,
и голуби над нашей стороной
воркуют – так вода перед намазом

клокочет в горле в омовенья час...
Хоть память – часть сознания – канет скоро,
но голуби картины будят в нас,
когда ярилась бед недетских свора.

И голоса ручьев и родников
в ту пору только в сердце и звучали –
той клятвой, что сильнее всех оков
и помогает выстоять в печали.

Опорой да послужит верность нам,
да не лишимся прочной мы основы:
коль души будут надобны камням,
мы им свои пожертвовать готовы.

3

Проведать душу – вот зачем они
льют звук в мое изрезанное сердце.
Тепло они приносят в наши дни,
давая от морозов отогреться.

Жилище не разрушили мое,
от сытости пьянея, негодяи,
поскольку зла эмблема – воронье,
а наши души – белогрудых стаи.

Не временно на землю прилетев,
они кинжала выше ставят лиру;
голубка, крылья трепетно воздев,
оливковую ветвь дарует миру.

Недаром видел Пабло Пикассо
в той птице мира предзнаменование –
пусть крутится Фортуны колесо
затем, чтоб нас невзгоды миновали.

В рисунок свой всю душу он вложил.
«Душа моя, художник не тебе ли
изображенье это посвятил?» –
«Его спроси, коль встретитесь на деле».

Что ж, голубь белогрудый искони
возносит душу горца к горным высям.
Изгнанье с нами приняли они –
и мы себе иной судьбы не мыслим.

Холам, Холам! Всегдашнее родство
и на чужбине душу мне хранило,
внушая веру в то, что естество
заключено в добре, за ним и сила.

В тебе, Холам, и ласковость луны,
и чистый отсвет вычесанной шерсти;
твои черты величия полны,
и сам я жив, пока с тобою вместе...

Ты – мой, ты – как начало всех начал,
в тебе не замечаю червоточин,
а потому всю жизнь я привечал
и умного холамца, и – не очень.

Опорой верность дружбе служит нам,
мы жизненной не предадим основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, им отдать мы их готовы.

4

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитою и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

вам, голуби, пожертвую душой,
вы для меня – хранители единства.

...Казалось, плеск воды в арыках глух,
и солнца свет сперва казался робок,
но, право слово, захватило дух,
когда Кавказ выращивать стал хлопок!

На диво теплой выдалась зима:
от снега в январе свободны крыши...
Вчерашняя, не возвращайся, тьма –
Балкария окрепнет, станет выше.

Нам, облаков равнять привыкшим цвет
со снегом, там с картиною иною
пришлось столкнуться – все тринадцать лет
мы с хлопковой знали белизною.

Грядущее туманно, как всегда,
но помыслы о нем – всего дороже.
Я не боялся тяжкого труда,
путь пробивая в стильном бездорожье.

Про удаленность Азии забыть
нам помогал отзывчивый хлопчатник,
который мы с молозивом сравнить
сумели, что уже – родства зачаток.

Когда следы ложатся на следы,
тропа заметней, явственнее память.
Коль жизнь моя – один глоток воды,
то пусть и он народу сил добавит.

Добудешь и айран, и молоко
коль есть к труду азарт, смекалка, сила.
Работалось нам споро и легко,
а вот душа – в тисках вседневно ныла.

Пусть достается тем, кто выйдет вслед,
и множит их достоинство и славу.
Пускай ничто не застит горцам свет,
который им принадлежит по праву.

Твердить уже не позволяет честь,
что, мол, в тисках душа моя поныне, –
любимая семья, по счастью, есть,
где дети чтят народные святыни.

О Боже, я молю тебя: не вей
ты инеем, что так похож на просесть,
в сады моих любимых сыновей –
пусть яблони всегда их плодоносят.

А я, в шесть лет родной лишен земли,
не думал, что возможно все исправить.
Обиды те, что в детстве нанесли,
до склона дней хранит, как шрамы, память.

От древа родословного и тень
пускай с годами делается шире,
чтоб путники найти могли бы сень,
укрытие в тревожном этом мире.

Коль не уйду до срока в мир иной,
не вызнав до конца, зачем родился,

Опорой да послужит верность нам,
не предадим вовек своей основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, все вручить мы им готовы.

5

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитою, когда-то
божественным Кавказ был наречен –
об этом все балкарцы помнят свято.

Как без заката не бывает дня,
так век земной не бесконечен тоже.
Ровесники уходят от меня,
а многие – куда меня моложе.

Галдеж ко мне доходит со двора –
то голуби воркуют над сараем.
И нам, душа, наверное, пора
путь устремить к своим небесным стаям.

Вдохнул довольно сажи и золы,
напраслины и кривды знал немало.
Коль молодые падают стволы,
не стыдно ждать и мне лесоповала.

Жизнь – мешанина, что в ней разберешь?
Она, не церемонясь, нами правит:
захочет – в молодого всадит нож,
а нет – подножку старому поставит.

Она, когда ступаешь нелегко,
досады не развеет прибауткой.

Сперва она – парное молоко,
а под конец пугает сказкой жуткой.

Жалеет зной поникшую траву,
хоть сам же обделил ее прохладой.
У жизни я прошу: пока живу,
рассудка не лишай меня, не надо.

Пусть век со мной пребудет прямота,
что судит, околичностей не зная,
не тех, чье бремя – бедность-нищета,
а только лизоблуда-негодяя.

Открытость пусть опорой служит нам,
да не лишимся мы своей основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, все отдать мы им готовы.

6

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
святым давно Кавказ был наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Не забывать бы мне еще о том,
что выси – для орлов! Позорна зависть:
когда чужой успех – что в горле ком,
то этим лишь себя же принижаешь.

Вот от такого, Бог, убереги,
как бережешь для нас свою природу;
тех вразуми, чьи ложные шаги
не добавляют доблести народу.

В селе моем пускай мосты стоят,
до срока пусть никто нейдет из круга.
В последний день увидеть буду рад
я голубя – летающего друга.

Да, голуби и ласточки – друзья,
всю жизнь они мне радовали очи...
В заоблачные области скользя,
туда, где больше нет ни дня, ни ночи,

хочу сказать: пусть молодежи ум,
как солнце, озаряет ей дорогу,
пусть он, коль путь окажется угрюм,
как лунный свет, придет ей на подмогу.

Друг другу пусть сельчане пособят,
ведь сказано давно моим народом:
«Коль добрый приметил тебя взгляд,
то и в тебе благим пробиться всходам».

Корней лишаясь, дерево скорбит...
Еще хочу сказать перед уходом:
сгорит звезда, как только полетит
одна, пренебрегая звездным сводом.

Негоже унижаться, лебезить –
признание за такое не дается.
Пустой хвалы гнилою выйдет нить:
чуть-чуть потянешь – тут же оборвется.

Гляжу в окно: дома, дома, дома...
Односельчане, взгляд мой – рядом с вами!
Не правда ль, теплой выдалась зима,
раз голуби кружатся над домами?

Как мил мне предвечерний этот вид!
Добра желаю долам я и высям.
Пусть белый голубь всех благословит,
пусть проторит дорогу добрым мыслям.

Всем птицам говорю сердечно: «Да!
Влетай, гнездо свивай, любая птаха!» –
лишь бы ходила по воду всегда
Джимилечка моя, не зная страха.

У жизни все есть – и полынь, и мед,
не предусмотритишь всех ее заначек,
но пусть вовек не ведают невзгод
Айгюль моя, и Эва, и Абайчик.

Скажу снохе, помедлив на краю:
приблизившись к небесному порогу,
Мариночка, Мариша, я твою
судьбу препоручаю ныне Богу.

Всечасно на виду у нас Ак-Су –
вот так же я сказать могу о смерти.
Расул! Марат! Все горести снесу,
коль живы и здоровы вы, поверьте!

Диана – мое счастье, видит Бог,
перед Имашей я благоговею...

Расул, мне утешенье, если смог
я это жизнью доказать своею!

Замешкаюсь я снова у дверей,
чтоб вымолвить, почти уже на грани:
вниманьем почитайте матерей –
об этом говорится и в Коране.

Да, ненадолго дан нам этот свет,
немного достается людям солнца.
Длинна твоя дорога или нет,
конец ее – во кладбище упрется.

Но преданность опорой служит нам,
прочнейшей не лишимся мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

7

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитою и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Рассвет. Как вид прекрасен из окна!
Улыбку горца в нем я различаю.
В нем – чистота и взглядов глубина
всех тех, кого так часто привечаю.

Благодаренье Богу! На своей
земле проснуться – добрая примета:
ведь я и камни чту здесь, как людей,
рябина здесь тепла полна и света.

Кто хочет суть земли моей узнать,
у Пикассо пускай об этом спросит:
в его голубке – женщин ее стать
и мысли тех, кого коснулась проседь.

Добавить только малость я хочу,
пусть за мою пристрастность не бранятся:
в труде балкарцу горы по плечу,
и в дружбе с ним не многие сравнятся.

О твердости характера такой
ты, голубь, знаешь. Рядом с миролюбьем –
согласие, единство и покой:
так разноси же их на радость людям.

Неси их тем, кто не уверен в нас,
даруй им просветленье в мыслях, то есть
про золотой поведай наш запас –
честь горскую, достоинство и совесть.

Призыв мой разноси во все края:
мы одолели голод, зной и вьюгу,
теперь для полнокровья бытия
нам нужно уважение друг к другу.

Пускай любовь меж нами расцветет,
подобная любви земли и неба!
Мы к этому готовы: лили пот,
не ели незаслуженного хлеба.

И все соседи – рядом и вдали –
нам как родня. От века в этом плане
со всеми уживаться мы могли,
как молоко с закваскою в айране.

Ты, голубь, проследи, не поленись:
пусть точно так, как мы соседа ценим,
и он возносит имя наше ввысь –
обиды ведь чреваты охлаждением.

Пусть преданность опорой служит нам,
да не лишимся прочной мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой, когда-то
божественным Кавказ был наречен –
об этом мы, балкарцы, помним свято.

И помним, что свободой торговать,
чтоб синекуру выклянчить проворно,
свою персону слава, токовать
для тех и этих – жалко и позорно.

Отец мой, чести верен, не юлил,
но выказал всю горскую отвагу –
и за свободу голову сложил,
за ту страну, которой дал присягу.

Но, несмотря на это, вся семья
курятником, где лис не знал предела,
вдруг стала – потому и мать моя
от горестей так рано поседела.

Изгнанию не предвиделось конца,
но в этом мире все подвластно жизни.
На сорок лет я старше стал отца –
успел ли что-то сделать для отчизны?

Когда нас всех скрутил и рты зажал
неправедный закон, презрев пощаду, –
ты, белый голубь, дух наш поддержал,
в степь принеся балкарскую прохладу.

Ты в степь принес и белизну снегов,
и честность, чистоту души балкарской.

Знакомясь с нами, каждый был готов
навет на нас признать нелепой сказкой.

Ты горцам в степь доставил лунный свет,
чтоб жечь костры могли мы ночью в поле
и немудренный разделять обед
с собратьями по горестной неволе.

Киргизы знали: наш народ храним
тем духом, что сильнее урагана...
И – очень по душе пришелся им
волшебный вкус балкарского айрана!

Ты, голубь, нас в изгнании спасал,
от гор родных неся нам споро вести;
привет от незабвенных милых скал
нам не давал забыть о горской чести.

Балкарских много в Азии могил –
увы, им не видать родного края.
Любой из там погибших проводил
живых домой, нас всех благословляя.

Мы знаем: тот становится святым,
кто умирает, свет других не скомкав,
не обратив надежды общей в дым,
а сохранив нетленной для потомков.

Ведь преданность опорой служит нам,
мы не лишимся жизненной основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

2007

Перевод Георгия Яропольского

Евгений ЛИСТОПАДОВ

БАНКЕТ

Дорогой читатель! Перед тобой не фантазии юмориста-сатирика, а вполне правдивые путевые заметки журналиста Евгения Листопада. Те, кому приходится в годы застоя выезжать по турпутевке в капиталистические страны, наверняка согласятся, что написанное здесь вполне правдоподобно.

...Наступил последний день визита к Лазурному побережью Франции. Некогда белоснежный лайнер «Армения» завтра утром отплывает в Грецию. Мы прикоснемся к остаткам древней цивилизации, встретимся с потомками Пифагора, Фидия, Сократа, Платона. «В Греции все есть».

А пока я стою на пирсе в ожидании гостей. Дирекция круиза, капитан решили устроить прощальный банкет, а точнее – шведский стол. Пригласили высокопоставленных служащих муниципалитета и кое-кого из туристической фирмы, нас принимавшей и обслуживавшей.

Вечерело. К трапу стали подкатывать шикарные и менее автомобили.Guestы тут же встречали и сопровождали в просторный зал ресторана.

Я поджидал водителя автобуса Жана. Он что-то не появлялся. Монотонно хлопала вода в пространстве между бортом корабля и причальной стенкой. Остатки розового заката догорали на кучевых облаках, одновременно как бы зажигая огни в окнах жилых зданий, торговых и увеселительных заведений.

Но вот электрические огоньки тонкой нитью протянулись по лампам освещения улиц, дорог, эстакад. Разноцветьем неона вспыхнула реклама и заплескала под рябью воды в акватории порта.

Жан подкатил на полуспортивном «Пежо». Развернув вращающиеся сиденья, выпрыгнув из машины, подал мне в красивой упаковке сверток.

«Нужно организовать ответный презент», – созрело у меня тут же. И проведем опыт: каковы они – французы – после третьего стакана.

– Привет... Мерси... Шагаем в каюту, долбанем по рюмке и – на банкет! – пригласил я его.

Поднимаясь по трапу, Жан, как бы пересчитывая ступени, довольно громко пропел:

– Шагай, каюта, долбанем, банкет!

Вначале я этому не придавал значения, за что впоследствии и поплатился. В каюте – почти копии железнодорожного купе – нас обитало четверо. Остальные мои соседи совершали вечерний променады по палубе. И мы с Жаном, можно сказать, с комфортом расположились за столиком у круглого иллюминатора.

– Это малый банкет! Большой банкет – ресторан! – объяснял я Жану.

– О! Банкет! Ресторан! Долбанем! – весело лепетал гость, с любопытством наблюдая, как я ножом, вилкой, затем, зажав между ног бутылку водки, пытаюсь свернуть вращающуюся металлическую крышку.

– Дол-ба-нем!

А как же... Только потерпи малость, гость дорогой. Для того я тебя и пригласил сюда, чтобы нашей «особой» откусать... одну... на двоих! Я

же точно знаю, что французы, да и не только французы, немцы, англичане и прочие там, обожают наш хлеб, борщ и водку. Только видишь ли, какая незадача... Мы ведь все делаем с запасом прочности, не то, что вы – тятляп и готово! А мы... мы все из одной стали штампуют – и башню к танку, и консервную банку, и бутылочную пробку! У нас ведь мартены! О-го-го! Миллионы тонн сразу, за один присест... пьют!.. Льют, то есть, стали этой... Куда же ее девать-то?.. А пробковое дерево растет в Африке... Далеко это... Дерево возить... А стали этой и чугуна у нас знаешь сколько? На каждую душу?.. Твою душу мать! С пробкой этой! Фу-у-ух! Наконец-то!

Красный от возбуждения, взмокший от натуги, я все же справился с этой проклятой бутылкой.

Заскучавший было и смущенно сникший Жан вместе со мной ухнул и с удовольствием произнес:

– Шагай! Долбанем!

– Теперь-то уж не-пре-мен-но!

После каждого тоста – за Эйфелеву башню! Мон-март-тр! На-поле-он! Шам-пань! Д' Арт-ань-ян!

Намаявшись с бутылкой, я с удовольствием закусывал (повар на камбузе – мой земляк). Жан не спеша хлебал водку мелкими порциями. И как-то по-птичьему клевал закуску. Особенно икру – по зернышку. Мы уже и «на брудершафт» опрокинули, и в второй бутылки общими усилиями «голову» открутили. Я после первой бутылки неожиданно для себя по-французски заговорил. А Жан по-русски... матом! «Это он три дня с нашими мужиками пообщался», – подумал я.

Пришлось приступить к воспитательной работе. Я довольно долго и настойчиво стал ему объяснять, что «мать» – это святое и почитаемое у нас в стране имя. И если оно и поминается всуе или не-по-треб-но отдельными невоспитанными личностями в каких-либо ситуациях, то мы их осуждаем и всяких наших со-циа-листи-чес-ких благ... бла-ги-ма... бла-жен, блат, ... ну, в общем, там... премий, путевок, орденов, медалей, вымпелов, грамот, знаний... званий, то есть – лишаем. Навсегда! Они, конечно, нарушают, но реже. Кувалдочкой там промахнулся – больно! Поллитровку на асфальт уронил – обидно! В дверях лоб в лоб – неприятно! В парке на скамеечку плюхнулся, а там гвоздь – травма же. Как тут не вспомнить мать родную?! А в других случая – ни-ни-ни! Никс ферштеен! Понял? Вот если я про твою маму? А? Я же не твой папа!

Он как услышал про папу, так такое завернул, что я от возмущения чуть стакан не укусил.

– Ну ты, мужик, даешь! Вот балда! Ты что себе позволяешь? Какой му... плохой человек научил тебя всем этим выражениям?

Я вновь терпеливо, напрягаясь, выковыривая в извилинах застрявшие случайно немецкие, английские и французские (нас ведь как учили!) слова, ласково и терпеливо, подсовывая ему закуску, снова начал объяснять:

– Выражения эти – шарман, наин, карамба, – сбился я на испанский.

Жан кивал головой, растягивал в улыбке рот до ушей, а затем, разлив поровну в стаканы остатки из бутылки, чокнувшись со мной по-русски и перегнувшись через стол, конфиденциально сообщил:

– Долбанем, балда!

В ресторан, на банкет, мне как-то уже и идти расхотелось. Я, было,

намеревался откупорить еще одну «столичную», которая предназначалась Жану в качестве ответного презента, но он наотрез отказался. И я, охваченный смутным предчувствием приближающейся пакости, а то и неприятности, повел его по лабиринтам теплохода, опускаясь и поднимаясь по трапам, нарочно блуждая. Вышли на верхнюю палубу: глотнет, мол, свежего воздуха, отрезвеет. Попытался усадить в шезлонг и прикрыть оставленным кем-то пледом – вдруг заснет. Уговаривал принять морские ванны в бассейне – ни в какую!

Жан отплясывал на палубе чечетку и с каждым притопом и прихлопом выкрикивал:

– Банкет!.. Долбнем!.. Ресторан!.. Балда!..

Будь что будет. Мы спустились в банкетный зал ресторана. Здесь официальная часть уже закончилась, взаимные речи и тосты произнесены, публика расслабилась и была слегка навеселе. На эстраде оркестр приглушенно наигрывал танго. Несколько пар танцевали. Образовались группы беседующих. Но большинство продолжало застолье.

Жана узнала и пригласила наша компания, меня отвлекли, и мы на какое-то время потеряли друг друга из вида.

Я пригласил на танец молодую француженку в простеньком шерстяном платье, с деревянными бусами на тонкой длинной шее. Так себе француженка. Наши поимпозантнее. С этой худобой я продолжал упражняться на французском. Она кокетливо улыбалась, но отмалчивалась. А когда танец окончился, я расшаркиваясь сказал:

– Мерси, мадам!

Она, искренне и весело рассмеявшись, выпалила по-русски:

– Мадмуазель! И я с удовольствием станцую с вами следующий танец, хотя вы нукудышный француз, но довольно сносный партнер.

– Угу... – пробормотал я, опешив от неожиданности. – Брал уроки у правнучки балетмейстера императорских театров Петипа. Могу продемонстрировать и вам несколько балетных «па»! А вы, кстати, падеспань не отплясываете, а то я закажу!

И падеспань, падеграс, польку, чардаш, гавот... – она продолжала перечислять еще названия танцев и совсем древних, и современных, но я уже не слушал, а, уставившись в потолок, молил Всевышнего: «Вознеси! Или отправь в преисподнюю!»

Тут ее кто-то из присутствующих отвлек, а я, воспользовавшись этим, отошел к столу, «долбанул» рюмку водки и запил фужером шампанского. «Тоже мне, худоба! Белоэмигрантка задрипанная!.. Полиглот!.. Обнищали тут... и одеть-то нечего... Вон, наши мадамы! Не чета тебе! У Татьяны с мясокомбината что ни наряд – английская королева! А Семен! Что стеклотару не то сдает, не то принимает, – принц Конде! А Зарема с кондитерской? У нее перстень на безымянном твоей прабабушке не снился! А на указательном – дедушке обошелся бы в твое родовое имя! Гавот!!! Сама ты...»

А тут наша переводчица подошла и с завистью, а скорее с ехидством:

– Ну, я вас поздравляю! С миллионершей, с самой хозяйкой туристической фирмы вальсировали, и следующий танец вам обещан.

Вот те на! В сереньком «лапсердочке», с деревяшками на шее вместо бриллиантов?

Аргентинское танго мы с мадмуазель Марией танцевали с упоением! Тонкий стан миллионерши послушно отзывался на малейшее движение моих пальцев.

Затем стояли на верхней палубе, любуясь разноцветьем огней вечернего города. Мария рассказывала о себе. Мама русская, из тверской деревни. Девочкой ее родители привезли в Париж. Вышла замуж за француза, отпрыска древнего рода, но делового и энергичного. Мария – поздний ребенок. Дома мама говорила с ней по-русски, отец, учитель гимназии, – по-французски. Мария закончила Сорбонну, затем Кембриджский университет в Англии. Стажировалась в МГУ. Знает четыре языка в совершенстве, а еще четыре – «так себе»! «А нас и русскому учили «так себе», – подумал я. Вначале мама, а затем отец умерли. Достались ей в наследство два теплохода, яхт-клуб, трех- и четырехзвездочные гостиницы в странах Европы и еще всякого движимого и недвижимого. Дело налажено, но требует хозяйского присмотра. Но она к этому не имеет призвания. У нее другой интерес – богема, живопись, музыка – искусство, одним словом, и как, мол, быть?

Да откуда я знаю? У меня самого забот невпроворот. От аванса до полочки еле отдышишься. А недвижимое? Государственная полуторка на пятом этаже. Движимое – жена, теща и двое детей. А в эту шикарную поездку я попал по благу и милости советских профсоюзов и по самой дешевой путевке.

Мы еще какое-то время доверительно поговорили о разных интересных вещах и вернулись в зал. Здесь нас ожидали, а меня уже и разыскивали. Дело в том, что Жан... Словом, мои соседи по каюте, увидев Жана, который уже несколько стабилизировался и довольно прочно стоял на ногах, пригласили его в свой кружок, который они организовали в конце стола. И пошло, поехало, с кавказскими здравницами и с обязательным «пей до дна!». В те годы, годы застоя, застолье было обычным делом. Даже в высоких правительственных инстанциях различного рода договоры и взаимные обязательства подписывались не всегда на трезвую голову.

Жан, конечно, направо и налево произносил здравницы на французском языке, а для связки фраз вплетал туда русские словечки. Мужчины хохотали да поддакивали. Все бы ничего, да вот какой пассаж получился. За отдельным столом стояла группа самых солидных хозяев и гостей. Директор круиза, капитан, кто-то из муниципалитета, руководители туристических групп, чиновники из московской группы. Он и к ним подошел, чокнувшись с одним из солидных москвичей и дождавшись, когда тот выпьет из своей рюмки, он вдруг громко, да так, что услышал почти весь зал, с пафосом произнес:

– Ты, му..., закуси!

Оркестранты побежали на эстраду разбирать дудки, чтобы отвлечь публику. Жана унесли в мою каюту. Москвич разбушевался. Грозил французам чуть ли не Бородинской битвой. Но все, в конце концов, обошлось с помощью дипломатии и той же водки.

Мне же, когда я появился в зале, подробно изложил все это турист нашей группы. Числился он мастером какого-то монтажного управления, но все уже знали, что мастер – в чине полковника. И тон нашей беседы хотя и был приглушенным и доверительным, но с преобладанием согласных и шипящих.

– Ну и что! – невозмутимо отвечал я ему. – Классиков надо знать. Я же ему из Пушкина насчет балды, а к другим выражениям я не причастен. А что касается московского туриста, то, что он и есть этот му..., так это все знают. Само же слово заимствовано из монгольского, мы же триста лет под ними стонали. Хотите – верьте, хотите – нет, но это слово – не что иное, как часть конной сбруи, предназначенной под хвост. У них, у монголов, до сих пор бытует поговорка: «Да пошел ты к лошади под хвост!». Да и чего тут обидного? Фольклор! И само слово звучит, будто по-французски. Возможно, монголы у них и переняли во время своих походов в Европу. Или вот еще примеры: вы знаете, как будет по-китайски «постовой»? Поинтересуйтесь. Обхохочетесь!

Мастер прямо опешил. Но поскольку мы были в приятельских отношениях, он мне, несколько остыв, так вкрадчиво и опять же шепотом говорит:

– Но согласись, что ты балда? И этот...

– «Этот» – нет! И вообще, позвольте с вами не согласиться, языки нужно учить, в том числе и великий русский. А то что же получается? За годы советской власти наши граждане, особенно мужская половина, так и не освоив парламентских выражений, кроют друг друга по-матерному. Да еще и экспортируют эти перлы в недоразвитые, да и в развитые страны тоже. Нам что же, торговать больше нечем? Я в Стамбуле у одного лавочника спрашиваю, вежливо, на чистейшем турецком:

– Нельзя ли эти поношенные штаны на советские сигареты поменять, «ченч» совершить? Валюту я в каюте забыл.

А он мне на русском языке весело и непринужденно отвечает:

– Да пошел ты на ..., советико турист! Нис-щце-га!

– Это кто тебя так научил? – вежливо осведомляюсь.

– Кто-кто – дед пихто! Кость тебе в горло! Черт не нашего бога! Мурльнь-мурло! Тудыт твою разтудыт! Вали, вали, хрен моржовый!

Мы с мастером еще долго говорили по вопросу этики отношений. Вспоминали рыцарские поединки, дуэли французов и наших соотечественников, когда одно слово, сказанное неподобающим тоном, могло послужить причиной смертельной схватки. Да так ни к чему и не пришли, а разошлись в разные стороны. Он к себе, а я к себе – будить француза.

Утро было безоблачным: голубое небо, синее море, розовые вершины французских Альп на горизонте. Бодрящий, чистый, чуть солоноватый воздух. Толпа провожающих французов и соотечественников на пирсе. Все это располагало к хорошему настроению наших туристов, заполнивших палубу. Теплоход медленно, вначале кормой, а затем и носом, оторвался от причальной стенки. Ведомый буксиром, стал выходить из акватории порта. Нам прощально махали, и мы прощались. Когда расстояние до пирса увеличилось метров до пятидесяти, на шоссе показалось юркое «Пежо» нашего водителя Жана. Он подкатил к самому пирсу и, выскочив из машины, стал размахивать белой фетровой кабардинской шляпой, которую я ему подарил на прощанье.

Затем, сложив рупором ладони, стал что-то выкрикивать. Слов было не разобрать, но я был уверен, что прощался он с нами по-русски...

Наш путь лежал в Грецию и дальше.

К 60-летию Мурадина Туменова

Мурадин Туменов может смело смотреть в глаза жителям Кабардино-Балкарии – он жил и живет по совести, ему не пристало краснеть за неблагоприятные поступки, ибо он не совершал их, его ценят за порядочность и скромность, его авторитет руководителя жидется на значимых делах, заботе о народном благе, уважении к людям.

А значит, грядущие годы его трудовой деятельности, без сомнения, добавят ему еще большего уважения.

*Валерий Коков,
первый президент КБР*

...Он один из тех умных и замечательных людей нашей республики, для кого внимательное отношение к людям, забота об их благе всегда были и остались превыше всего. Интересы дела, республики, малой родины всегда двигали его помыслами, воплощая их в поступки и реалии, которым суждено остаться в народной памяти.

Одно из таких дел связано со строительством дороги к родине Кязима – селению Шики. Отнюдь не просто было его осуществить. Помимо желаний нужны были и средства, а главное – воля, настойчивость, упорство. У районного руководителя дел всегда неупроорот, но Мурадин Туменов сумел совместить главное с необходимым, четко осознавая: без дороги к Кязиму нет и не может быть дороги к самим себе.

*Танзиля Зумакулова,
народный поэт Кабардино-Балкарии*

Светлана МОТТАЕВА,
*заслуженный работник
культуры КБР*

Формула счастья Мурадина Туменова

Построить дом, посадить дерево, родить сына (дочь), и тогда ты настоящий мужчина? Невелик масштаб, я вам скажу. А если ты отдал много сил для развития целого района и процветания районного центра со всей его инфраструктурой, параллельно строя себе дом, пестуя посаженное дерево и воспитывая ребенка, причем еще и не одного, то тогда, выходит, ты супермужчина? Или, как принято в современном сленге, супермен, и так далее. Определений для настоящего мужчины, а точнее, личности, немало в нашем языке.

Таким мужчиной хочется назвать Мурадина Хадисовича Туменова, ко-

тому в эти дни исполняется ровно шестьдесят. И, знаете, для кавказского мужчины (не в обиду уральцам, сибирякам и прочим) это вовсе не возраст. Ему бы, нашему юбиляру, еще, как говорят в народе, пахать бы и пахать, а он уже пенсионер, хотя, надо надеяться, еще найдет его тот общественный, а то и хозяйственный хомут, который хоть и был ох как тяжел, однако Мурадин Хадисович носил его с достоинством и с упорством настоящего трудяги. Ибо к труду он привык с ранних лет.

А с другой стороны, если взять семью Мурадина, где замечательная жена Лариса, заслуженный работник народного образования КБР, и четыре красавицы дочери, зятя и внуки, – у него есть все, что составляет житейское благополучие, для достижения которого и сам глава семейства и хранительница семейного очага приложили немало душевных сил и стараний. Не в пример многим и многим семейным парам, которых и парами-то трудно назвать, Мурадин и Лариса сумели выстоять и в разных житейских невзгодах, какие каждую семью, род могут посещать, как внезапная и неуправляемая стихия. Слава Богу, семью Туменовых это миновало. Но в том-то и смысл жизнестойкости и человека, и семьи, и рода, если человек, семья и род находят в себе силы не сломаться, не спастовать.

Полагаю, что при всем внешнем благополучии и кажущемся везении в работе, карьерном росте и в делах семейных, не все давалось Мурадину легко и просто. Однако когда, знакомясь со всем набором, эпистолами, обращениями, поздравлениями, где нахожу совпадающие с моими представлениями о нем слова, еще больше утверждаюсь в мысли, что судьба не зря благоволила к нему, открывая дорогу к самоутверждению, к работе над собой, позволяя ему преодолевать осознаваемые недостатки, чтобы упрямо идти к цели. А цель эта, если взять во внимание предельную скромность Мурадина, похоже, была не столько карьера партийно-хозяйственного служаки, а только слуги народа, как бы патетически это сейчас ни звучало. Помнится, всех нас настораживали стандартные фразы из разного рода характеристик, рекомендаций, ходатайств, в которых тот или иной рекомендуемый человек мог сгодиться не только в члены той или иной партии, а немедленно должен был получить высокую должность или орден, или медаль. Сегодня, уже в ретроспективе, обзревая трудовой путь Мурадина Хадисовича Туменова, отчетливо вижу, что то бумажное сопровождение, которым отмечался каждый этап его жизни, точно совпадало с чертами его личности. Редкое исключение в ряду имен, входивших в резерв или непосредственно в номенклатуру.

В тексте поздравления к 50-летию Туменова читаем: «В Кабардино-Балкарии Вас знают как патриота, прекрасного гражданина, замечательного человека, яркого представителя своего маленького, но гордого народа». Задумываюсь над этими словами и не нахожу ни в одном из них ни фальши, ни преувеличения в применении к Мурадину Хадисовичу. Оказывается, сколь бы скептически мы ни воспринимали кажущиеся нам преувеличенными замечательные определения личности Мурадина Хадисовича, ни одно из них, как из песни слова, выкинуть не поднимается рука.

А здесь же о его работе: «Начав трудовую деятельность в своем родном Черекском районе рядовым специалистом (зоотехником, после окончания с/х факультета КБГУ – С. М.), Вы прошли все ступени жизненного роста. Ваша высокая требовательность, профессионализм, большие человеческие качества и беззаветный труд в должности главного зоотехника районного

Рабочие моменты

Открытие тоннеля на дороге
Урвань–Уштулу. С президентом КБР
В. М. Коковым. 1998

Закладка первого кубометра бетона под стро-
ительство канала Аушигерской ГЭС. С пред-
седателем РАО ЕС «Россия» А. Д. Дьяковым,
председателем правительства КБР Г. М. Чер-
кесовым, председателем палаты парламента
КБР М. Н. Жабоевым. 1994

На выставке вооружения для армии.
С руководителями районов КБР.
Нальчик, 1995

Встреча с Геннадием Селезевым
у президента КБР. 2003

Открытие реабилитационного центра
в пос. Кашхатау. 2003

Пленарное заседание общественного
форума народов Кавказа и Юга России.
Сочи, 2004

Семейный альбом

Мурадин среди учащихся 10-го класса.
Бабугент, 1967

Военная форма к лицу...
1981

Туменовы, женская половина семьи.
2000

Родные лица – отец, мать, брат...
2000

управления сельского хозяйства, первого секретаря районного комитета комсомола, инспектора Республиканского комитета народного контроля, первого секретаря Советского РК КПСС и сегодняшнего главы администрации Черекского района по праву снискали Вам глубокое уважение и авторитет среди своих земляков и коллег по работе». И дальше о том, что район, возглавляемый Туменовым, «всегда являлся одной из хороших составляющих в деле развития экономики и мощи нашей цветущей Кабардино-Балкарии». Около четверти века (с 1977 по 2001 год) Мурадин Хадисович трудится в Черекском районе. Он родился 5 августа 1949 года в Киргизской ССР, когда до освобождения родного балкарского народа оставалось целых восемь лет. Потом – возвращение на родину, жизнь в Бабугенте, у самых красивых в мире Голубых озер, где сама природа должна, кажется, формировать

красивых людей, только нужно вслушиваться в ее советы, жить в унисон с величием горного пейзажа. Мурадин оказался не только послушным сыном отца Хадиса и матери Фаризат. Выросший в хорошей крестьянской семье, обласканный, как и водится на Кавказе, сестрами, Любой и Арибой, и уже с детских лет натрудивший шершавые мозоли, чуткий ко всему, что рождает добро и любовь, не мог Мурадин вырасти ни тунейдцем-сибаритом, ни неким горским обломовым. С юности он любит все, что его окружает, простое отцовское жилище, отца, что вечно жил заботами о хлебе насущном, и маму, что не жалела себя ради своих детей, думая во что одеть, чем накормить их, при этом улучая мгновения для ласкового слова, украдкой погладить по головке, приободрить, помочь умным советом. Именно семья, нелегкий, но такой правильный, завещанный предками древний горский уклад, которого неизменно придерживались сначала старшие семьи Туменовых, потом младшие – Мурадин, его брат и сестры, а дальше и третье поколение, ныне молодая и совсем юная поросль Туменовых, дали и продолжают давать хорошие, без червоточки, золотые плоды. В этой большой трудовой семейной общине не имел права, не мог вырасти человек с плохими качествами.

Подтянутым, ответственным Мурадин оставался всегда. В армии, в годы учебы в университете, работая в районе. Многие дали ему Высшая партийная школа при ЦК КПСС, где он постигал премудрости управления народно-хозяйственным сектором, работы с людьми. Ответственное отношение к порученному делу стало вторым «я» Мурадина Хадисовича, о чем он ни раньше, ни теперь не жалеет. С большим трепетным чувством он принял приглашение (2003–2004) стать доверенным лицом кандидата на должность президента РФ В. В. Путина. Он в тот год работал с полной отдачей для победы кандидата. Путин оправдал доверие миллионов россиян и его, Туменова, веру в умного, высокообразованного, молодого и продуктивного руководителя многонациональной России.

И юбилейное поздравление, которое мы цитировали выше, к пятидесятилетию Мурадина, подписанное всеми его коллегами, главами всех районных администраций КБР, за совместную работу по укреплению экономической и конституционной основ КБР, – было не словами, произнесенными всуе, но выражением сути проделанной Туменовым работы на всех постах, куда его направляли партия (в годы СССР) и государство, Россия и КБР, в новую постперестроечную эпоху.

Здесь уместно понять, ощущал ли горечь утраты всего сделанного и достигнутого за 70 лет социалистического строя бывший партийно-советской работник Туменов? Понятно, что ощущал, но понятно и другое: он осознал необходимость работы в новых условиях для развития республики. Он был вновь востребован, нашел в себе силы оставаться полезным – и его работа не только в парламенте КБР, но и в министерстве труда и соцразвития, в ранге министра, руководителя Агентства по соцразвитию КБР свидетельствуют об этом. Затем была должность заместителя министра (2006–2007) по охране окружающей среды и природопользованию. Туменов, как и прежде, умел работать.

Он всегда хотел видеть свою республику социально зрелой, где человек должен стать предметом главной заботы. И слова Александра Солженицына о необходимости сбережения народа были для Туменова не пустым звуком, совпадали с его представлениями о долге перед обществом. На посту министра, проводя социальную политику президента и правительства КБР в жизнь,

Туменов и его более чем двухтысячная армия соработников добились того, что в республике эффективно работали все 35 отделений соцобслуживания, где находили тепло и заботу более четырех тысяч одиноких пожилых граждан и инвалидов. В четырех республиканских домах-интернатах проживало около 700 опекаемых. Министр делал все возможное и невозможное для повышения эффективности мер государственной поддержки семей с детьми, для чего была выработана программа адресной защиты всех, кто в ней нуждался.

Под непосредственным руководством и при живейшем участии Туменова начато и доведено до стадии завершения строительство центров реабилитации в г. Баксане, с. Куба, в Эльбрусском и Черекском районах. Чистые, по-человечески добрые чувства ощущал председатель Совета представителей парламента КБР Мурадин Туменов, когда перерезал красную ленточку, открывая республиканский центр в поселке Кашхатау, благоустройству которого он отдал немало сил и времени.

Годами ранее при нем, опытном руководителе, была построена основная часть жизненно важных объектов Черекского района: Черекская ГЭС, жилищно-коммунальные объекты, объекты здравоохранения, проведены реконструкция автодорог и обустройство погранзастав, сданы многоквартирные жилые дома, а также проложен через монолиты черекской скальной гряды сложный и уникальный высокогорный тоннель почти километровой протяженности. Этот тоннель, мечта четырех тысяч жителей Верхней Балкарии, обезопасил их проезд по горному серпантину, забравшему не одну человеческую жертву. Черекский тоннель сделал более доступным высокогорное ущелье и для гостей и туристов.

Тривиальная фраза «За что бы ни брался талантливый человек...» вовсе не воспринимается тривиальной в применении к Туменову, личностный и карьерный рост которого шел параллельно с ростом и развитием республики. Он участвовал во всех ее делах, и его биография – это биография КБР.

Туменов – комсомолец, солдат, офицер, общественный и государственный деятель, – все шло ему в зачет. За его работой и ростом пристально наблюдает руководство республики, утверждаясь с годами в мысли, что этому парню можно доверить любое сложное дело, и он его обязательно потянет. За ним не было ни железной руки, ни авторитета, его никто не крышевал, как ныне выражаются, а он сам, именно сам, встал на ноги и помогал другим обрести почву под ногами, чем и снискал доброе имя, заслужил уважение окружающих. Нет сомнений, из-под крыла Мурадина Туменова выпорхнули и сумели подняться в чистое небо его ученики, или, в конце концов, те, кто хотел перенять его жизненные и трудовые уроки. Преемственность поколений, как бы ни отдавало протоколом это словосочетание, имеет законную прописку в общественном сознании и в общественном развитии. Надо добавить, что и Туменову повезло жить, расти, становиться личностью, не только памятуя то хорошее, чему научила его семья, но и люди, с которыми довелось ему рядом, плечом к плечу, работать. С благодарностью он воспринимал поддержку и нравственные уроки первого президента КБР Валерия Кокова. Надежно и уютно было ему рядом с Геннадием Губиным, Хусейном Чеченовым, Максимом Панаговым, Хазратали Бердовым, Тембулатом Эркеновым, Борисом Зумакуловым, Владимиром Соховым, Заурби Нахушевым, Людмилой Федченко, десятками других соратников и сподвижников, с кем делил он заботы и тяготы государственной службы. Много сил Мурадин Хадисович отдал пост-

роению и укреплению вертикали власти в КБР, а мандат депутата (1989–2003) Верховного Совета КБАССР и трех созывов парламента КБР, дающий ему право ощущать себя народным слугой, Туменов носил с гордостью и острым ощущением долга перед своими избирателями. Они, избиратели, в свою очередь отвечали ему тем же: поддержкой, пониманием, благодарностью.

Многие годы, как и многие мои соплеменники, я наблюдала за человеком – должностным лицом – по имени Мурадин Хадисович Туменов. И сделала вывод: он никогда не стремился к трибунной демагогии, речь его была спокойной, немногословной, но точно передающей целевую установку выступающего. Редкое качество, которое, как в прокрустово ложе, укладывается в народную поговорку: плохо, когда юноша болтлив, а девица ущербна с физической точки зрения. Туменов не был рожден для красноречия, он мало говорил, но много думал. Он умел увлечь людей хорошей, продуктивной идеей, показывая примеры того, как надлежит поступать в той или иной сложной ситуации. Отсюда надежность – одна из черт его характера, унаследованная и приобретенная.

Ныне пенсионер республиканского масштаба Мурадин Хадисович Туменов отмечает свое шестидесятилетие. Эта круглая дата, называемая юбилейной, не вполне прилагается к человеку с живым огнем черных глаз, широкой улыбкой и скупыми жестами интеллигента.

Шестьдесят лет для кавказца – всего лишь возраст мудрой зрелости и физического здоровья, которого нашим пращурам хватало на целый век активного пребывания на этой земле. Мурадин Хадисович, как говорят, родился в рубашке, и еще с золотой ложкой во рту. И он счастлив той полнотой понятия, которое даровало все, чем жив человек. Его окружают друзья, близкие, семья, жена Лариса, четыре красавицы-дочери – Лейла, Фатима, Джамия, Элеонора, и внуки, и внук.

Хоть и не суждено было супругам Туменовым иметь сыновей, но, как водится в горах, их заменили им зятья, вместе с одним из которых, талантливым хирургом-ортопедом Алимом Мокаевым, росли мои сыновья, оставаясь и поныне надежными друзьями и добрыми соседями. Дружбой с ним, равно как и Алим, дорожат Ибрагим и Эльдар.

На нашем столе стоят часы и красуется хрустальная ваза, которые в годы работы в Комитете народного контроля, за помощь в работе, вручал главе нашей семьи, внештатному инспектору сектора сельского хозяйства Магомеду Шаваеву Мурадин Туменов. Эти милые знаки уважения и признания нередко наводят членов нашей семьи на приятные воспоминания и, что скрывать, и ностальгию по минувшей молодости.

Такова жизнь. Годы сменяются годами, все изменчиво в этом мире, и небо совсем не в алмазах, но жизнь наша богата хорошими людьми и это утешает нас в нашем восхождении на высоты возраста. Ибо с этих высот нам даровано право видеть далеко, помогать добрым советом идущим вослед. Счастьем такого свойства обладает и мой земляк Мурадин Туменов, размышлять над жизнью, делами и победами которого можно было бы еще долго. Но, как говорится, во всем, даже в выражении самых искренних чувств и добрых пожеланий, нужна мера. А мера, как известно – есть закон гармонии. Этого закона Мурадин Туменов никогда не переступал. С Днем рождения Вас, уважаемый мой земляк, Мурадин Хадисович. Живите долго, как древние нарты.

В произведениях писателя Валентина Грудзинского приоритет отдается духовной красоте личности, мотивам самопожертвования, любви не только к родине, но и к человеку.

Родился он 25 июля 1924 года в г. Жиздра Калужской области, умер 24 августа 1979 года в г. Прохладном КБР. Русский писатель. Детство и школьные годы Валентина Александровича прошли в г. Жиздра Калужской области, но с родными местами его разлучила война. Десятилетку окончил в Северном Казахстане, там же работал в совхозе. Затем учился в военном училище, но болезнь помешала ему стать офицером. С 1945 г. жил и работал в Кабардино-Балкарии, которая стала для него второй родиной. Здесь он получил педагогическое образование. После окончания КБПИ первое время работает учителем в Прималкинской сельской школе, а затем становится бессменным завучем этой школы.

Здесь начался его литературный путь. Вначале он пробует себя в поэзии. В 1950 г. его стихотворение «Пушкин в станице» было напечатано в альманахе «Кабарда». Затем в 1954 г. в этом же альманахе публикуется его первое крупное прозаическое произведение «Повесть о студентах». Его повесть – это искренний, взволнованный рассказ о молодежи, о студенческой жизни, о дружбе и товариществе, о любви, о приоритете нравственных и духовных ценностей.

В 1956 г. в альманахе «Кабарда» была напечатана очередная его повесть – «Новый день», затем она вышла отдельной книгой. В повести описывается жизнь одного из колхозов Прохладненского района начала 50-х гг.

В 1962 г. вышла книга Грудзинского «Так начинается зрелость», в которую вошли повесть с одноименным названием и рассказы. Повесть «Так начинается зрелость» – это волнующий рассказ-исповедь. В повести писателю удалось создать жизненно убедительные образы.

Выступал писатель и в жанре рассказа. Рассказы о простых ребятах-строителях, об их трудовых буднях, о дружбе, о самопожертвовании.

Интересна его публицистика. Его очерки, разбросанные по страницам периодики, написаны с большой любовью к человеку, к его делу. Тематика очерков разнообразна и актуальна. Поднимая в своих очерках животрепещущие вопросы, Валентин Александрович помогал преодолевать трудности и колхозникам, и учителям, и подрастающему поколению.

Его произведения в основном написаны в реалистической манере с развернутым описанием событий, подробными портретами действующих лиц, с картинами природы, способствующими раскрытию психологии героев.

В творчестве привлекают искренность, стремление к максимальной правдивости в изображении жизненных явлений, характеров, внутреннего мира и взаимоотношений героев. Большое внимание писатель уделяет проблемам разных поколений. Судьбы молодых героев рассматриваются писателем в неразрывной связи с жизнью старшего поколения, с духовным наследием отцов.

Известный кабардинский критик-литературовед Мусарби Гисович Сокуров был высоким профессионалом, постоянно следившим за развитием не только отечественной, но и мировой критической мысли и литературы. Его критические статьи являются свидетельством глубокой эрудиции и знания лучших образцов мировой литературы.

Большое место в исследованиях Мусарби Гисовича занимает творчество патриарха кабардинской поэзии А. П. Кешокова, чья лирика стала темой кандидатской диссертации Сокурова, которую он успешно защитил в Бакинском госуниверситете в 1967 г.

Мусарби Сокуров много внимания уделял творчеству и других писателей и поэтов. В статье «Къэбэрдей литературэм и зыужьыкIэ» (Развитие кабардинской литературы. 1964) он дает глубокий анализ творчества основоположников и классиков кабардинской литературы Б. Пачева и А. Шогенцукова. Али Шогенцукову посвящена и статья «УсакIуэмрэ зэманымрэ» (Поэт и время), вышедшая в журнале «Iуашхъэмахуэ». 1970).

Последняя книга Сокурова «Тхыгъэхэр» (Сочинения. 1995), подготовленная и изданная Петром Жабагиевичем Шевлоковым, включает литературно-критические статьи, литературоведческие исследования, освещающие пути развития кабардинской художественной литературы, а также творческие портреты поэтов и писателей Кабардино-Балкарии, написанные им в 60–80-х гг.

М. Г. Сокуров родился в сел. Арик Терского района КБР. В 1947 г. окончил школу-интернат в г. Нальчике, после чего окончил с отличием филологический факультет Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова в 1952 г. После его окончания работал учителем средней школы в сел. Арик с 1952 по 1953 гг. Затем ассистентом кафедры кабардинского языка и литературы КБГУ (1954–1956), где стал старшим преподавателем кафедры русской и советской литературы (1957–1961), и доцентом этой кафедры до 1990 г. Был избран членом Союза писателей СССР в 1971 г.

В литературу Мусарби Сокуров пришел как критик, автор статей и монографических исследований, посвященных творчеству писателей Кабардино-Балкарии. Пробной его работой на поприще литературной критики стал составленный и отредактированный им первый «Сборник статей о кабардинской литературе» в 1957 г. Литературно-критические статьи Мусарби Гисовича, обзоры, рецензии положили начало кабардинской литературной критики послевоенного времени. Его по праву считают одним из основоположников профессиональной кабардинской критики и литературы.

При всей взыскательности, он всегда оставался объективен в суждениях. Это был талантливый критик, открывавший самому широкому читателю секреты писательского мастерства.

Творчество Магомета Мокаева – крупное явление в балкарской поэзии. Художник самобытный, с четкой авторской позицией, прекрасно чувствующий время и понимающий цену жизни.

Истоки поэзии Магомета находятся в народном творчестве. Ориентируясь на фольклорную поэтику, он впитал в себя лучшие традиции балкарской литературы. Следуя этим традициям, он ищет новые формы самовыражения, обогащает балкарскую поэзию собственным мироощущением, очерчивая свой путь в литературе.

Родился Магомет Хасуевич (Магомет Мокъя) 15 июня 1939 года, в сел. Верхний Баксан Эльбрусского района КБР. После средней школы он поступил на филологический факультет КБГУ и окончил его отделение журналистики в 1964 г., он также окончил Высшие литературные курсы в Москве при Союзе писателей СССР в 1967 г.

Трудовую деятельность Магомет Хасуевич начинал корректором, затем литсотрудником газеты «Коммунизмге жол», был редактором на телевидении, редактором альманаха «Шуёхлукъ», редактором отдела детского журнала «Нюр». В последние годы жизни он работал главным редактором журнала «Минги Тау».

Стихи писал со школьных лет, но серьезно заниматься литературой начал с 1955 г. Печатался в центральных и республиканских изданиях, в журналах «Дон», «Нева», «Наш современник», «Донбасс», в общих поэтических сборниках «Голубые ели», «Час поэзии» и других. Его стихи переведены на армянский, грузинский, украинский, кумыкский, киргизский и др. языки.

Магомет Мокаев хорошо знал быт и традиции своего народа, тонко чувствовал природу родной речи. Он находился в постоянном поиске нового, старался обращаться к различным поэтическим жанрам и формам. Его лирические зарисовки, философские размышления интересны по своей тематике и разнообразны. Это и преданность родному очагу, и горечь пребывания на чужбине, и радость обретения родины вновь, это и любовь, и дружба, и радость жизни. А такая форма, как сонет, помогла ему точно выразить состояние своей души и такие чувства, как гордость за свою землю, за свой народ, любовь к горам, долинам, рекам родной земли.

Стихи Магомета оптимистичны, все вокруг для него является источником поэзии. В его стихах много чувства и света. И в то же время он не проходит мимо горестного в жизни. Он не может не сострадать тем, кому в этом мире нелегко. Как и любому творческому человеку, ему постоянно приходилось преодолевать жизненные невзгоды и тяготы. Но он не роптал, считая, что если есть вода и хлеб, есть камень, чтобы приклонить голову, то можно жить, что мир для него «не тесен и в теснине».

Он воспевае труд своих современников, восхищаясь пахарем, чье тер-

пень тверже скал, и «кто из камня добывает зерна», и теми, кто составил славу его родной земли.

Сильны в поэзии Мокаева патриотические, гражданственные мотивы. Он не приемлет войн, призывает человечество к миру.

О чем бы ни писал Магомет Хасуевич – о любви к родной земле, к родному языку, к матери, которой он лишился в раннем детстве, о мире с его радостями и горестями, о преодолении жизненных невзгод, – он раскрывает перед нами весь свой талант, свое умение мыслить яркими поэтическими образами, сильными и впечатляющими.

Многие стихи его переложены на музыку, звучат по радио и телевидению. Перу Магомета Мокаева принадлежат переводы на балкарский язык многих произведений русских классиков и других поэтов разных стран.

Анатолий Жантемирович Камергоев родился в 1939 году в сел. Малка Зольского района КБР в крестьянской семье. После окончания средней школы в родном селе ему пришлось сменить несколько рабочих специальностей. С 1967 по 1969 г. работал на Малкинском конезаводе № 34. С 1969 г. перешел на работу в библиотеку, затем преподавал в средней школе кабардинский язык и литературу. Много лет Анатолий Жантемирович был заместителем директора по внеклассной работе. В 1975 г. окончил заочное русско-кабардинское отделение на филологическом факультете КБГУ. До последних дней жизни оставался верен своему призванию учителя.

В творчестве А. Ж. Камергоева нашли отражение и нелегкое послевоенное детство, и проблемы нравственного выбора, и выбора жизненного пути. Стихи его отмечены особой задушевностью, проникновенным лиризмом, любовью к родному краю, к своим землякам, которые обыденным, казалось бы, неприметным трудом приумножают богатство и славу своей республики. Преодоление, неустанное следование высокому идеалу в обстоятельствах иногда непосильно тяжелых – эта тема приобретает в произведениях Камергоева доминирующее звучание. В 1991 г. А. Ж. Камергоева приняли в члены Союза писателей СССР.

Много времени и сил Анатолий Жамурзович отдавал общественной работе, его часто можно было видеть в сельских школах, клубах, где он выступал перед молодежью со своими стихами, передавал жизненный опыт, учил видеть прекрасное, строить отношения между людьми на высоких принципах, выработанных предками и освященных традицией. А. Ж. Камергоев также известен как автор множества песен о родном крае, любви, мужестве, ставших популярными среди его земляков.

Аминат БИТТИРОВА

ПРОШЕДШЕЕ СЧАСТЬЕ

Рассказ

С тех пор как развелись Назир и Азинат, прошло чуть больше года. За все это время никто со стороны бывшей жены не поинтересовался, где он и как. А Халимат, сестра Азинат, если где и увидит в городе, делала вид, что не замечает, и проходила мимо. Назир не обижался, понимая причину всего этого. Однако позвонила ему именно Халимат.

– Назир, Азинат лежит в больнице... в очень тяжелом состоянии. Я должна находиться около нее... – На другом конце провода послышался ее плач. – Я даже домой не сообщила, чтобы не напугать их заранее... Может, даст бог, все обойдется... Ты сможешь сейчас присмотреть за своими детьми?

– Конечно, смогу... а где сейчас находятся Алим и Лейла?

– Они в садике... Скажешь, что ты их отец... Ведь уже более трех месяцев я их оставляю в «круглосутке». А когда Азинат стало совсем плохо, мне пришлось уволиться с работы, чтобы ухаживать за тяжелобольной. В этом вопросе мне не захотели идти навстречу. Кому нужны твои проблемы? Как Азинат станет лучше, я заберу детей.

На этом закончился их телефонный разговор. Назир удивился. Не желая в это верить, он позвонил в больницу. «Эту больную уже перевели в реанимацию», – услышал Назир, и ему стало стыдно перед самим собой. «До чего же ухудшилось ее здоровье... Халимат даже с работы пришлось уйти, а дети в круглосутке... Какой я бессовестный...»

После рождения второго ребенка Азинат потеряла здоровье. Мнения врачей по поводу ее болезни разделились, а поэтому и точный диагноз поставлен не был. Соответственно не знали, как и от чего ее лечить.

Но Назир никогда не задумывался, может ли больная Азинат приготовить еду детям. Когда, приходя с работы, он видел супругу, бледную, лежащую на кровати, от злости сходил с ума. «Вечно болеешь... ты от лени лежишь, а не от болезни!» – бросал упрек и, хлопнув дверью, уходил из дому. Слезы градом катились по бледным щекам Азинат, и даже настороженные, испуганные взгляды детей не могли его удержать дома. Может, им и поесть было нечего?

Назир не задавал себе этого вопроса. Домой приходил все позже и позже, а после знакомства с Ниной словно забыл, что у него есть семья.

Халимат старалась поддержать заболевшую сестру, и за детьми тоже присматривала она. Но Назир все же бросил семью. К Новому году он решил жениться на Нине. Теперь до этого счастливого момента осталось всего три-четыре недели.

Мать напрасно взывала к его совести. «Как ты можешь так поступать с больной женой, осиротить своих детей? Клянусь своей покойной

матерью, Аллах не простит тебе этого... Болезнь не спрашивает человека, прийти ей или нет. Бедная сноха, если бы она не заболела, в первую очередь было бы лучше этим детям и ей самой. Не к добру ты взбесился, бедняга, заплатишься! За все приходится расплачиваться, так и знай», – пыталась мать вразумить сына.

А Назир, обидевшись, тут же уезжал обратно в город. «Значит, Азинат приехала к маме и опять поплакалась. Она прекрасно знает, что я собираюсь жениться на Нине. Надо же, в этой Азинат от достоинства не осталось и следа, совсем потеряла чувство гордости. Как бы вы ни были против, я женюсь на Нине. Вот такие вот у меня дела, дорогие родственнички». Так думал Назир и за все это люто ненавидел Азинат... пока Халимат не позвонила на работу. Вдруг все прояснилось совсем с другой стороны.

Эти мысли терзали его душу, сжигали сердце. По дороге в детский сад думал: «Неужели я не видел своих детей с весны? За это время я был в отпуске... а, вообще, что мне мешало их видеть, кто? Как я мог забыть собственных детей? Он бесконечно удивлялся тому, что столько времени не вспоминал Лейлу и Алима. Пытался вспоминать какие-то важные дела и оправдать себя, но не получалось. «Неужели я единственный, кто оставил свою семью? Дети живут с матерью, я исправно платил алименты. Почему все так настроены против Нины? Раньше я любил Азинат, не отрицаю, а теперь обожаю Нину. Кому какое дело? Что сломалось, уже не склеишь, дорогие мои...»

Когда Назир добрался до детского сада, уже порядком стемнело. В светлой комнате он увидел только двоих – женщину, которая сидя читала книгу, и Лейлу, в старом пальтишке, одиноко смотревшую в темнеющие окна. У Назира будто все тело свинцом налилось, сердце защемило. Как могли грусть и одиночество найти дорогу и поселиться в детских глазах?

– Вы кто?

– Отец Лейлы...

Женщина косо посмотрела на него и гневно сказала:

– Слава Аллаху... Я уже шестой месяц работаю здесь, а вас ни разу не видела. По-моему, давно настало время вспомнить своих детей, у которых мать в больнице! Как вам не стыдно? Зная, что все равно останется в круглосутке, этот бедный ребенок каждый вечер надевает пальто и ждет своих родных. Вот это балкарец, хваленый, «любящий» детей отец!

Назир молчал, не сказав в свое оправдание ни слова. Лейла же, четырехлетняя девочка, смотрела в окно и тихо плакала. Когда Назир подошел, чтобы взять ее на руки, только тогда заметил слезы на глазах дочери. Вытирая эти слезы, ругал себя на чем свет стоит. Господи, до чего она легонькая, словно кукла. А старое пальтишко до того короткое... Назиру стало не по себе, он расстегнул пуговицы своего пальто – не хватало воздуха, как будто его кто-то душил. Он вдруг заметил взгляд Лейлы, но, столкнувшись со взглядом отца, она быстро опустила глазки. Она тяжело вздохнула, как взрослый человек. Чистый детский взгляд глубоко проник в сердце Назира, вдруг устыдившегося, страдающего. Он готов был убеждать, спрятаться... От кого? От своего брошенного ребенка?! Еще раз?! Как же ему обрадовать ее, осчастливить, чтобы она радовалась. Она, видать, и

не узнала его как отца. Может, Лейла действительно не узнает его? Нет, ее взгляд говорит об обратном – она все понимает. Это я большой дурак, неотесанный ишак... Как я мог столько времени не видеть их, не скучать по ним? Как я мог?!

Назир, растерянный, не знал, с чего начать разговор, не находил ни одного ласкового слова. А она, как раньше, не обняла своего отца. Не улыбнулась, глядя ему в глаза.

– Лейла, ты соскучилась по папе? – только и нашелся, что спросить Назир, и вдруг внутри него словно огнем полыхнуло. «Какие дурости я болтаю... Хоть бы был приличным отцом...» Он попытался заглянуть в ее глаза, но она упрямо отводила взгляд. И ни слова ни сказала.

Когда Назир увидел, как Алим играет с мальчиком своего возраста, он почему-то почувствовал удовлетворение.

– Папа! – радостно закричал он, увидев своего отца. Сделав ему навстречу два-три шага, застеснявшись, остановился. Словно ударили по крыльям птички, которая собиралась взлететь.

– У тебя же нет папы! – сказал мальчик, игравший с Алимом. – И почему он не принес машину, о которой ты говорил, а?

Назир почувствовал себя, словно был застигнут во время воровства. Опять сжалось сердце. «Дебил я, козел, не додумался даже игрушку купить...» Он весь взмок.

Откуда-то появилась красиво одетая молодая девушка.

– Вы пришли за Алимом? – спросила она.

Назир утвердительно кивнул головой.

– Добрый вечер! – послышался за спиной Назира мужской голос. Когда он обернулся на этот голос, друг Алима уже висел на шее отца.

– Папа, ты принес конфеты? – Мальчик вытащил из кармана отца конфеты. – Ты пока собирай мои вещи, а я дам Алиму этих сладостей. Каждый вечер, когда он остается один, Алим всегда плачет. А сегодня тебя папа заберет, да? – радовался мальчик, протягивая Алиму конфеты.

Алим взял угощение и, глядя на отца, застеснялся. Назир торопливо одел сына, дочь взял на руки и вышел на улицу. Уже вечерело, поэтому падающий белый снег казался сказочно голубым.

– Вы ночевали в садике? – спросил Назир сына.

– Пока маму не забрала скорая, за нами в садик приходила Халимат. А сейчас она ухаживает за нашей мамой, ей очень плохо. Мы с Лейлой давно остаемся в круглосутке. – Алимчик будто поперхнулся, прокашлялся. – А ночью мы с тетей Наташей остаемся... А Лейла, пока меня не увидит, все время плачет...

Лейла, прижавшись к груди отца, молчала. А Назир так ненавидел, так кипел на себя, еще на кого-то... Как будто его сердце рвали щипцами на части. А Алим говорил и говорил о своей жизни, словно до сих пор ему запрещали. Было удивительно, что этот шестилетний ребенок так мог все видеть и понимать. «Как повзрослел мой мальчик, не по времени. Остались в круглосутке, словно сироты... А раньше как я ненавидел таких родителей, которые под разными предлогами оставляли своих детей на ночь в садике...»

Сейчас он обвинял и Нину, а тяжелые мысли мучили и терзали его. Он с детьми направился в магазин. Долго выбирали Лейле теплое пальто. Как бы показывая, что она очень довольна, девочка немножко постояла у зеркала, украдкой поглядывая на себя.

– А мне купи машинку! – сказал Алим.

Дети уже вели себя так, словно никогда не расставались с отцом. Однако Назиру почему-то казалось, что они привязаны к нему не так, как раньше. Пройдя в отдел игрушек, купил все, что понравилось детям. Алимчик и Лейла были очень довольны. Но в их глазах, показалось Назиру, оставалась грусть. Он посмотрел на них внимательно. Да, это было так. Или он сам не может избавиться от этого чувства? Да, раньше все было по-другому...

Нина – в длинном фланелевом халате – готовила на кухне ужин и старалась выглядеть веселой.

– О-го, откуда появились эти маленькие щенки? – улыбнулась на встречу вошедшим.

– Они не щенки, а мои дети, – сухо ответил Назир.

– Да ладно тебе, я же шучу, в ласкательной форме говорю. Так ведь, детки? – миролюбиво защebetала она.

Несмотря на старания Нины, дети к ней оставались холодными. Как и в садике, взгрустнули.

– Назир, приглашай детей, наверное, проголодались, – сказала она и ушла на кухню накрывать на стол.

Алим, будто ждал, когда она выйдет, спросил:

– Папа, а кто эта тетя?

В другое время отшутился бы Назир, нашел бы ответ, но сейчас он только вздохнул. На кухне настороженный взгляд ребенка сопровождал каждый шаг Нины. Назир это заметил. У Нины, хоть и старалась она казаться спокойной, на душе было тревожно.

В эту ночь не спалось Назиру – крутился на кровати, тяжело вздыхая, вставал и глядел через окно на зимнюю улицу, и дурные предчувствия никак не покидали его. Нина тоже не сомкнула глаз. До сегодняшней ночи она была убеждена, что Назир равнодушен к своей семье и детям. Летом, во время отпуска, он только на неделю съездил к матери в село, а так вот уже полгода живет у нее и она знает о каждом его шаге. Ведь каждый вечер он находился рядом с ней. Много разных мыслей одолевали женщину, но задавать вопросы не решилась: таким страдающим, таким взволнованным она его никогда не видела.

«Если Азинат выздоровеет, она заберет детей к себе. Из-за чего он так страдает? А вдруг она умрет? Ведь он говорил, что она тяжело больна... Ничего, заберут родственники или сестра... Не останутся на улице. А если будет безвыходное положение?... Нет, чужих детей я воспитывать не стану... Это будет не жизнь, а ад. Посмотрим. Ведь сестра Азинат детей в руках у мачехи не оставит, я это сумею повернуть в нужное русло...»

– Нина, проснулась?

Смотрит... Назир. Она ужаснулась своих мыслей, вздрогнула, как будто он мог услышать их. Как похудел он всего за одну ночь, как постарел! Всегда мягкий, улыбающийся, забавляющий шутками, ее возлюбленный так изменился! Скрывая тревогу, она торопливо поднялась.

– Нина, сегодня ночью я много думал. Ненадолго вздремнул и видел очень плохой сон... Как бы Азинат не умерла... Я просто места себе не нахожу... Не обижайся, а если и обидишься... Я уйду к себе домой.

– А ее сестра?

Он гневно посмотрел на Нину.

– Ее сестра очень хороший человек, а ей-то всего девятнадцать лет. Сколько проблем, сколько испытаний выпало на ее долю по моей вине. А теперь, хотя бы перед своими детьми, я должен искупить свою вину. Я плохой человек, Нина. Ничего не говори и не ищи меня. Этой ночью я стал совсем другим человеком – к счастью ли, к несчастью... но другим.

Назир сам собрал свои вещи. А Нина понимала, что сейчас ему ничего нельзя говорить. И ничем его не остановишь – женщина поняла и это. Она как будто сейчас стала понимать, что эти маленькие дети отнимают ее счастье. А разве он сам думал о своих детях? Нет, Нина ни в чем не виновата. Выбор остается за ним. С этими мыслями стояла она и глядела как Назир одевает своих сонных детей.

– Сегодня же воскресенье! – вспомнила вдруг, пытаюсь хоть как-то остановить возлюбленного.

– Дело не в этом, Нина. Я уйду совсем, к себе домой, – сказал Назир, подняв на нее тяжелый взгляд. – Я буду жить со своими детьми. Как они доверчиво прижимались сегодня ночью ко мне... как мне было стыдно и больно... При живом отце они достаточно побыли сиротами... – У него словно перехватило горло, больше он ничего не смог добавить.

Одев детей, вышел из квартиры. Даже не взглянул в переполненные слезами глаза Нины. Ушел, не оглянувшись.

Назир вызвал из села мать и сестру – они следили за домом, ухаживали за детьми, а сестра изредка навещала бывшую сноху в больнице. А когда Азинат попросила привести детей к ней, Назир сам пошел с ними в больницу.

Халимат возилась с капельницей.

До чего же отошала и побледнела Азинат! А руки такие тонкие, как у ребенка. Глубоко запавшие глаза смотрели грустно-грустно. Горячий ком обжег горло Назира. Мать тонкими руками пыталась обнять детей, а слезы ручьями катились по ее исхудавшим щекам. Она по очереди целовала детей в глазки. А когда Алимчик заплакал, до сих пор державшаяся Халимат тоже расплакалась.

– Назир, заberi детей и уходи, сейчас ей будет плохо. Дети могут испугаться, – сказала дрожащим голосом Халимат.

Он молча выполнил эту просьбу. Но в дверях оглянулся: Азинат лежала с посиневшим лицом, а слезы будто застыли на щеках, ее будто парализовало. Потом как-то странно затрясло... Назир быстро вышел из палаты. «Как изменилась бедная Азинат, прямо кожа да кости... Бедная

ты моя, сколько страданий причинил я тебе... Откуда я знал, что все так случится. Бедная, бедная Азинат...»

Ночью он не спал – Назир жалел о многом, страдал, мучался, горел в огне покаяния. Вспоминал последний взгляд Азинат и опять переживал.

Утро было холодным. Сестра Назира спозаранку еще ушла в больницу. Какое-то плохое предчувствие мучило Назира, какая-то тревога не давала покоя. Он не находил себе места, время от времени смотрел на дорогу в ожидании сестры. А дети тихо спали, не ожидая никакой беды. Только увидев сестру, понял, какая беда его ждет...

Назир в эти дни словно онемел. Его как будто заморозили. Азинат оплакивали всем селом. А когда все разошлись по домам и через неделю Назир должен был выйти на работу, он со двора посмотрел на кладбище, где могила Азинат выделялась свежим бугорком – как укор ему на всю жизнь. Он заплакал. Погода была ясная, ни облачка в небе, как будто не было на свете никакой беды. А кругом стояла такая тишина.

Мать подошла к нему и негромко сказала:

– Назир, только не злись, я хотела поговорить с тобой... о детях.

– Ання, через две-три недели я вернусь назад и заберу детей. Сам буду их воспитывать.

– Подумай хорошо, сынок, это не так просто будет. Чтобы потом на тебя пальцем не указывали...

– Ання*, я обо всем хорошо подумал, не переживай. Достаточно глупостей я наделал в своей жизни. Хватит. И верь мне, ання, – уже мягче добавил Назир.

Он уехал в город. Сколько он пережил с тех пор, как позвонила ему Халимат. А в эти предновогодние дни невозможно зайти даже в магазин – везде украшенные елки, веселье, радость. В каждом встречном жажда к жизни, стремление к празднику, веселый взгляд. В магазинах всюю раскупают новогодние игрушки. Он никогда не чувствовал себя таким одиноким. Коллеги выражали сочувствие, но беда давила, не переставая. Назир сам не ожидал, что так воспримет смерть бывшей супруги. А дети... вот эта проблема тоже давила на него.

Сегодня народ будет праздновать Новый Год, поэтому был короткий рабочий день. Чтобы обрадовать детей, он купил кое-какие игрушки и сладости. Вошел в свой дом и положил покупки на стол. Решил ехать в село вечерним рейсом, а до отъезда еще полтора часа. Одиночество, переживания... Назир решил немного отдохнуть и прилег. И незаметно уснул...

Он увидел сон. Азинат пришла к нему, как наяву. Она смотрела на него то косо, то с мольбой, как когда болела. То весь мир покрывался туманом, а оттуда вновь появлялась Азинат. Затем, глядя на него неподвижным взглядом, тихо сказала:

– Не забудь бедных детей... Но ты уже предал их, оставь Алима и Лейлу с моей сестрой Халимат. Я доверяю своих детей сестре. Если не сде-

* А н н я – обращение к матери (банк).

лаешь по-моему... – Азинат посмотрела в сторону и усмехнулась. – Если не выполнишь мою волю... заберу детей с собой... Но здесь так тесно и темно, им будет плохо, моим бедным детям. Пожалей их, пожалей!

Последние слова она произносила, закрыв лицо руками. И эти слова звенели все громче и громче. И, наконец, это звучание превратилось в сплошной, мучительный гул...

Назир резко проснулся и посмотрел на часы – вот уже час, как уехал автобус. Сегодня ему не удастся поехать в село – это уже ясно. Он опять вспомнил Азинат, как она плача обнимала детей... В комнате было темно, а на улице слышны были радостные крики, улицы украшали разнообразные огни... «Мир, почему ты так беспощаден ко мне? Почему ты меня так жестоко наказал? Не меня – почему не пожалел этих бедных детей? Бедная Азинат, твои последние дни, по моей вине, оказались еще более тяжелыми. Бедные мои сироты... Это я должен был умереть, я! Аллах, меня ты должен был забрать, меня!» Последние слова просто оглушили его своей мощью, и он руками закрыл уши. Слишком тесно было в доме. Надев пальто, он вышел на улицу, Новый Год шел смело, освещая все и вся – поэтому надежды и мечты многих были связаны с ним. Люди верили, что именно в новогоднюю ночь в их судьбе произойдет что-то очень важное, способное повернуть жизнь к счастью...

Ночь была светлая, легкая мелодия разливалась в воздухе. Кругом было красиво, радостно, празднично. Все словно призывало наслаждаться жизнью, радоваться этой красоте... Но все это ничего не значило для Назира.

Падали большие снежинки, словно старались облегчить, обелить земные страдания. Как будто они хотели прикрыть все гадости на земле, уничтожить людской грех. Что же является самым святым, чистым и красивым на земле? Как обрести счастье, веру в хорошее? Где найти силы верить во все это? Думы, нескончаемые думы...

Со светлой шумной улицы Назир свернул на темную, затем попал на какие-то задворки. Но радостные голоса были слышны и здесь. Порой тяжело ему было слышать все это, порой безразличие ко всему овладевало им. Ни одна живая душа не встретила ему, только иногда пересекали дорогу бездомные собаки. Снежинки, падая на его разгоряченное лицо, таяли и смешивались со слезами...

Перевод с балкарского Шамиля Тетужева

Ахмат СОЗАЕВ,
народный поэт КБР и КЧР

Старые дороги

Родного края дороги старинные,
Вы, как усталые пахарей руки.
Лет отгремевших повести длинные
Мне открывают ваши излучки.

Нартов отважных сказания древние
Вы пронесли сквозь туманные дали...
Тех, кто ушел за Отчизну в сражения,
Вы, как печальные матери, ждали.

Словно клинок богатырский потрогаю,
К вам прикоснусь, вашу мудрость впитаю...
Медленно старой иду я дорогою,
Будто народную песню читаю...

Дороги старинные земли родной
Булата тверже, музыки нежнее.
По ним, как по истории самой,
Иду, смеясь, и плача вместе с нею.

Хурка ДЗУЕВА

Школьный гимн

Летят над тобой, словно птицы, года –
Стоишь в золотом ореоле.
Мы в наших сердцах сохраним навсегда
Любовь и признательность школе.

Ты с первого класса лелеяла нас,
Добры и сильны твои руки.
Учила всему, каждый день, каждый час,
Звала нас к высотам науки.

На добрые лишь наставляла дела,
На выбор достойной дороги.
Ты сотни талантов отчизне дала,
Простившись на этом пороге.

И каждую осень встречая детей,
Ты даришь им светлые дали.
Живи, процветай, жди хороших вестей,
Не зная тревог и печали!

Притев: Любимая школа, ты – общий наш дом,
Навеки сроднились с тобой!
Гордимся твоим благородным трудом
И яркой, счастливой судьбой!

Кавказ

Кавказ, Кавказ, к тебе веками
Враги со всех концов земли
Тянулись жадными руками –
Отнять свободу не смогли.

Любовь к родной земле – святая,
В ней долгих поколений связь;
В сердцах достойных обитая,
Она повергнет ложь и грязь.

Что есть надежней в нашей жизни,
Чем красота кавказских гор,
Ведь каждый камешек отчизны
Вселенский дарит нам простор!

Эльбрус – чистейшая вершина,
Реликвия большой семьи,
Не дай, чтоб сын пошел на сына,
Здесь нет чужих, мы все – твои!

Иду своей тропинкой

Иду своей тропинкой,
Без усталости иду,
То восхищусь травинкой,
То поскользнусь на льду,

С сияющей вершиной –
Эльбрус стоит, как храм.

То разбегусь равниной,
То шагом – по горам.

Чем дальше удаляюсь,
Тем ближе до небес, –
Я жизни удивляюсь,
Ведь столько в ней чудес!

Осень

Березки выстроились в ряд,
Над ними – птичий клин.
Рубины яркие горят
На пальцах у рябин.

Кружится желтая листва
Под музыку небес,
И подбирает к ней слова
Качающийся лес.

То ветер выскочит на луг,
То дождь шумит в саду...
Вершит природа вечный круг
Со временем в ладу.

Детство

Я ранней рождена весной
В краю, где горные вершины
Сияют вечной белизной.
Где плодородные долины –

В шумливой зелени садов.
Где в добром высился соседстве
Столь милый сердцу отчий кров.
На речку бегала я в детстве

Смотреть на розовый закат.
А в час предутренней прохлады
Плыл в окна сладки аромат
Акаций, росших вдоль ограды.

В большом саду цвела айва,
Я часто рядом с ней мечтала.
Мечта всегда в душе жива,
И радость выпускного бала,

И первый жизненный урок,
И все, что в людях подмечала,
Что детство нам давало впрок
С безмерной щедростью начала.

Осеннее утро

Солнце весело играет
В чистой синеве.
Побелев немного, тает
Иней на траве.

Капли золотом сверкают
Утром под окном,
Словно искры высекают
В воздухе сыром.

Играм солнечным я рада,
Травам и росе,
Наливным плодам из сада, –
Этой всей красе!

Амина ВОРОКОВА

Студентка 5-го курса Северо-Кавказского государственного института искусств. Амина – будущий искусствовед, увлекается поэзией – от античных авторов до представителей современного авангарда.

Иногда владею мыслью,
Иногда теряю нить,
Иногда сливаюсь с высью,
Иногда не воспарить,
Иногда без вдохновенья,
Иногда старанья зря,
Иногда гнетут сомненья,
Иногда – побед моря,
Иногда в волне прилива,
Иногда пугаюсь дна,
Иногда – цель объектива,
Иногда и не видна,
Иногда я пламенею,
Иногда и дыма нет,
Иногда могу и смею
Утверждать: «Да, я – поэт!»

Над утесом

Где обрывается печаль
И продолжается молчанье?
Вокруг заоблачная даль,
Дух возвышает созерцанье.

Внизу земная суета
В ущелья прячется, овраги...
Песчинкой легкой, как мечта,
Лечу, исполнившись отваги,

Сквозь тишину тревожных туч,
Встающих темными стенами.
Здесь ветер дерзок и колюч,
Здесь нет улыбок, нет стений.

Где у свободы есть предел,
Что обретешь за тем пределом?

Где быт, как роща, поредел,
Крича в пространстве онемелом?

Где, забывая все дела,
Кружу, не видная с утеса.
Расправив мягкие крыла
Фантома, а не альбатроса.

Блестит потока серебро,
Трепещут крылья, словно флаги,
Роняя за пером перо,
Как дождь сторонний капли влаги.

...Когда уйдет, что было сном,
В реальности безликой канем.
Так, в притяжении земном,
Я возвращаюсь серым камнем.

Запах горелой листвы,
Шепот осенних секунд.
В памяти склейки и швы,
Разум сомненья секут.

Меряют проспекты шаги,
Не согревает пальто,
Остановись ли, беги –
Все направленье не то.

Над перекрестками свет
Блеклых ночных фонарей.
Темный скользит силуэт
Мимо закрытых дверей.

Фатума всходит зерно,
Как инсталляция вех,
Окнам пустым все равно,
Чем озаботился век.

Шорохи смыслов и тайн
В мыслях, как листья в горсти.
С ними я всюду on-line,
Как в пресловутой Сети.

Кажется, близок ответ,
Код многозначный знаком...
Но – повернулся сюжет,
Ключ оказался замком.

Анатолий СЫТНИК

Природный зов

В небесах как-то крик чуть раздался вдали –
Это с Юга весною летят журавли,
Они клином плывут из заморских красот
И кричат о весне всем с небесных высот.

Журавли пролетают на Север родной,
Под крылом небеса с долгожданной весной.
Их Вожак прокричал, выбиваясь из сил,
Он дороги судьбы вспоминал, и как жил...

Впереди – все пути выбирать Вожаку,
Он учил журавлей, помогал кунаку...
Ему стаю вести в кучевых облаках
И доказывать мудрость и силу в делах.

Этот Мир он узнал, где в заветных местах
Он под солнцем летал, и в родных небесах.
Много видел он судеб и трудных дорог,
Как и боль всех потерь, и смертельных тревог.

Как же годы летят – пролетают гурьбой!
Также старость в болезнях даётся судьбой.
И уж смерть, что в полёте нашла Вожака:
В его сердце лишь боль, а в глазах облака...

Был тот стон Вожака, что потряс небеса,
А в ответ донеслись журавлей голоса,
И кружили, прощаясь навек с журавлём,
Горевали их души в полёте о нём...

Улетели друзья, прокричав в небесах,
Улетело потомство с тоскою в глазах.
И кричат журавли, улетаая вдали...
Долетят журавли до желанной Земли!

Есть тот Зов, что нас манит в родные места,
Где любовь, доброта и Земли красота.
Нас приветствует радостно Родина в жизни.
Мы с рождения преданы нашей Отчизне.

От редакции

Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из повести «Хроники амазонок» Фатимы Махотловой. Автору пятнадцать лет, и совсем недавно, со свойственной ей решительностью, она с успехом преодолела экзаменационные барьеры и поступила на первый курс торгово-технологического лица.

В отличие от подавляющего большинства сверстников, она использует свой компьютер не только для игры и общения на сайте одноклассников, а для реализации своих художественных замыслов в стиле фэнтэзи на сюжеты нартского эпоса, повествуя о героях отдаленных от нас во времени событий, формируя собственное миропонимание и находя адекватное ему воплощение. Она считает, что надо не ломать голову над выдумыванием несуществующих образов и сюжетов. Мифы своего народа насыщены уникальными сюжетами и героями. Достаточно лишь отнестись к ним с любовью и пониманием и суметь перенестись в их измерение.

ХРОНИКИ АМАЗОНОК

Падение первой крепости

«Она бежит по длинному и узкому коридору, где так холодно и жутко. Страх путает ее мысли, она бежит давно, очень давно, кажется, всю жизнь. Как ни странно, она не чувствует усталости, только ужас раздирает ее изнутри. Вдруг кто-нибудь увидит ее. Да что же это такое, позорнее трусливого бега для амазонки ничего нет. Но она не может выдать им то, что у нее в руках. Она чувствует: если остановится, подвергнет смертельной опасности свой секрет, который она сейчас держит под грудью... она продолжает бежать, да только от кого? Неужели нельзя остановиться, показать то, что у нее в руках? Пусть ее осудят, пусть растерзают, но она его не бросит! Вдруг... что же это, неужели дверь? Неужели она ее нашла?.. Да, это она – дверь в другую жизнь. Она даже чуть-чуть приоткрыта, но не настолько, чтобы увидеть, что за нею... на контурах двери расплывается призрачный свет. Нужно бежать, ей никто этого не говорил, но она знает... Нет времени размышлять – что ждет ее за дверью: спасение или гибель ее тайны, и это не имеет значения, все равно хуже не будет. Вот уже дверь близка.

Холодный ветер сразу обдал ее вспотевшее лицо, теперь она точно знает, что только так она спасет то, что так сильно хочет спасти. Сердце бьется так сильно, что оно сейчас разорвется... она не могла обернуться, знала – одно лишнее движение, и она потеряет равновесие. Она бежит, тянет руку, дверь поддается неохотно, но ее все-таки можно открыть настолько, сколько потребуется для того, чтобы пролез один человек...

– Что с тобой? Просыпайся!

– Помоги! Мне надо бежать... мне надо его спрятать. – В панике она схватилась за плечи будившей, трясла их...

– Куда бежать? – растерялась Акрисия. – Опять этот сон? Ну ладно, потом расскажешь, сейчас нет времени, собирайся...

Млада никогда не видела эту старуху, вредную и грозную помощницу Королевы амазонок, такой растерянной.

– Что случилось? – настойчиво спросила Млада.

– Нас застали врасплох, полкрепости в огне, за лесом у реки тебя с сестрами ждет лодка, сейчас же направляйся туда... вас встретит ваша мать...

– А как мы ее узнаем? – Млада невольно улыбнулась, ей предстояла первая встреча с матерью. Эта радость вытеснила в ее душе горечь первого проигрыша в битве.

Лицо у старухи стало каменным, морщинки распрямились, но она тут же скрыла свое недовольство. У амазонок не принято знать своих матерей, а этой сделали исключение (в силу ее происхождения).

– Лучше расскажи, что это за сон.

На глаза девочки навернулись слезы.

– Да, как и остальные, он был черно-белым, но в тумане... это не будущее, то, что я видела, уже было...

– Ну ладно, сейчас это не так важно... Стой! Кира знает про твои эээ... странности?

Млада ответила не сразу, ее отвлек крик за окном, во дворе... Старуха повернула ее голову к себе.

– Нет, она же потом отвернется от меня, – с горечью в голосе ответила Млада, – никто не любит тех, кто видит и знает больше остальных. Даже ты до сих пор не привыкла к моему дару, точнее сказать, к проклятью. Я ни на кого...

Она не закончила предложения, слезы сдавливали горло. Рука старой амазонки потянулась к девочке, умной не по годам, но она тут же одернула ее. Она не могла позволить себе такую слабость, прежде всего она амазонка, а затем уже любящая опекуница.

– А жаль, что ты так думаешь, поделись с ней своим секретом, уверена, ей тоже есть что тебе сказать... всем есть, что тебе рассказать...

Млада вскинула на нее свои удивленные глаза.

Но старуха не успела договорить, раздался стук, от которого дверь из чистого железа едва не разлетелась на куски, как стекло.

– Акрисия! – в комнату наследницы вбежала девушка с платиновым браслетом на правой руке, можно было предположить, что она обычная рядовая. – Враги пробили защиту, они направляются сюда.

– Как вы это допустили! – глаза старухи вспыхнули яростью, если можно было бы убить взглядом, то собеседница упала бы замертво.

У Млады скрутило в желудке. Она подошла к окну, чтобы отдышаться, и в этот момент замерла, заметив какое-то движение на западе, а именно: на стене между двумя небольшими башнями происходило сражение. Бой был яростный, ей никогда не приходилось участвовать и наблюдать за

такими сражениями, где бьются насмерть и от победы амазонки зависят жизни людей. Как всегда, ее считали слишком маленькой (но это была обычная отговорка, на самом же деле они не хотели подвергать опасности дочь королевы).

Тело храброй амазонки было покрыто кожаными доспехами, голову защищал такой же шлем, только с золотым орнаментом. Все равно под этими тяжелыми доспехами угадывалась стройная фигурка молоденькой девушки. Воин, с которым она сражалась, казался таким свирепым, что на его фоне воинственная дева была не совсем к месту. У странного существа было сухое мятое лицо с глазами красного цвета и большая безобразная пасть с мелкими и острыми, как у хорька, зубами. А во всем остальном это существо было подобно человеку, если не считать чешуи на руках – крепкой, как панцирь. Мозг Млады лихорадочно заработал, что-то очень знакомое и родное было в движениях этой девушки, она быстро подбежала к дубовому столу за дальномером. Но, черт возьми, выдвижной ящик заперт. Ну кто же ее просил запираить ящик, кому были интересны вещи, которые она там прятала? Времени на поиски ключей не было. Млада размышляла недолго. Она ухватила за столешницу и коленом ударила по ящичку. Раздался грохот, Акрисия вскочила и стала требовать объяснений, но сейчас не до нее. Млада поднесла прибор к глазам и через толстые стекла стала разглядывать гибкую амазонку. Лица не было видно, только темно-русые волосы развевались на ветру и, казалось, повторяли все движения за своей хозяйкой. В обеих руках девушка держала оружие, левой руки не было видно, а жаль, именно по ней она смогла бы понять, кто перед ней: знатная кровь или простая амазонка. Как она молила, чтобы этой отчаянной воительницей оказалась кто угодно, только не Кира, любимая сестра и единственная, кто защищает ее права. Млада была близка к тому, чтобы сойти с ума. Движения, которые выполняла девушка, были очень быстрыми... Вдруг Млада вскрикнула: «Вон!» Блеснул золотой браслет с алмазами, которые могли носить амазонки так называемых «голубых» кровей. Сомнений не оставалось, первой амазонкой, рискнувшей сразиться с монстром неизвестного происхождения, была Кира. Млада кинулась к своему шкафу и достала свое лучшее копье, обрамленное слоновой костью. Эксклюзив, так сказать. К тому времени, как она «галопом» достигала стены, бой между ее сестрой и монстром был в самом разгаре. Кира занесла копье и резко шагнула к врагу, но тот легко отразил ее атаку. Враг слишком массивен и силен, и только глупая в поединке с ним может полагаться на грубую силу, главным ее оружием были ловкость и умение быстро просчитывать варианты всех уместных действий. Млада успокоилась, она стала разглядывать с башни, высотой в один этаж, уязвимые места. Все тело монстра было в доспехах, ни одного незащищенного места. Но вот монстр повернулся, и она разглядела волосатый просвет в области шеи, только это место оставалось не прикрытым. Времени думать не было. Одну из ее любимых сестер в ближайшее время могли свернуть в рулетик. И Млада с истошным ором прыгнула с башенки прямо на спину чудовищу и ухватила руками за его торс, и в этот момент Кира всадила ему в шею свое копье. Монстр

издал непонятный звук, похожий на вой древесного барса, который был услышан во всей деревне. Все побросали оружие и попытались заткнуть уши, сделать все, только бы не слышать этого проклятого воя, который унес жизни нескольких всадников из боевого отряда.

Кира проворно прыгнула на Младу, повалила ее на землю и прикрыла своей королевской персоной. К счастью, они оказались от него в «мертвой» зоне, их лишь слегка затеребило.

Вдохновленные победой двух сестер амазонки снова бросились в бой. Теперь они знали уязвимое место противника и целились только в него. Но силы были не равными, на одну амазонку приходилось по три монстра. И по приказу Акрисии, все оставшиеся в живых укрылись в непроходимых Амазонских лесах, захватив с собой все свое имущество. Этот день был последним для крепости, где содержались молоденькие амазонки. Это был немалый урон для величайшей империи воинственных дев, для пристанища, где женщины впервые получали свободу и право слова и выбора. Крепость рушилась на глазах, все было в огне. Превратился в прах замок первой жрицы амазонок Августы. Как сулило пророчество ее: «... и рухнет страна непокорных, в ту пору, когда осознают свои дары жрицы». И, скорее всего, это было всего лишь начало грозного предзнаменования.

Вынуждены были покинуть свой дом и наследницы престола: восемнадцатилетняя Кира, шестнадцатилетние близняшки Лия и Пелагея и четырнадцатилетняя Млада.

– Сестра! Бежим к лодке! Скорее! – кричала через дворцовую залу Кира.

– Нет, без своих вещей я никуда не пойду. Надо забрать все...

– Глупая! Всего не заберешь, лучше положи основное оружие в кожаный мешок и немного драгоценностей, чтобы прокормиться на первых порах. Прихвати шкуры, лучше черные. Барсовая шерсть...

– Да не ругайся ты....

– ...мы кое-что забыли! наших «древесничков» нужно освободить, без них мы точно никуда не доберемся. Иди ты за ними, а я все нужное уложу в мешок. Иди быстрее, только, прошу тебя, не показывайся никому на глаза, никто не знает, что мы здесь.

– Хорошо, я мигом!

Кира осталась в зале одна, так, во всяком случае, могло показаться нам, но только не ей.

– Эй, ты! Выходи сюда! – голос амазонки грохотал по всей зале. – Или ты такой трус, что можешь только следить из-за колонн?

Она была уже готова метнуть копьё в затаившегося, как казалось ей, монстра, но послышался человеческий голос:

– Меня еще никто не называл трусом!

Она резко обернулась на этот голос. Перед ней стоял немного потрёпанный, но красивый и хорошо сложенный парень лет восемнадцати-девятнадцати...

– Значит, я первая и, поверь мне, не последняя, – откликнулась она на его слова. Она не уважала рабов, так как они не смогли отстоять свою свободу и честь, и до сих пор они выполняют любые их прихоти. У каждой уважающей себя амазонки должно было быть минимум два раба. А у воительниц первого разряда было и по пять рабов. Естественно, они обитали за пределами крепостей в близлежащих деревушках.

И у каждого было свое предназначение. Первого своего раба амазонка должна была поймать лично, а остальных можно было и купить.

Цена их зависела от возраста и от комплекции, но не от их происхождения: будь это принц или обычный крестьянин – не имело значения. Особый спрос имели бойцы, но их всего лишь один-два, не больше. Не так-то легко одолеть мужчин такой закалки, которые предпочитают умереть, чем опозоренным уходить с поля битвы. Но нельзя не заметить, что эти же ранее названные герои были частыми гостями в доме свиданий.

– Не груби мне, амазонка! Я не твой раб и никогда не буду, скорее всего, это ты за мной пойдешь.

Кира ошарашено стояла, ей каждый раз было неприятно слушать о слабачках-амазонках, которые предпочли смерти жизнь в рабстве.

– Понятно тебе?! – и он быстро поднял свои глаза на амазонку.

Он понял, что совершил большую ошибку. Он оскорбил деву, превосходившую силой троих мужчин. В обычной схватке силы у них были бы равны, а теперь ему предстоит сражаться с разгневанной девушкой. Но он не будет просить прощения, он – будущий король Северян – Конон! А короли не сдаются! Дикарка приняла его за простолюдина, и она за это ответит. Наконец-то появился серьезный враг.

Конон с криком, который можно было бы принять за рычание, выхватил из-за спинных ремней свой меч. Отвлекая ее разговорами, он тихо передвигался, пытался зайти со спины. В этот момент послышался ужасный рев, видимо убили еще одного уroda. Воспользовавшись моментом, она сделала поспешное и от этого технически не совсем правильное сальто через себя и оказалась у кожаной сумки с оружием. Быстрым движением руки Кира схватила свой меч, поражавший красотой: рукоять длиною в две ладони, чуть схожая с рапирой, но шире; меч был древний, ювелирной работы рукоять, на которой сияли драгоценные камни...

Страшный смертоносный рев прекратился, и уже через секунду мечи двух наследников скрестились в бою.

– Привет, мои милые! – вкрадчивым голосом Млада приветствовала двух древесных барсов, их с сестрой любимчиков. Они приручили барсов четыре года назад. Это были необычайно выносливые и красивые животные, преданные своим хозяевам, но очень опасные для чужих, все-таки хищники.

Только с воображением Киры их можно было бы назвать «древясничками». Эти животные были истинными спутниками двух амазонок – они не проявляли лишних чувств, а точнее, инстинктов, не свойственных воинам.

Младе пришлось быстро пригнуться, так как в сантиметре от ее головы пролетел сокол невероятных размеров.

– Ничего себе! Аарон! Что ты здесь делаешь, славный мой?

Это был сокол Лии. Странно, что он здесь делает? Почему он не с Лией? Куда бы она ни пошла, он всегда летел за ней. Так он был обучен – все время следовать за хозяйкой и защищать ее от стрел и от копья. Странно.

– Интересно, а мелких животных отпустили?

Она подошла к клеткам, где содержалась мелкая живность, и выпустила их на свободу.

– Почему они не пришли за питомцами, может, с сестрами что-нибудь случилось? Нет, не может быть! Ну ладно, нужно идти!

В ответ на ее голос барсы заурчали. Такой нежности с их стороны Млада не ожидала.

Она быстро накинула на них сбрую, золотую – на «скакуна» Киры – Селену, а серебряную – на своего Ахилла. Этот самец был достоин своего имени – он и вправду настоящий герой! Она взяла барсов за загривки, – а сокол удачно приземлился ей на плечо, – и вместе со всем этим зоопарком направилась обратно в основную церемониальную залу. Да, еще нужно сказать, что все черные шкуры разобрали. Нужно будет взять белые, но они и так в зале.

Сражение уже кончилось. И она с болью наблюдала за тем, как грабят ее крепость, как разрушают башни, которые строились десятилетиями. Как забирают или убивают рабов, которых они добывали с немалым трудом и к которым со временем привыкли. Как оскверняют школу, где ее сестры по десять лет обучались боевому искусству, а она только шесть лет, – и нельзя из них прикончить ни одного, чтобы не выдавать себя с сестрой. Если кого-то убить, то крик умирающего монстра будет услышан и сюда сбегут все монстры со всей округи.

Не доходя примерно пяти шагов до двери в зал, Млада услышала звуки яростной борьбы и, вместе с животными, ввалилась внутрь. Ах, паленая шерсть! Стоило ей отлучиться на пять минут, как Кира ввязалась за очередную разборку. Как же эти два человека глупы: нет, чтобы перебить монстров, а они дерутся между собой!

Видимо, они начали свою драку недавно, но у обоих такой вид, как будто их использовали на скачках вместо коней. Млада впервые видела сестру в состоянии азарта во время битвы, а она все время наблюдала за сражениями старшей сестры. Обычно она жестко, но точно разит врагов. «Впервые вижу человека, продержавшегося в бою с Кирой больше трех минут, по обычаю, она уже должна была читать ему словесную триаду или потихоньку шинковать его одежду своим мечом. А сейчас побеждать никто и не собирается. Нет больше времени! В любую минуту могут прийти сюда за золотом эти зубастые твари. Так... убивать его не буду. На счет «три» беру вон ту булаву и...» – удивляясь своей сообразительности, она на корточках прокралась к мешку за булавой, можно было бы и просто подойти. Эти двое так увлечены битвой, что подойди к ним в упор – никто бы не заметил. «Раз, два, – начала отсчет Млада, – ТРИ!» – и со всего размаху треснула булавой по голове противника своей сестры.

Секунду спустя Кира услышала звук, похожий на тот, когда тяжелым предметом бьют по чему-то пустому... Обмякшее тело противника рухнуло, и вдруг показалась ее сестра, державшая булаву, которая была больше ее самой. Казалось, если она выпадет из ее рук, с ней случится то же самое, что и с этим парнем... Впервые в жизни Кира была так счастлива видеть свою сестренку. Но, как и любая амазонка, она не показала своих чувств.

– Я и сама бы справилась, не нужно лезть в разборки старших, – резко, как бы с затаенной обидой произнесла она.

– ?????? – негодованию Млады не было конца. – Я спасла твою королевскую персону! А ты... и вообще, какая из тебя взрослая, восемнадцать лет, а уже считаешь себя королевой всего мира...

Кира вытянула руки вперед.

– Все-все, хватит! Сейчас у нас другие проблемы: нужно связать этого парня, пока он не очнулся.

Млада подошла к молодому человеку и стала его внимательно рассматривать. Что-то он на раба не тянул, тогда кто же он? Возле молодого человека лежал меч, красота его завораживала. Млада подняла меч и стала внимательно рассматривать его. И вдруг ее глазам предстала ясная картина: как этот юноша сидит за столом, уставленным всевозможной едой, и обсуждает что-то с человеком лет пятидесяти, явно знатного происхождения. Его лицо показалось ей до боли знакомым.

И тут видение прервалось, но она все еще стояла, обездвиженная, и пыталась вспомнить этого человека.

Тем временем Кира собирала в мешок оружие.

– Млада, ты его связала? А? Ты меня слышишь?

Она подошла к сестре. Та стояла, изумленная, и пялилась на меч. Кира провела ладонью перед ее глазами: «Эй, что с тобой?».

– М-м, вот посмотри на этот меч, видишь, на нем королевский герб, он такой же, как и на твоём сундучке.

– Ну да, а я даже не заметила. Ну, тогда ясно, он стырил это у нас!

– Нет-нет, ты еще посмотри...

Она замолчала и посмотрела на сестру изучающе, как будто думала, стоит говорить ей или нет.

– Мне долго еще надо смотреть на этот меч? Может быть, ты думаешь, что из рукояти вытечет вино?

– О! Почему ты такая легкомысленная? У тебя в голове только одни сражения! Больше ни на какие темы размышлять не способна.

– Да что ты говоришь! А у тебя на уме одни тупые летописи! Тебе всего лишь четырнадцать лет, а ты умнее всех нас троих!

– Что?!!

Они грызлись бы еще долго, но тут их отвлек какой-то шум, точнее, стон.

– Тебе это не понравится, но он очнулся! Быстро неси веревки...

Незнакомец чуть-чуть приоткрыл глаза, но явно ничего не видел, точнее, не мог понять, что с ним такое.

Сестры связали его, запихали в рот кляп, используя для этого ткань, обтягивавшую его же ноги.

– Может, все же поменяем на чистую тряпку, а то как бы он не отравится от запаха? – с укором посмотрела на сестру Млада.

– Ага! Только тронь его. Не надо было поднимать меч на Наследницу четырех амазонских крепостей!

– Мне кажется, в твоем голосе снова появились нотки мании величия. Тебе что, при очередной битве уши повредили? Ты слышала, что сказала Акрисия: с этого дня мы – обычные люди, живем только для себя и зарабатываем себе на жизнь! И все это будет продолжаться до тех пор, пока ты не найдешь в себе силы возродить эту крепость, – повторила она, подняв палец кверху.

– Ой, да слышала я! И еще про то, что нас не впустят в остальные крепости, так как мы опозорены на всю жизнь. Глупости все это! Не впустят – сдохнут!

– Но...

– Все, хватит! Не видишь, этот очнулся!

– Может, дадим ему проглотить снадобье?

– Какое? – Кира чувствовала себя полной дурой. Надо же, узнавать что-то от младшей сестры! Но выбора не оставалось.

– Это – травы с берегов Леты. Это единственное растение, которое там приживается... Не помню названия...

– Откуда оно у тебя? – Кира серьезно посмотрела на младшую сестру, вот что она все это время втихомолку проворачивала с купцами из разных стран. – Ну ладно, давай сюда свое снотворное.

– Это не снотворное! – оскорбилась Млада.

Они вынули ткань изо рта пленника, не вполне осознающего, что с ним происходит, и заставили проглотить снадобье.

– Только предупреждаю, когда он проснется, он будет в легкой эйфории...

Кира застонала:

– Когда ты научишься думать? Теперь он целых два дня будет нам обузой...

Сетовавшую Киру отвлекло рычание Селены: она почуяла опасность. И Аарон, повертев головой, сорвался и куда-то улетел.

– Надо отсюда убраться!

Кира подозвала Селену и закинула ей на спину укутанную в шкуру «жертву».

– А ты возьми мешок с оружием, – сказала Младе и в последний раз с печалью осмотрела стены залы, затем нежно похлопала по спине свою любимицу и тихо прошептала ей: – Не грусти, мы сюда еще вернемся...

– Залезай. Давай быстрее! – Пелагея схватила за волосы тонушую сестру. – А то найдут твой труп и подумают, что это я!

Лия с трудом перекинула ногу через борт лодки.

– Ты что творишь, амазонка проклятая?! Почему... ты... так далеко... отошла от берега? – отплеываясь от воды, накинулась она на сестру

– Ты же прекрасно знаешь, что я... – Лия остановилась и посмотрела на Пелагею.

– Прекрасно знаю что? Что ты боишься воды? – догадалась Пелагея, с насмешкой глядя на нее.

– Что ты на меня так смотришь? В этой лодке не я одна трусиха! Ты вообще боишься высоты. По-моему, позорнее этого нет ничего!

– Да во всей Амазонии только ты и твой Аарон...

При упоминании имени ее любимого сокола у Лии покраснели глаза, и она быстро отвернулась. Да и сестра ей не стала досаждать. У нее были свои проблемы, – Пелагея сидела, обхватив руками свои колени и опустив на них голову.

Обе отрешенно думали о том, как им придется поселиться в незнакомой деревне под предводительством другой старой ведьмы. А они так привыкли каждое утро просыпаться под грубые возгласы Акриси.

Они не смогли спасти своих друзей, в том числе и сокола. Они не имеют ни малейшего представления о том, где их сестры, в какую местность они попадут, и вообще доберутся ли они туда.

Сестры даже не пытались грести, им уже было все равно, что их могут обнаружить монстры. Они просто сидели в лодке молча, а речные нимфы направляли их, куда им угодно, прочь от крепости.

В темном лесу было очень тихо. Здесь больше не пели птицы и не резвились мелкие животные. Казалось, они понимают, что произошло, и не мешают. Или это богиня лесов внушила им спокойствие.

Кира и Млада зашли в самую глубь леса. В старинной легенде говорилось, что здесь обитают волшебные существа, есть и дружелюбные, и очень опасные звери. Точно никто не знал, многие не верили в волшебство, и Кира была одной из них. И ее не волновало, что отсюда никто не возвращался. А Млада была настолько бледна, что это было видно и сквозь тьму. Как раз-таки у нее были все основания верить сверхъестественному.

– Кира, пожалуйста, давай вернемся или пойдем быстрее, мне эээ... не очень уютно...

Младу била дрожь, она бы все на свете отдала, лишь бы быть в крепости в окружении – очень хотелось бы сказать – друзей.

– Неужели ты не понимаешь, что мы не можем сделать ни того, ни другого? Тем более с таким грузом... И вообще! Ты Амазонка! О каком жалком страхе ты говоришь?

– Я хочу увидеться с мамой, где она, где Лия и Пелагея? Почему мы не с ними? – Млада уже начала истерить. – Почему ты их не ищешь? Спасла меня одну и думаешь – ты героиня? Почему ты не помогла сестрам? И вообще, куда ты меня ведешь? Мы должны были встретиться с сестрами у лодки и вместе с ними уплыть. Ты предала их!

Тем временем Кира слезла с барса и подошла к Младе. Она была в ярости.

– Куда ты меня уводишь, хочешь продать в рабство?.. – продолжала Млада – и вдруг услышала хлесткий звук. Она не сразу поняла, что ее ударили по лицу. Чуть позже она почувствовала жгучую боль. – За что? Как ты смеешь!

За первым ударом последовал второй. Млада плакала и не могла остановиться.

– Замолчи! – почти не раскрывая рта, прошипела Кира. Она была вне себя от ярости. – Еще одна такая выходка, и я насажу тебя на копье. И никто тебе не поможет. Если ты не заметила, мы здесь одни. И с нами нет Акрисии, которая тебя защитит! Ты будешь делать все, что тебе скажу! – Она сильно сжала руку сестры, еще чуть-чуть – и чьи-то кости пришлось бы сращивать заново.

– Отпусти меня! Ты мне не нужна! Оставь меня!

Чувствуя тревогу хозяйки, барс Ахилл зарычал на Киру. Селена, защищая Киру, кинулась ей под ноги.

Кира отступила на два шага.

– Ну, хорошо... лично я тебя не держу, можешь идти отсюда. Можешь идти к матери, которую ты ни разу не видела! – безразлично заявила она. – Только отдай мешок с оружием. Там все мое, а у тебя есть только копье и десять золотых монет. Надеюсь, ты сможешь протянуть на них всю свою жалкую жизнь... – очень спокойно, глядя сестре прямо в глаза, произнесла она.

Млада хотела возразить, но Кира не оставила этой возможности:

– Все! Заткнись! – терпение у нее кончилось. – Или ты идешь за мной и молчишь в тряпочку, или валишь отсюда ко всем чертям! Может быть, тебе повезет и ты найдешь маму, а может быть, тебе доставят некоторые неудобства живущие в этом лесу твари. Ну, скажем, например, гоблины...

Кира прекрасно знала страхи своей младшей сестры и пользовалась этим.

Млада оказалась перед выбором: ей было страшно остаться одной в этом лесу, но и вернуться – значило унизиться. Сестра ей нагрубила в сотый или тысячный раз. Ну уж нет! Она не будет на поводу у Киры. Она больше не имеет права приказывать! Уж лучше она останется здесь, и она вовсе не одна, с ней ее любимый Ахилл.

– Я возьму с собой больше денег, чем ты предлагаешь, – очень тихо, но уверенно сказала Млада.

У Киры от удивления отвалилась челюсть. Такого от сестры она не ожидала, но именно этого и добивалась.

– Прощай, – Кира взяла мешок с оружием и залезла на Селену. – Вот твои деньги, – она бросила мешочек к ногам Млады и пошла прочь, в темноту.

Млада испытывала противоречивые чувства. Теперь она свободна, никто больше не будет назойливо опекать ее. Но все же она предпочла бы обрести свободу за пределами этого темного, многовекового леса. Млада оглянулась вокруг себя: везде одинаковые деревья, одна лишь темнота. Единственное светлое пятно во всей округе – это ее барс.

Млада и Ахилл провели ночь под деревом, барсу было до того не по себе на сырой земле, что Млада в конце концов подстелила под себя белую шкуру и кучу сухих листьев и свернулась калачиком возле теплого бока единственного друга. Сон ее был беспокойным. Вот-вот ее должны были прикончить... видение прерывалось, и ей казалось, что она ходит по райскому саду под ручку с барсом, в женской одежде. То летописи душат ее... ну и так далее. Это место навевало странные сны. Млада показало, что она только что заснула, как ее начали теревить. А она все глубже зарывалась в шкуру, ей хотелось подольше сохранить чувство от прикосновения мягкой шерсти барса к щеке и шее.

Кто-то ворчал скрипучим голосом:

– Хм, разлеглись здесь, делать им тут нечего! А ну встала, костлявая! Еще немножко полежишь в такой позе – шею вывернешь!

Млада распахнула глаза и увидела перед собой неизвестное существо, вверх ногами, точнее, немного по диагонали... и ее жуткий вопль разнесся по лесу.

– Чего разоралась? – сказала гоблина, зажимая свои обвисшие и волосатые уши. – Это я должна орать! Это на моей территории обнаружилось неизвестное костлявое существо! – вознегодовала она, подчеркивая интонацией слова «на моей».

Млада сидела с перекошенным лицом и не знала, что делать. Она верила в существование мифических существ, но не думала, что когда-либо может встретиться с одним из них. Она посмотрела под ноги: совсем рядом лежало ее копые. Медленно потянулась к нему.

– Но-но-но! А вот этого делать не надо! Не бойся, я тебя не обижу. Видишь? Даже твой Лунный барс, божий посланник, не тронул меня, а это весьма умные животные.

«Кстати, где мой барс? – Млада про себя начинала уже паниковать. – Вдруг она что-то сделала с ним? Я ее уничтожу...»

Она взяла себя в руки и обратилась к неожиданной пришелице:

– А почему вы назвали Ахилла Лунным? (Про «божьего посланника» она вообще опустила.)

Гоблина смотрела на нее с усмешкой.

– Ну, милая, хватит с меня вопросов. Нас ждут... – Она вытерла о свои лохмотья руки с удивительно длинными и тонкими пальцами, с обуглившимися сероватыми ногтями. – Пошли, пошли...

Млада замотала головой.

– Никуда я с вами не пойду! С чего вы взяли, что я должна вам доверять? И вообще, где мой барс?

Гоблина протянула свою руку.

– Меня зовут Руфь, я – десятая из гоблин на служении у Священной Девы, так сказать, местной богини. А тебя зовут Млада, знаю. А где же твоя старшая сестра? Мне сказали, что вас должно быть две.

– Это не важно. Кто такая эта Дева, зачем мы ей нужны?

– Она – королева всех мифических существ.

– А вы, я полагаю, гоблина...

– Почти угадала. Я бронзовая гоблина. – Руфь была вся в нетерпении, она явно чего-то опасалась. – Ну так что, идешь со мной? Здесь нельзя долго находиться...

– Пойдите! – насторожилась Млада. – Откуда...

Послышался шорох.

– Мам, ты идешь? – из-за кустов выглянул юноша, в его взгляде промелькнуло любопытство.

Млада так и осталась стоять с широко открытыми от удивления глазами.

– Пелагея! Проснись! – Лия пыталась разбудить сестру, но безрезультатно. Та всегда чувствовала себя на воде в безопасности, и сон ее был крепкий. – Сестра проснись! Нас сейчас снесет! – кричала она ей в ухо. – Течение слишком быстрое! А-а-а-а!

С каждой секундой в лодке все больше воды, скоро они пойдут на дно.

– Лия! Бери весло. Греби что есть силы! Встань на одно колено, второй ногой упирайся! – услышала наконец звонкий голос проснувшейся сестры.

Лия беспрекословно выполняла все указания Пелагеи. В этом деле она была намного опытней ее.

Пошел ливень. Дальше плыть не было никакой возможности – лодку переворачивало.

– Пелагея! Там дальше водопад!

– Откуда ты знаешь?

– Я была здесь раньше! Здесь есть водопад. Я думала, мы его достигнем только через сутки!

Лия была в панике: водопад, к которому они сейчас приближаются, очень большой, а внизу, скорее всего, очень много острых скал.

Пелагея выбросила за борт весла.

– Они нам больше не понадобятся! – кричала она, стараясь перебить шум ливня. Протянула Лии кожаный мешок, напоминающий рюкзак. – Скорее накинь на плечи...

– Что? Зачем?

– Нет времени...

Вдруг лодка с разгона ударилась о торчащий из воды камень. Пелагея вывалилась за борт.

– Пелагея!

Все было в тумане, Лия не могла ничего рассмотреть. И вдруг она услышала звук, который ни с чем не спутаешь: это был звук воды, падающей с очень большой высоты...

Лия медленно повернула голову в сторону грозного шума, она поняла, что этого не избежать. Медленно, уже не надеясь вновь их открыть, закрыла глаза. Последовал сильный удар... ее обожгло болью... на несколько секунд она потеряла сознание...

СЕРАФИМ

Рассказ

*Посвящаю моему другу
казачьему полковнику Савченко Ф. О.*

Есть у нас в Киргизии на трассе Бишкек–Ош одно маленькое уютное кафе «У дороги». Расположено оно недалеко от села Александровка, где компактно проживают дунгане. Они еще в позапрошлом веке переселились из Китая. Кухня дунган во многом схожа с китайской, но мясные блюда готовятся в основном из баранины, что придает особую пикантность и неповторимый вкус. Вот и облюбовали семиреченские казаки это кафе для посиделок, домашних праздников, да и при возможности старались заехать, чтобы вкусно покушать. Так и сегодня, возвращаясь со строевого смотря казаков станицы Молдовановская, офицеры Атаманского правления Союза казаков Семиречья Киргизии завернули в это кафе поужинать. Хозяин заведения, Шарип Исмаев, завидя казаков, пригласил в отдельный зал и сам, в знак уважения, стал обслуживать.

– Сегодня мы приготовили новое блюдо, впервые в меню, рекомендую.

Естественно, желающих снять пробу оказалось предостаточно. После того, как заказ был выполнен, казаки, помолвившись, приступили к трапезе. Блюдо было отменным, только несмотря на то что мы здесь, в Средней Азии, привычные к острой пище, было оно для нас слишком острым. Во рту горело так, что буквально каждую ложку пищи приходилось запивать горячим чаем. Шарип, посмеиваясь, пояснил, что особую остроту блюду придает перец, который из-за его необыкновенной жгучей горечи приходится выращивать на отдельных делянках. Да вы видели этот перец, его часто выращивают в цветочных горшочках на подоконниках, маленькие плоды такие, как женский ноготок. Один из казаков, выпив очередную пиалу чая, пытаясь этим хоть как-то уменьшить жжение во рту, разгладил окладистую бороду, расстегнув еще одну пуговицу на кителе, предложил:

– А хотите, я вам расскажу историю, как вот такой перец спас целую улицу от супостата Серафима?

Времени у нас было достаточно, тем более у всех во рту горел синем пламенем пожар от перца, и мы, заливая его чаем, приготовились слушать эту историю.

Мне тогда лет шесть было. Отца в начале лета перевели по службе в таежное село Ельцовка Целинного района Алтайского края. Село было довольно большое, расположенное по обоим берегам реки Чумыш, притока Оби. Раньше оно называлось Яминское. А «ямой» прозывалась станция между селами, где меняли почтовых лошадей казаки, гоняя почту по всей матушке-Сибири.

Поселили нашу семью в бывшей конторе лесничества, а новую по-

ставили недалече, наискосок от прежней, на соседней главной улице. Дом нам достался просторный, с высокими потолками, большими и светлыми комнатами. Но для меня самым интересным был двор бывшего лесничества. Завален он был лесом-топляком, пнями, какими-то ржавыми механизмами, старыми кузовами от грузовиков. Чуть поодаль от высокого крыльца обширной веранды стояла крытая привязь с кормушками для сена, соли-лизунца и корытом для овса. На заднем дворе располагалась конюшня на полдюжины лошадей, сеновал и амбар для упряжи со складом. К вечеру на теперь уже наш двор стали подходить соседи знакомиться. Кто ведро картошки с собой захватил, кто ведро молочка парного, а казаки все больше с живностью – кто поросенка, кто в мешке пяток куриц с петухом, а старенький дедушка молоденькую лайку привел на ошейнике и с цепью. Двор охранять, стало быть. Словом, гостеприимно встретили нас казаки. Утром проснулись, дверь на улицу открыть не можем – оказалось, соседский хряк на солнышке на нашем крыльце под дверью греется. Нужно сказать, что заборами тогда никто не огораживался. Так, вокруг усадьбы только прясла в три жердины, чтобы коровы ночью не разбредались. Днем-то их за рекой в зарослях черемухи пасли, трава на заливных лугах, почитай, выше человеческого роста, коров не видно, только ботала побрякивают.

Мама моя, Царствие ей Небесное, очень цветы любила. У нас и на прежней усадьбе весь двор цветами был украшен, но это было там, в Кулундинской степи, а здесь, в таежном селе, разводить у дома цветы считалось блажью и прихотью. На домашнем сходе было решено – быть на следующий год большому цветнику и здесь, на новой усадьбе. И вот по весне, как только сошел снег и подтаяло, мы всей семьей выгребали мусор, убирали пни и дрова, ставили штакетник, перекапывали и удобряли утрамбованную землю двора. К началу лета приусадебный участок преобразился. Отец сделал беседку, разметил огромную клумбу. На столбиках разместили цветочные вазы. А мама посадила цветы. Георгины, тюльпаны, лилии, ромашки, душистый табак и еще много-много разных, никогда не виданных здесь растений. И когда вся эта красота зацвела – весь край приходил полюбоваться.

Через дорогу от нас стоял домик бабки Агафьи. Жила она одна – дети давно разъехались по всей России, приглашали и ее переехать к ним, да куда уж там. Человек, как дерево, прирастает корнями к своему дому, земле, где вырос, а под старость и вовсе трудно с места стронуться. Вот и доживала бабка Агафья свой век одна. Правда, еще в силе была, держала коровенку комолую и парочку козочек с козлом Серафимом. Козочки были ничего себе, смиренные и не блудливые. Ну а с Серафимом хлебнул я горя немало. Родители, поутру управившись, уходили на службу, брат постарше меня – в школу. На хозяйстве оставался я, дошкольник, да трехлетняя сестренка. Наказ родительский был такой: далеко от дома не отходить, да сестренку доглядывать. Все было бы хорошо, да козел этот треклятый все портил. Видно, раньше, когда штакетника не было, он в лесничестве и жил, и столовался: сено постоянно было в кормушках у лошадей, овес в корыте, соли и воды всегда вдосталь. Никто Серафима не

обижал, роста он был отменного, с теленка, рога крепкие, возраст зрелый, а характер – наглый и самостоятельный. Как только взрослые уходили из дома, козел, вышибая пару штaketин, как к себе домой заходил в наш двор. Стоило мне чуть зазеваться – он уже пасется либо в огороде, либо на клумбах цветы объедает.

У бабки Агафьи на навозной куче был парник под огурцы устроен. Соседские пацаны как-то налет на них решили устроить. Меня тоже приглашали, но куда мне с маленькой сестренкой-то. Ну, они и обнесли бабкин парник-то огуречный. А бабка возьми да и появиись не вовремя. Всех как ветром сдуло, а я один с сестренкой на улице торчал, рот разинув. Вот бабка Агафья меня за эти самые огурцы и отхлестала крапивой, думая, что это моя пакость на ее грядках. Так что жаловаться мне на ее козла было заказано. А тут в это утро я заигрался в комнате в новые машинки, когда верная лайка уже охрипла от гавканья на эту вражину, я вспомнил про огород и цветник. Целое утро счастливый Серафим пасса безнаказанно на нашем дворе, да не только сам, две его подружки-козочки тоже. Первым увидел, что осталось от моего ротозейства батя, снял он с себя ремень, а с меня – штаны. Короче, процесс воспитания был хотя и коротким, но весьма бурным. Выскочил я на улицу, реветь перед пацанами стыдно, стою, носом хлюпаю, сестренка рядом со мной ревет, меня ей жалко.

На наших бревнах у дома сидит дядя Семен Бельский. Знатный промысловик-таежник, из казаков-староверов. Принес он в лесничество волчьи шкуры сдавать, а тут обеденный перерыв. Оно бы ничего, но, видать, охотничьи припасы у него кончались, а купить их можно только было, если сдать пушнину. А какая охота летом, только волка и можно промышлять, вот он и дождался, когда приемщик с обеда заявится. Завидев меня, махнул рукой, подойди мол.

– Что, паря, досталось? Слышал я, как тебя уму-разуму учили. Терпи, казак, атаманом будешь. А Серафим этот и у меня надесь шкоду учинил: капустную грядку подчистую изничтожил. Так что мы с тобой оба как есть пострадавшие. Слышь че, как козел к тебе снова пожалует, ты его не гони со двора. Подвяжи где-нибудь и меня позови. Я еще с недельку дома буду, крышу починить надо.

А Серафима бабка Агафья тоже наказала, стала его привязывать на веревку на большой поляне у колодца. Дня два, наверное, козел исправно эту веревку жевал, пока не измочалил. Очутившись на свободе, с огрызком веревки на рогах он прямиком направился, как ни в чем не бывало, снова в наш палисадник.

Привязал я его за дверную ручку сарая и, не чуя ног, побежал звать дядьку Семена. Тот аккурат на коньке крыши сидел, дранкой вокруг трубы прореху заделывал. Ничего, слез, зашел в хату, срезал с перчины, которая росла в консервной банке на окошке, парочку малюсеньких красных перчиков. В это время рогатый разбойник, ничего не подозревая, объедал травку возле нашего сарая. Дядя Семен отломил от крушины прутик, величиной с карандашик, насадил на него перчик и вставил Серафиму в отверстие под хвостом. Вторая перчинка для верности ушла по тому же адресу и тем же самым макаром. Козла мирно вывели за калитку, а сами

сели на бревнышки посмотреть, что же будет дальше. Супостат несколько раз проблеял, потряс для порядка бородой и побрел к луже попить водичку. За ворота с ведрами на коромысле вышла к колодцу по воду бабка Агафья. За ней увязался козел. Но на полпути к колодцу с Серафимом начали твориться чудеса. Сначала он начал быстро-быстро перебирать задними ногами, словно отбивал чечетку. При этом передние его ноги стояли на земле неподвижно. Вот так выплясывая, козел при этом еще издавал утробные звуки, совсем не похожие на обычное бляение. Бабку Агафью такое поведение козла сначала озадачило. Она, набрав ведро воды из колодца, поднесла к нему, приговаривая:

– Ты что же это утворяешь, сердешный? На, попей водички, охолонься.

Но Серафим, встав на задние ноги, с воплями, качаясь, как пьяный мужик, периодически подпрыгивая, начал выписывать кренделя на поляне. Какие только пируэты он не показывал: танцевал, кроме чечетки, разные кадрили с коленцами, катался по земле не только поперек туловища, но и вдоль, прыгал на прямых передних и задних ногах, возил по земле, таская за собой, как санки, прямые задние ноги. Но коронным его номером была езда по луже, сидя на хвосте, да так резво, что только брызги во все стороны летели.

На дурной козлийный вопль начали собираться соседи.

– Сдурел, бабка Агафья, твой козел. Видать, его клещ энцефалитный покусал: вишь, умом козлийным тронулся! Сама-то, Агафьюшка, за прясла зайди, смотри, ненароком козел полоумный саданет тебя рогами.

Бабка, бросив ведра с коромыслом у колодца, резвенько забежав за прясла, стала просить:

– Семен, Семенушка, Христом Богом прошу – застрели ты его, глянь, что с ним приключилось, не ровен час, зашибет кого, грех на душу под старость возьму за него, болезного. Убей его, проклятого, магарыч тебе за это поставлю, беленькую. Застрели его, Сема.

Пока Серафим рыл рогами землю, дядька Семен сходил за ружьем. Мне показалось, что вместе с выстрелом пришел лад да покой не только в наш двор, спокойно вздохнула вся улица, так всех достал этот козел.

– Не переживай, бабка Агафья, вот тебе новый козлик, моя коза Машка от твоего же Серафима двоих принесла, одного тебе дарю на память.

Это дядька Семен, отнеся ружье, вернулся на поляну с козленком на руках. Бабка, развязывая носовой платочек, достала оттуда денежки:

– Вот тебе на магарыч, а это еще, только увези его в тальник на речке, закопай. Мне-то не по силам, тяжел больно.

Дядя Семен, притворно вздохнув, запряг лошадь, бросил в телегу лопату, огромный чувал, загрузил убиенного Серафима и увез его к речке. Через полчаса вернулся, на телеге лежал доверху набитый мешок чудовищного размера. Как я подзреваю, со свежатинкой.

« »

Мария ЗАБРОВСКАЯ

Учится в шестом «В» классе МОУ «СОШ № 4» г. Нальчика. Активно участвует в жизни школы, увлекается аниме, любит читать книги в стиле фэнтези и научную фантастику, рисовать. Недавно принята в литературную студию «Свеча» при республиканском Центре развития творчества детей и юношества.

Люди, которых выбирает путь

Глава из повести

*Если Река Жизни течет и течет,
это не значит, что Старуха Судьба
оставила ее в покое. Чаще всего она,
неожиданно выскакивая из-за поворота,
кидает камень неизвестности.*

Т. Гр.

Это произошло одним июльским днем, когда Дева Лета размышляла: чем еще побаловать многострадальных людей, которые только-только очухались после проказ ее дорогих сестер.

Начинался жаркий июльский день, от которого многого ждали большинство людей, исключая чайников, которые наивно верили, что сегодня-завтра наступит конец света.

На горизонте показался сияющий бок Солнца, которое решило осветить Наземное Королевство, или Мир Света и Тьмы. Оно устало на протяжении четырех или пяти миллионов лет непрерывно освещать планету и вселять в стражей Света надежду, что оно не померкнет. В то время как солнце медленно, будто раздумывая поднималось все выше, природа тоже не сидела на месте. Она с жадностью губки впитывая лучи солнца, потягивалась и вставала будить обитателей Земли.

В пять ноль-ноль двадцать пятого июля, в большом загородном доме

по улице Водного дракона, номер одиннадцать, на втором этаже, в большой угловой комнате, у окна, которое было раза в два больше двери, сидела очень красивая девочка лет так трех–четырёх.

Пухленькие губы, немного вздернутый нос, глаза невероятного голубого, пронизывающего, какого в принципе не могут быть глаза, цвета; волосы были очень-светло-каштановые, длина их раза в два превышала рост самой девочки. Они были собраны в два огромных высоко посаженных хвоста, которые можно была принять за крылья. На девочке был просторный сарафан всех цветов радуги – в гармонии с цветом обоев.

Огромная, два на три метра, средневековая деревянная, покрытая лаком резная кровать на четырех резных столбах с балдахином стояла впритык к стенам в левом от двери углу и занимала почти четверть комнаты, покрывало на ней было радужным, под стать обоям и сарафану девочки. У противоположной стены стояли шкафы с книгами. Книги были не детские, а фэнтэзи, приключенческие, детективы и энциклопедии. Был еще шкаф с учебниками по математике, русскому, окружающему, и так далее. Весь пол занимал белоснежный ковер, на котором были разбросаны четыре большие подушки в радужных наволочках и одиноко высился стул. Слева от кровати стояли два шкафа с одеждой.

Девочка сидела у окна и смотрела не шурясь на поднимающееся солнце. Зрелище заворожило малышку, которой казалось, что это самое красивое, что есть на земле. Через несколько минут, когда солнце полностью встало из-за горизонта, она вернулась к тому, что делала. Перед ней на платке стоял маленький радиоприемник, с маленьким экраном и одной «крученой» кнопкой. Эту кнопку и крутила девочка, пытаясь поймать радиоволну. Слышалось потрескивание помех, затем на экране высветилось что-то непонятное и из приемника полилась песня на непонятном языке. Средневековая песня. Песня Древности. Эта песня лилась чисто, хотя приемник был старый. Девочку поразило это звучание, потому что это была первая песня в ее жизни. Ее родители почему-то выключали, прятали радиоприемники и все средства, принимающие музыкальные волны или воспроизводящие музыку, когда она входила. Она, сидя потурецки, положив на колени руки и закрыв глаза, покачивалась в такт мелодии, которая казалась ей неземной.

Песнь была очень красивой, чарующей, манящей. Девочке казалось, что эта бесконечно красивая мелодия длится вечность, но в действительности ее звучание не заняло и секунды. Когда же песнь закончилась, не ожидавшая этого девочка дернулась и, открыв глаза, вскрикнула.

Вокруг нее был голубоватый прозрачный кокон, который держал ее в воздухе. На нем было написано – «Дочь Магии». Буквы различались по цвету, и каждый цвет обозначал свою стихию: голубой – воду, зеленый – землю, красный – огонь. Оранжевый, синий... «Но фиолетовый, оранжевый и синий сюда явно не вписываются», – подумала девочка. Она не боялась, ей был не ведом страх – наученная книгами фэнтэзи сохранять самообладание и всегда мыслить здраво – на самом деле она вскрикнула от неожиданности.

– Я – маг... маг!

Этот день начался, как и все остальные дни очень жаркого лета. Шел июнь, самый любимый месяц Флоры, а любила она этот жаркий и знойный месяц потому, что только в этом месяце открывался тайный вход в подземную библиотеку. Эта подземная библиотека была самым любимым ее местом, потому что отвечала на вопрос ее происхождения, а оно было очень запутанно.

С четырех лет она нашла себя очень необычной, потому что узнала, что может повелевать четырьмя стихиями. Но кроме этого она обнаружила в себе способность не только управлять стихиями, но и разговаривать с их обитателями – не обыкновенными земными, а волшебными. В библиотеке она нашла о них все.

Например, однажды, когда Флора была во втором классе, их класс пошел в поход на несколько дней. В первую ночь она долго не могла заснуть и, думая, что это ей поможет, села и начала смотреть на огонь. Вдруг Флора услышала приглушенный хлопок, и в огне что-то появилось. Она посмотрела внимательней и ахнула.

В огне словно бы парил маленький зверек, но когда Флора, оправившись от изумления, всмотрелась в него, то удивилась еще больше: зверек был деревянным! Ростом не больше двадцати сантиметров. Большая лопухая голова сидела на маленьком узкоплечем тельце с непропорционально длинными ногами, а сам он выглядел так, будто его вырезал и покрыл лаком очень искусный мастер.

На нее смотрели два глаза совершенно круглой формы, без ресниц. Нос у зверька был маленький и почему-то зеленый, а рот – с вечной улыбкой до ушей. Вместо волос – темные волокна, похожие на усики клубники, которые лежали как челка и, завиваясь, почти доходили до глаз. Вдруг он сказал: «Как я рад видеть вас, Избранная! Для меня это очень большая честь!» – и после приглушенного хлопка исчез.

Флора уже не могла забыть этого деревянного человечка и его слова, и когда пришел июнь, сделала вылазку в подземную библиотеку. Там она узнала, что этот человечек из породы огненных «блейзеров», и называется «огначук», что в переводе означает «посол огня», а используется для управления какой-то «Огненной почтой». Живет в огне, невиден для обычных животных и людей. Флора еще много раз встречала существа семи стихий и всегда (если был июнь) бежала в библиотеку. Там она находила много интересного о них.

Так она постепенно росла, знаниями перепрыгивая все возможные пределы, но оставаясь все тем же ребенком. В ней постепенно зрела гордость – ведь она не такая, как все, она может... может почти все! Очень красивая, начитанная и не лезшая за словом в карман, она, хоть и думала, что многое или даже все понимает, не знала самого главного. Именно из-за этого все и произошло, именно для того, чтобы она поняла, осознала, что... но зачем сейчас это говорить. Все все поймут, лишь дочитав книгу до конца.

МУЗ «Городская поликлиника № 1» г. Нальчика

Муниципальное учреждение здравоохранения «Городская поликлиника № 1» – самая старая и самая большая поликлиника в г. Нальчике, располагается она в центральной части города по адресу: ул. Кешокова, 62.

Здесь обслуживаются 52 тысячи человек городского населения. Кроме того поликлиника обслуживает жителей пос. Кенже, Белая Речка, Хасанья, где проживает около 14 695 человек. Из других ЛПУ с 2004 года прикреплено 5 148 человек. Всего поликлиника № 1 обслуживает 71 тыс. чел. взрослого населения.

В состав поликлиники входят здравпункты учебных заведений: один врачебный – медицинского колледжа КБГУ, и два фельдшерские – лица автомобильного транспорта и политехнического колледжа КБГУ. Кроме того, профилактические мероприятия проводятся в филиале Белгородского университета потребкооперации, СКГИИ, музыкальном училище. По договору о сотрудничестве в поликлинике № 1 осуществляются лечебно-оздоровительные мероприятия для работников Гидрометаллургического комбината, в женской консультации обслуживаются работницы МВД и ФСБ.

Главный врач – Аулият Фуадовна Каскулова – заслуженный врач КБР, врач высшей квалификационной категории, награждена почетным знаком и включена в энциклопедию «Лучшие люди России», награждена Почетной грамотой МЗ и СР РФ. Возглавляет поликлинику с 2000 г. За это время поликлиника приобрела репутацию лучшей в городе. А. Ф. Каскулова грамотный организатор здравоохранения, много внимания уделяет укреплению материально-технической базы учреждения, оснащению его в соответствии с современными стандартами, расширился диапазон и улучшилось качество диагностических исследований. Благодаря созданным оптимальным условиям при обследовании и лечении удалось повысить и медицинскую активность населения.

*Каскулова
Аулият*

*Пшенокова
Тамара*

Заместители главного врача: Люза Хасановна Бжихатлова – зам. по лечебной работе, «Отличник здравоохранения», награждена Почетной грамотой МЗ КБАССР, Почетной грамотой МЗ и СР РФ; Тамара Мухамедовна Пшенокова – зам. по клинико-экспертной

*Бжихатлова
Люза*

работе, врач высшей квалификационной категории, награждена Почетной грамотой администрации г. Нальчика.

Поликлиника является государственным учреждением здравоохранения и осуществляет свою деятельность по лицензии органа управления здравоохранением, защищаемым в установленные сроки. Деятельность осуществляется в соответствии с законодательством РФ, КБР, Уставом и лицензией по 38 видам медицинских услуг.

В соответствии с целями и задачами поликлиника осуществляет:

– оказание квалифицированной медицинской помощи закрепленному населению в поликлинике и на дому, в выходные и праздничные дни для осуществления непрерывного лечения прием ведет дежурный врач-терапевт и работает процедурный кабинет;

– организует и проводит комплекс профилактических мероприятий, направленных на снижение заболеваемости, инвалидности и смертности населения;

– проводит все виды профилактических осмотров для предупреждения возникновения профессионально обусловленных заболеваний;

– раннее выявление заболеваний, полное клиническое обследование и разработку индивидуальных программ оздоровления;

– диспансерное наблюдение за пациентами из группы риска и больными, первичную и вторичную профилактику;

– комплексное лечение в условиях многопрофильного дневного стационара и стационара на дому;

– восстановительное лечение больных с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, нарушений мозгового кровообращения, бронхолегочных заболеваний и многих других;

– проведение противоэпидемических мероприятий, иммунизацию населения и вакцинопрофилактику для выработки коллективного иммунитета;

– проведение экспертизы временной и стойкой утраты трудоспособности, качества и количества оказываемых медицинских услуг;

– выдачу заключений на право ношения оружия, вождение автотранспортных средств, профпригодность, возможность санаторно-курортного лечения, усыновления, опекуна и т. д.;

– амбулаторное оперативное лечение отоларингологических, хирургических, офтальмологических больных;

– проведение санитарно-просветительной работы.

Задачи охраны здоровья прикрепленного населения решают 105 врачей. Из них врачей, имеющих высшую категорию – 28 человек. Один врач имеет почетное звание «Народный врач КБР», четыре – «Заслуженный врач КБР», имеется два врача, награжденных нагрудным знаком «Отличник здравоохранения», 3 врача имеют ученую степень кандидата медицинских наук. За последние 5 лет 80 врачей прошли курсы повышения деловой квалификации. Среди ветеранов поликлиники: Людмила Абас-Алиевна Урусова – врач высшей квалификационной категории, заслуженный

Урусова Людмила

врач КБР. Работает в поликлинике с 1964 г., начинала трудовую деятельность медрегистратором, а в 1974 г., окончив медицинский факультет КБГУ, вернулась в поликлинику на должность участкового врача. Затем была переведена на должность заведующей терапевтическим отделением, в которой проработала 17 лет. Позже была заместителем главного врача по лечебной работе. По сей день продолжает трудиться врачом-терапевтом. Эльвира Матвеевна Воржова, проработавшая в течение 12 лет заместителем главного врача по лечебной работе, в настоящее время – врач-психотерапевт.

Количество средних медицинских работников – 146 человек, из них 58 человек имеют высшую категорию, 28 – I категорию и 6 человек II квалификационную категорию.

Демографическая ситуация является критерием успешного решения социальных программ, в том числе предоставления качественной медицинской помощи.

Рождаемость на 1 тыс. среднегодового населения составляет 11,8.

Смертность на 1 тыс. среднегодового населения составляет 3,5.

Количество беременных, взятых на учет в ранние сроки, – 84,1 % (N 75).

Младенческая смертность 3,8.

По поликлинике № 1 наблюдается благоприятная демографическая ситуация, налицо положительный естественный прирост населения (555 человек). Количество родов увеличилось в сравнении с прошлым годом на + 9%, снизилась перинатальная смертность.

Как «театр начинается с вешалки», так работа поликлиники начинается с регистратуры. Сюда в первую очередь обращаются больные. Работники

*Регистратура
(слева направо):*

*Кушхабиева К. Ж. (сидит),
Аликаева Р. Д., Уначева О. Х.,
Безуглова Е. А. (стоят)*

регистратуры отвечают на телефонные звонки, записывают предварительно к узким специалистам, фиксируют вызовы на дом, дают справки о часах работы врачей, держат в порядке картотеку, по обращению больного передают амбулаторные карты врачам. От четкой слаженной работы регистратуры зависит настрой больного, все регистраторы внимательны, терпеливы, доброжелательны к больным. Самый давний работник регистратуры К. Ж. Кушхабиева является наставником молодых сотрудников.

В поликлинике созданы все условия для раннего выявления различных заболеваний. Поликлиника располагает диагностической базой: клиничко-диагностической лабораторией, рентгенологическим кабинетом, оснащенным маммографом; УЗИ – отделением с тремя УЗИ-аппаратами, кабинетом гисте-

роскопии, эндоскопии, спирометрии, ЭКГ-кабинетом. Внедрены новые методы диагностики за счет существенного укрепления материально-технической базы. Поликлиника располагает малодозным цифровым флюорографом, современным УЗИ-сканером, биохимическим анализатором, кольпоскопом, гистероскопом, фиброгастроскопом, ректороманоскопом, спирографом, оптонометром, маммографом и другой современной медицинской техникой.

Работают три терапевтических отделения, которые укомплектованы высокопрофессиональным персоналом. 13 врачей и 11 медсестер имеют высшую квалификационную категорию, все имеют сертификаты специалистов.

Первое терапевтическое отделение (слева направо):

1 ряд – Абазова С. А. – уч. врач-терапевт, Этезова М. К. – зав. отделением, врач-терапевт, Бесланеева Л. А. – уч. врач-терапевт; 2 ряд – Жекеева З. Б. – участковая медсестра, Бекулова Л. Х. – участковая медсестра, Бачиева С. Д. – уч. врач-терапевт, Карданова Р. Х. – участковая медсестра; 3 ряд – Урусова Л. А. – врач-терапевт, Соблирова А. А. – участковая медсестра, Ульбашева Х. Х. – участковая медсестра, Тарасова Л. Н. – уч. врач-терапевт, Кумыкова С. М. – медсестра кабинета выдачи бл/

Второе терапевтическое отделение (слева направо):

1 ряд – Иванова И. С. – уч. врач-терапевт, Жугова Л. Г. – зав. отделением, врач-терапевт, Тхагалегов А. М. – уч. врач-терапевт, Варквасова Л. А. – уч. врач-терапевт; 2 ряд – Виндугова З. В. – участковая медсестра, Казбанова Т. В. – участковая медсестра, Хусейнова З. Р. – врач-кардиолог, Мирзаканова Л. З. – участковая медсестра, Морзюкова Е. В. – уч. врач-терапевт, Сохова М. З. – уч. врач-терапевт, Кучменова А. Л. – участковая медсестра, Малкондуева С. З. – участковая медсестра, Шюгенова Л. Х. – участковая медсестра

Третье терапевтическое отделение (слева направо):

*1 ряд – Бженикова М. З. – уч. врач-терапевт, Карданова З. Р. – участковая медсестра, Болотокова Р. Ш. – уч. врач-терапевт, Хамбазарова И. И. – уч. врач-терапевт, Балалаева Н. А. – участковая медсестра, Ведерникова Н. А. – участковая медсестра;
2 ряд – Чапаева Т. О. – участковая медсестра, Хабитежева Л. Т. – уч. врач-терапевт, Балатчиева Ф. Б. – уч. врач-терапевт, Мазокова Е. В. – и. о. зав. отделением, Уянаева М. Ш. – уч. врач-терапевт, Подыман Т. А. – уч. врач-терапевт*

Кроме участковых врачей-терапевтов, прием ведется по 7 терапевтическим специальностям: кардиологии, ревматологии, гастроэнтерологии, пульмонологии, нефрологии, эндокринологии, геронтологии; имеется кабинет инфекционных заболеваний. В составе неврологического отделения действует психотерапевтический кабинет. Это отделение укомплектовано высококвалифицированными сотрудниками: Л. Ж. Кафоева З. А. Борсова, И. Х. Керефова, М. Б. Шорова, Л. В. Бондарь. Заведующая отделением Фати-ма Зачиевна Шугушева – врач высшей категории, заслуженный врач КБР.

В составе хирургического отделения – урологический и колопроктологический кабинеты. Также представлены офтальмологическое, отоларингологическое отделение, профпатологическая консультация. Реабилитационная служба представлена физиотерапевтическим отделением с кабинетом лечебной физкультуры.

При поликлинике функционирует хозрасчетное отделение медицинских осмотров, которое осуществляет периодические и предварительные осмотры при поступлении на работу, медицинские осмотры декретированных групп организованного населения, проводится медосмотр иностранных граждан, въезжающих в республику. Отделением заведует С. Ш. Жанимова – врач высшей квалификационной категории, под ее руководством работают квалифицированные, ответственные, опытные врачи и медсестры.

В состав поликлиники входит женская консультация, расположенная по ул. Кирова, 17, здесь оказывают высококвалифицированную лечебно-профилактическую помощь женскому населению, беременным женщинам. Возглавляет коллектив женской консультации А. И. Хапаева – врач высшей

*Каскулова
Динара
Абубекировна,
зав. офталь-
мологическим
отделением*

Неврологическое отделение (слева направо):

сидят – Шугушева Ф. З. – зав. отделением, врач-невролог, Кафоева Л. Ж. – врач-невролог, Шорова М. Б. – врач-невролог; стоят – Есенокова Э. Х. – медсестра каб. невролога, Чеченова А. Х. – медсестра каб. невролога, Мезова А. М. – старшая медсестра

Хозрасчетное отделение медицинских осмотров (слева направо):

сидят – Шаваева В. Х. – врач КЛД, Гусева В. П. – медсестра, Жанимова С. Ш. – зав. отделением, Темрокова Е. Л. – медрегистратор; стоят – Бабугоева И. А. – дерматовенеролог, Карданова Н. В. – медсестра, Дышекова З. М. – врач-терапевт, Максидова Р. Б. – старшая медсестра, Бозиева С. К. – отоларинголог

квалификационной категории, под ее руководством работают квалифицированные, грамотные, ответственные специалисты. Весь персонал женской консультации сориентирован на доброжелательное, чуткое отношение к беременным женщинам и другим пациентам.

В поликлинике используются и ресурсосберегающие технологии, эффективно функционирует дневной стационар на 25 коек с двухсменным режимом работы. Дневной стационар был открыт 1 декабря 2005 г. при содействии президента КБР А. Б. Канокова. За время существования здесь

Женская консультация (слева направо):

1 ряд – Курашинова Ф. М. – врач акушер-гинеколог; 2 ряд – Тешева М. А. – акушерка, Маргушева Х. Ж. – врач акушер-гинеколог, Хапаева А. И. – зав. ж/к, врач акушер-гинеколог, Лункан Т. А. – инструктор ЛФК, Кунижева М. Х. – старшая акушерка; 3 ряд – Шорова И. Б. – медсестра кабинета УЗИ, Бабаева Ф. С. – акушерка, Канкулова М. М. – акушерка, Нахушева Р. М. – медсестра процедурного кабинета, Канукова А. Р. – врач акушер-гинеколог, Кочесокова З. Ф. – врач УЗИ, Зихова Б. М. – врач акушер-гинеколог

**Дневной стационар
(слева направо):**

сидят – Эржибова Р. А. – старшая медсестра, Желетежева Ф. Н. – зав. ДС, Нырова Ф. М. – санитарка; стоят – Якутцова О. А. – медсестра мед. кабинета, Бжухатлова К. Р. – врач терапевт, Урусова З. Н. – медсестра, Чеченова А. А. – медсестра процедурного кабинета

пролечено 4024 больных с сердечно-сосудистыми, ревматологическими, эндокринологическими, неврологическими и другими заболеваниями. Больные сюда поступают обследованные, что позволяет назначать лечение с первых часов нахождения в дневном стационаре. Широко используются новые методы исследования и лечения заболеваний, внедряются новые лекарственные средства. В отделении благоприятная домашняя обстановка, которую создают работники дневного стационара во главе с заведующей Ф. Н. Желетежевой – врачом высшей категории.

Поликлиника успешно реализует мероприятия приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения «Здоровье». В течение 3-х лет поликлиника выполняет и перевыполняет государственный заказ на проведение дополнительной диспансеризации работающих граждан. За 2006–2008 гг. проведена диспансеризация 6,3 тысяч работающих граждан из 109 учреждений г. Нальчика. В этом году поликлиника должна провести диспансеризацию 2,5 тысяч человек. Также поликлиника в рамках нацпроекта проводит углубленные медицинские осмотры трудящихся, связанных с неблагоприятными факторами на производстве, вакцинацию населения в рамках национального календаря прививок, нуждающиеся больные подготавливаются и направляются на получение высокотехнологичной медицинской помощи по квотам МЗ КБР.

Поликлиника участвует также в реализации Ф3-122 в части предоставления гарантированной дополнительной лекарственной помощи отдельной категории граждан, пользователям набора социальных услуг. Ежегодно выверяются списки инвалидов, оставивших за собой право на предоставление пакета социальных услуг, и им выписываются льготные рецепты на необходимые лекарственные средства, составляется заявка на потребность в них. Также определяются потребность и медицинские регламенты допуска к получению гарантированного санаторного лечения инвалидов.

В соответствии с законодательством осуществляется еженедельный мониторинг по программе предоставления дополнительного лекарственного обеспечения и выдаче медицинских регламентов допуска к получению санаторного лечения.

Коллектив поликлиники № 1 неустанно трудится над совершенствованием качества и расширением спектра предлагаемых медицинских услуг, руководствуясь идеей «не человек для медицины, а медицина для человека».

Публикацию подготовила Жанна Кандорова

ПЯТЕРО БРАТЬЕВ КАЛМЫКОВЫХ

*Земля моя – цветущий сад,
Но он цветет лишь потому,
Что много, много лет назад,
Наполнясь горечью и болью,
Была исцелена Земля
Горячею солдатской кровью.
За эту кровь, за эту боль,
За наши раны, стоны, муки,
За нестерпимые разлуки
Вам низкий отдаем поклон.*

От автора

За свою журналистскую деятельность я написал около двухсот очерков о наших фронтовиках, о живых и мертвых, и каждый раз я вновь переживаю страшную войну 1941–1945 гг. хотя тогда мне было неполных десять лет. Особенно было тяжело писать трагический рассказ о шести братьях Гусовых из сел. Нижний Куркужин – «Их было шестеро», эта была первая моя книга, посвященная 50-летию Великой Победы. И сегодня у меня мечта – написать книгу «Братья Калмыковы» к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, и вторая моя мечта, которая зависит и от руководства Баксанского района, – чтобы установили памятник-obelisk перед домом Калмыковых в сел. Заюково, как это уже сделали в сел. Н. Куркужин, в честь братьев Гусовых.

Их было пятеро родных братьев, и все они отдали свои жизни и погибли героически, защищая нашу любимую Родину, защищая нас с вами от фашистской чумы. Каждый из пяти братьев Калмыковых, не задумываясь о своей жизни, думал о Родине, о тех, кого они оставили в родном селе Заюково.

Тогда, в страшном 1941 году, из села Заюково ушли на фронт более тысячи защитников. К великому сожалению, живыми вернулись меньше половины. Их имена можно прочесть на мемориальной доске у памятника павшим за Родину в Великой Отечественной войне. Это место жители села считают священным, и очень часто многие фронтовики, а также родные и друзья, собираются там, чтобы поклониться однополчанам, павшим в боях. Особенно многолюдно здесь бывает в День Победы – 9 мая.

Сегодня, к великому сожалению, из тех пятисот вернувшихся с фронта осталось около десяти человек. И каждый из них для жителей села является легендой, и забота о них стоит для них на самом первом месте.

У Дзадзу и Какуцы Калмыковых было одиннадцать детей – девять сыновей и две дочери, и все они воспитывались в любви к труду, к родимой земле. Они принимали активное участие в коллективизации колхоза, строили Баксанскую ГЭС.

И одним из таких строителей нового мира был старший сын – Барсби. После окончания нальчикского ленинского учебного городка (в то

время это было самое престижное учебное заведение в нашей молодой советской республике), он становится первым председателем сельхозартели «Баксанстрой». Затем Барасби выбирают секретарем парторганизации. Мирный труд прервала война.

Трагедия в семье Калмыковых началась с самого младшего, с Питы Дзадзуевича. Его призвали еще в 1938 году на действительную службу. Дослужить ему оставалось считанные месяцы... Но судьба распорядилась иначе. Он оказался в числе тех, кто принял первый удар этой страшной войны. 22 июня 1941 года, в первый день войны, он защищал со своими бойцами Брестскую крепость. Вскоре в одном из боев Пита был смертельно ранен. Его имя высечено на мемориальной доске знаменитой Брестской крепости, где он был начальником погранзаставы.

Вторая страница трагедии семьи Калмыковых – это старший сын Барасби. Смертельный, неравный бой шел под Ростовом. В этом бою Барасби получает тяжелое ранение. Со многими ранеными бойцами его срочно отправляют в госпиталь в г. Пятигорске. В это время (1942) враг прорывался все дальше к центру Кавказа. Когда немцы захватили в Пя-

тигорские госпиталь, раненые бежали кто куда. Барасби же, зная хорошо окрестные места, бежал через горные тропы. Едва добравшись до родного села Заюково, он наткнулся на немцев и был зверски убит. Так Барасби погиб практически на пороге своего дома. Всем селом хоронили своего героя.

Третья потеря Калмыковых – Кара Дзадзуевич. Кара участвовал в самом крупном сражении этой войны – в Сталинградской битве, в 1943 году он участвовал в операции по взятию в плен знаменитой дивизии Паулюса. Эта битва вошла одной из ярчайших страниц в книгу истории ВОВ, и стала поворотным пунктом, иначе говоря – началом великого победного наступления нашей армии. В одном из жестоких боев героически погиб третий сын Дзадзу. Погиб в самом центре города, когда брали в плен Паулюса. Вот так каждый год получали бедные родители похоронки. «Кто же следующий?» – в слезах говорил Дзадзу Калмыков, пряча от Какуцы письмо за пазуху.

Сегодня можно благодарить Аллаха за то, что Кара оставил троих детей. Они живы, здоровы, их дети трудятся, учатся, помнят отца и деда и каждый год 9-го мая собираются, чтобы почтить память погибших.

Очень была жестока судьба к семье Калмыковых. Сразу две похоронки – на двух братьев, Даута и Мухамата, отважных кавалеристов 115-й кавдивизии.

Даут и Мухамат всегда шли в бой вместе, поддерживая друг друга во всем. И летом 1942 года, в сальских степях, в одном из жестоких боев оба погибли от прямого попадания вражеской бомбы.

А вообще из рода Калмыковых из села Заюково всего погибло 17 человек.

Не могу сегодня не включить в рассказ о братьях Калмыковых одно письмо, которое написал бывший боец и сослуживец Питы Калмыкова Иван Неаналин в 1980 году в адрес Калмыковых.

«Я получил ответ на свое письмо. Огромное спасибо! Для меня это был большой праздник. Я бесконечно счастлив, что мы вспоминаем прекрасного человека, отважного моего командира, вашего и моего названного брата Питу. Очень обидно, что братья не увидели День Победы. Я никогда не забуду первые дни войны, когда сдерживали заставу под его командованием. У врага было двойное преимущество в технике и живой силе. Тогда в неравном бою мы вынуждены были отступать, оставив города Слоним, Барановичи, Минск. Несколько наших частей оказались в окружении. Через несколько дней мы соединились с частями, которые вышли из окружения. В этой части был и мой командир Пита. Впоследствии, когда мы встретились с сослуживцами, они мне сказали, что в г. Барановичи Пита был тяжело ранен. После этого я ничего не слышал о моем командире. Я никогда не забуду Питу, его мужество, смелость, чувство товарищества. Он очень любил своих бойцов, он был настоящим кабардинским джигитом».

И вечная вам память, сыны Калмыковых! Вы вечно будете жить в памяти родных, односельчан, всего народа, за который вы отдали свои жизни.

Батыр ас АЛАНСКИЙ

Верный сын своего народа

Басият Шаханов, сын первого балкарского врача с высшим образованием Абая Шаханова, родился в городе Владикавказе 17 апреля 1879 года.

Осенью 1889 года, когда Александр Дмитриевич (так звали Абая Шаханова после его женитьбы на русской девушке и крещения), в то время служивший в военном госпитале на Дальнем Востоке, приехал в Москву на курсы повышения квалификации, устроил своего сына Бориса в Александровский кадетский корпус – одно из лучших учебных заведений в то время. Срок обучения в этом кадетском корпусе был определен в 7 лет. После окончания кадетского корпуса осенью 1896 года Шаханов был принят в Константиновское артиллерийское училище, откуда вскоре перевелся в Михайловское артиллерийское училище. Через два года после окончания военного училища Шаханову присваивается чин подпоручика и его направляют для продолжения службы в 4-ю батарею 21-й артиллерийской бригады, которая дислоцировалась в слободу Воздвиженская Грозненского округа.

Мать Бориса Елизавета была дочерью коменданта Кизлярской крепости, и когда его отец Александр Дмитриевич Шаханов в 1880 году вышел в отставку и переехал жить к себе в Большую Балкарию в селение Мухол, видимо, Елизавета так и не смогла приспособиться жить в горской мусульманской среде и, забрав сына, уехала домой к отцу. После этого, скорее всего в стрессовом состоянии (его тогда не приняли и на работу в Нальчике), Александр Дмитриевич вновь поступил на военную службу и уехал на Дальний Восток. А в десятилетнем возрасте Борис уже был в Москве в кадетском корпусе. Так что, получается, что он до приезда во Владикавказ в сущности и не знал, в каких условиях и как живут его соплеменники – балкарцы, да и другие горцы тоже.

И вот только теперь, приехав на Кавказ для продолжения службы и уже будучи взрослым человеком, он с величайшим интересом стал наблюдать жизнь своих соплеменников. И чем ближе и глубже он узнавал жизнь горцев, тем больше и больше печалилась его душа: его соплеменники, люди, с которыми он одной крови, жили почти что в нищете, практически не знали грамоту, не знали законов страны, в которую привела их мачеха-судьба. Даже мелкий чиновник, обычный мошенник, мог запросто оскорбить, унижить и обобрать безграмотного горца, и он не мог нигде найти управу на своего обидчика-мздоимца.

Более пяти лет прослужил в артиллерии Борис Шаханов, и все эти пять лет были годами постоянных раздумий о нелегкой судьбе родного народа, любовь к которому, перемешанная на жалости, отныне станет неизлечимой его болезнью.

Шаханов
Басият Абаевич

После долгих поисков причин, из-за которых горцы оказались в таком незавидном положении в жизни, он с горечью пришел к выводу, что главную проблему горцев, из-за которой они и оказались в бедности – крайнее малоземелье – навряд ли когда-либо удастся решить. Да, царизм завоевывал Кавказ, истреблял его народы, конечно, не для того, чтобы потом, осознав свою вину перед ними, вернуть им хотя бы десятую часть их земли, дабы и они, как и остальной народ империи, могли иметь хотя бы минимально необходимое пространство для жизни. Нет, Россия для кавказских народов не мать родная, которая, побив их в гневе, потом оттаает, раскается и приласкает их. Россия теперь навсегда останется для них мачехой – отняв у них лучшие земли, где горцы выращивали хлеб, она загнала их в горы, дабы в страшной тесноте, нищете и голодные, они вечно грызлись друг с другом. Прекрасно понимая это, Шаханов готов был разрыдаться от бессилия – он, ученый, грамотный сын своего народа, ничем не мог помочь своим соплеменникам в устранении главной причины их бедствия – нехватки земли. Россия загнала кавказские народы в естественную тюрьму – в горные ущелья и не намерена выпускать их на свободу – на предгорные равнины. И здесь никто не в силах помочь горцам. Такова судьба всех слабых и побежденных – рабство и тюрьма... И мечтать о том, что в России хоть когда-нибудь появится справедливый царь-батюшка, который и к горцам отнесется как к своим родным детям, – это совершенно пустое дело. А потому следует искать иные пути-возможности хотя бы для малейшего облегчения тяжелой жизни горцев. Хотя бы сделать так, чтобы не каждый мошенник, не каждый чиновник-мздоимец мог так легко обмануть и обобрать горца, сделать так, чтобы он, горец, мог бы постоять за себя хотя бы в тех пределах, которые определены законами. А для этого надо, чтобы у горцев были свои люди, знающие законы страны, бюрократические порядки, дабы они могли законно отвергать домогательства хамоватых чиновников, пристраившихся ко всякого рода взяткам.

И вовсе, конечно, неслучайно то, что Борис Шаханов решил поступить учиться на юриста. Он хочет, очень хочет хорошо знать законы, умело толковать их в пользу простых горцев, чтобы помогать им изо дня в день, всю жизнь!

В это время его отца, постоянно заботившегося о нем, уже не было в живых, с матерью, которая жила своей жизнью, он мало общался, так что советоваться, делиться своими мыслями-раздумьями ему было особо не с кем, но тем не менее он действует решительно и быстро. Он оставляет службу в действующей армии и поступает в Военно-юридическую академию.

Интересно, что в характеристике, выданной ему для представления в академию, командир 21-й артиллерийской бригады написал и такие слова: «...честен, беспристрастен, настойчив в достижении цели, не жалеет собственных средств для достижения результатов работы. Добродушен, немножко горяч, немного застенчив, обладает даром слова».

Как ранее в училище, в Военно-юридической академии тоже Борис Шаханов учился хорошо, даже несмотря на то, что постоянно был в стеснительном материальном положении и часто болел простудными болезнями, как и многие горцы, оказывавшиеся в северной столице. Окончил он академию

и сдал выпускные экзамены тоже одним из лучших, что давало ему право выбирать место для дальнейшего продолжения службы. Он, естественно, выбирает Кавказ, и направляется в Тифлис с назначением на должность помощника военного прокурора. Окончил он академию в звании капитана.

Но в этой должности Борису Шаханову не пришлось долго служить. Он не пришелся ко двору военно-бюрократическому, карательному по существу аппарату военного прокурора Кавказа, так как по большинству дел, которые вел Борис Александрович, обвиняемые оправдывались. Он явно не хотел быть кнутом в руках полицейской власти. Начальство было им недовольно, и он с удовольствием подал в отставку. 1909 год – год крупного жизненного поворота в судьбе Бориса Александровича Шаханова: после долгих раздумий он, наконец, решился на очень важный шаг в своей жизни – переходит в мусульманскую веру и меняет свое имя. Отныне он – Басият Абаевич Шаханов. Басият был абсолютно убежден, что так он исправил большую ошибку, совершенную его отцом. И еще – он считал, что только так он сможет быть истинным сыном своего народа. И еще одна любопытная деталь – он берет себе новое имя – Басият, имя легендарного первопредка балкарских князей. Это говорит о многом – хотя бы о том, что он мечтал походить на своего легендарного предка в том, чтобы, как и тот, всю свою жизнь посвятить заботам о благе народа...

В 1910 году на Кавказе, как и на остальной территории России, был учрежден суд присяжных. Учреждение суда присяжных считалось одной из самых прогрессивных реформ конца XIX века в России. Суд присяжных отличался относительной самостоятельностью и демократичностью по сравнению с другими государственными органами управления в царской России. Вскоре имя Басията Абаевича Шаханова, присяжного поверенного Владикавказского суда, становится известным широкой публике благодаря его блестящей эрудиции, красноречию, глубокому знанию законов, умелому их толкованию. Видимо, он действительно обладал от природы «даром слова», как отмечал его командир в характеристике.

Росту авторитета юриста Шаханова особо способствовало его участие в громких процессах, в таких, как дело крупного бакинского нефтепромышленника Тагиева, как дело о массовом бунте жителей Черекского ущелья и погрома ими усадьбы князей Джанхотовых, захвативших общественный лес и т. д.

Высокий профессионализм, умение убедительно говорить сделали имя юриста Шаханова известным на весь Северный Кавказ, и вскоре люди, которые оказывались в сложных правовых коллизиях, стали чаще всего обращаться именно к нему за помощью и советом. К его мнению прислушивались даже чиновники высокого ранга.

Ряд лет, с 1910-го по 1916 год, Басият Абаевич Шаханов являлся юридическим консультантом Кабарды и Балкарии и как таковой был и неутомимым защитником прав балкарского народа на свою землю и ее недра.

В 1906 году под председательством чиновника военно-окружного совета Абрамова была создана комиссия для разрешения земельного кризиса в Нагорной полосе Терской и Кубанской областей, в том числе в Балкарии и Карачае. Разумеется, комиссия, созданная из царских чиновников, не

желала да и не могла как-либо способствовать разрешению земельного кризиса горцев. Создание этой комиссии было лишь эхом общероссийской земельной реформы, известной в истории как Столыпинская, по имени инициатора – председателя Совета министров П. А. Столыпина.

Конечно же, как бы ее ни охаивали большевистские историки, называя ее грабительской по отношению к крестьянству, но на самом деле, разумеется, в сущности своей, да и по результатам, Столыпинская реформа имела для страны в целом, а для ускоренного развития сельского хозяйства тем более, огромное прогрессивное значение, так как окончательно разрушались крепостнические и общественно-патриархальные земельные отношения в России, давая полную свободу инициативе частных земледельцев. Сущность ее состояла в том, что любой член деревенской общины мог выйти из общины, организовать отдельное хозяйство или же свободно продать свой пай.

Естественно, что эта реформа открывала широкую дорогу работоспособным зажиточным крестьянам, так называемым кулакам, организовывать свои высокопроизводительные фермерские хозяйства – хутора. Вскоре в России появились тысячи и тысячи хуторов.

Но, как известно, Столыпину не удалось довести свою реформу до конца – черносотенцы-монархисты убили его, и дальнейшие преобразования в селе были прерваны.

Абрамовская комиссия, созданная в разгар проведения земельной реформы в России, ничего существенного в жизнь горцев привести просто не могла – в горах давным-давно, если не считать пастбищных земель, общинных земель и не было, все пахотные и сенокосные участки находились в частных руках. Так что так называемые капиталистические земельные отношения в Балкарии и Карачае существовали еще в средние века. А потому Абрамовской комиссии, в смысле представления крестьянину возможности выйти из общины со своим участком земли и завести отдельное хозяйство, делать в горах было совершенно нечего. Единственное, чем она могла помочь горцам – это дать им хоть немного земли. Но это было не в ее силах. И вместо того чтобы помочь горцам, даже в данном случае власть (дело-то затевалось якобы с благовидной целью!) не удержалась от соблазна насолить им еще раз: Комиссия объявила все земли горцев казенными! Мол, земли принадлежат казне, т. е. царю, а царь милостиво разрешает горцам проживать (пока что) на его землях! Но в таком случае царь мог в любое время подарить любое количество своей земли кому-либо из своего окружения или же чем-либо отличившемуся служаке. В том числе и ту землю, где вполне может находиться и целое село! И это вовсе не абсурд. Так и случилось с лесом в Приэльбрусье. Лесной участок у подножья Эльбруса в верховьях реки Баксан был подарен царем Александром князю Александру Урусбиеву, а потом, сколько бы ни судилась, но общественность ущелья так и не смогла вернуть себе этот участок. Этот спор разрешила Великая Октябрьская социалистическая революция, как и все другие подобные споры – ни Урусбиевым, ни народу лес не достался, он стал собственностью самой Октябрьской революции, то есть Советской власти.

Грамотные, образованные горцы, понимающие значение юридических махинаций царских чиновников, старающихся лишить горцев и последних

клочков земли, принадлежащих им, активно включились в борьбу против незаконного решения Абрамовской комиссии. Это и Мисост Абаев, и Исмаил Урусбиев, и Ислам Крымшамхалов и, конечно же, разоблачитель всех юридических крючкотворцев от власти Басият Шаханов. На основе российских же законов он блестяще доказал право горцев на недвижимую собственность вследствие долговременного пользования ею из поколения в поколение.

Басият Шаханов, вероятнее всего, встретил Февральскую революцию и свержение монархии в России радостно, надеясь на перемены к лучшему в жизни горцев. Поскольку известного юриста Басията Абаевича Шаханова общественность Северного Кавказа знала как блестящего защитника интересов народа, то он сразу же после революции вошел в состав новой администрации Терской области. «После революции перед нами встал вопрос, как организовать народную власть, мы решили в первую очередь убрать старый столп царского самодержавия в области – Флейшера и в первую же ночь арестовали его и назначили на должность начальника области полковника Михайлова. За ним, обезглавив царских приспешников, арестовали Степанова, устранили от должности Перекрестова и назначили уважаемого Б. А. Шаханова», – говорил на областном съезде исполнительных комитетов глава Терского областного гражданского исполнительного Комитета эсер К. Мамулов.

Известно, что Февральская демократическая революция вывела Россию в ряд самых демократических стран мира – в стране была установлена республика, были провозглашены все основные принципы демократического устройства общества. Народ с большим энтузиазмом принялся перестраивать свою жизнь на новый лад.

Басият Шаханов, как и тысячи других граждан России, с головой окунулся в кипучую деятельность по строительству новой демократической жизни. Он был одним из инициаторов и первым председателем исполнительного Комитета новой партии – Союза объединенных горцев. Всю весну 1917 года Басият Шаханов совместно с другими руководителями горцев готовит съезд народов Северного Кавказа. Все, что он делал в это время, было направлено на то, чтобы объединить все демократические силы области, всего Северного Кавказа, начать и крепить из всех сил союз горцев и казаков – основу основ мирной, созидательной жизни на Кавказе.

I съезд горских народов состоялся в мае 1917 года в городе Владикавказе. Председательствовал на съезде Шаханов, и он во всех своих выступлениях на съезде неизменно подчеркивал, что для налаживания жизни на новых демократических основах необходимо всемерно крепить дружбу всех народов, живущих на Северном Кавказе. Он также выступил с инициативой создать объединенный съезд представителей горцев и казаков.

Но сторонники старой власти, монархисты не собирались так быстро сдаваться, и они шли на всякие провокации, и в первую очередь на испытанный веками метод натравливания людей одной национальности на людей другой национальности.

Стараниями монархистов из казачьей верхушки 6–7 июля 1917 года во Владикавказе произошли трагические события – погром домов ингушей и

их избиение. Не обошлось и без жертв. Все прогрессивные люди Терской области сурово осудили организаторов этой провокации. Басият Шаханов, Башир Далгат, Алибек Тахо-Годи и многие видные общественные деятели области выступили с призывом к народам области не поддаваться на провокации и «отбросить межнациональные распри».

Непрекращающаяся война, разруха, голод стали причиной того, что Россию захлестнула новая волна народного гнева. Правительство Терской области, не в силах сдерживать напор народного гнева обычными методами, принятыми в демократических странах, все чаще начинает прибегать к полицейским мерам. Шаханов не может с этим согласиться и в августе 1917 года переходит на работу в Дагестан. 31 августа «Терский вестник» сообщал, что Шаханов избран комиссаром Дагестанской области. Но через несколько месяцев он по собственной воле покидает этот высокий пост, ввиду того, что Терско-Дагестанское правительство, не прислушиваясь к его советам, тоже стало применять карательные меры против оппозиционеров.

Но никакие меры ничего не могли спасти – реки народного гнева слились в общий селевой поток, который накрыл всю страну.

На гребне народного гнева большевики прорвались к власти – свершилась Октябрьская революция. Маховик ужасного народного бунта достиг своего апогея.

Басият Шаханов, опытный общественный деятель, судя по всему, предчувствовал грядущие после переворота ужасные события, а потому уезжает подальше из центра Кавказа – в Екатеринодар. Но там он вскоре заболел тифом и умер. Это случилось в феврале 1919 года.

В некрологе, который был напечатан в газете «Вольная Кубань» говорилось: «В последних числах февраля в г. Екатеринодаре скончался от тифа крупный общественно-политический деятель, популярный среди горцев Терека, Дагестана и Кубани, присяжный поверенный, подполковник артиллерии в отставке Б. А. Шаханов. В лице его как человека, ставившего интересы общественные, народные выше личных, горцы понесли невозвратимую утрату... В период вахханалии Советской власти на Северном Кавказе, когда не красноармеец выписывался в расход, после целого ряда попыток удержать народ от соблазна большевиков, подвергая себя опасности быть расстрелянным в глухих ущельях Кавказа, Шаханов бежит на Кубань. Он знал, что его имя известно кубанцам и что здесь он может быть полезным. Знакомство с местными деятелями, характер и ум привлекают к нему внимание горцев и местных общественных деятелей. В момент составления кабинета горцы, уже ознакомившиеся с его работой в горской фракции, предлагают ему занять пост управляющего ведомством юстиции, но скромный труженик предпочитает должность Правителя канцелярии Законодательной Рады».

Басият Абаевич Шаханов всю свою жизнь посвятил служению своему народу, принципам демократии и дружбы народов. Все это особо проявилось в трудные годы революции и Гражданской войны. При любых обстоятельствах он так и не изменил идее объединения всех народов Кавказа на основе равенства прав и федерализма. И в наше время, спустя век после смерти этого замечательного человека, мы вынуждены признать, что его идеи актуальны и сегодня.

Фатима ДУДАРОВА**Для настоящего человеческого счастья
нужна любовь к профессии**

Так считает врач Хаджет Мусовна Къльтурбаева. То, что она любит свою профессию, не вызывает никакого сомнения. Когда заходит о ней речь, ее лицо начинает светиться.

Дочери сельских интеллигентов, руководящего партийного работника Мусы Къльтурбаева и учительницы Хулима Дугужевой из селения Сармаково предстояло исполнить желание любимого отца и поступить в Пятигорский фармацевтический институт. Она сдала первый вступительный экзамен по химии на «5» и... сбежала в Нальчик, где с успехом поступила на медфак КБГУ.

Трудовую деятельность Хаджет Мусовна начала в 1975 году после окончания КБГУ – врачом-терапевтом поликлиники № 3, трудилась там тринадцать лет. Затем она была переведена на работу в травмпункт поликлиники № 1 на должность врача-физиотерапевта, где через два года стала заведовать отделением и трудится там по сей день. Три года (с 1996 по 1998 гг.) совмещала с работой в физиокабинете хирургического корпуса Республиканской клинической больницы. Общий медицинский стаж Къльтурбаевой составляет 34 года. Она постоянно работает над совершенствованием профессионального уровня. Хаджет Мусовна чутка и внимательна к больным, принимает активное участие в общественной жизни коллектива поликлиники. Она принимает и консультирует больных в поликлинике и на дому, оказывает консультативную помощь врачам других специальностей, осуществляет внедрение новых физиотерапевтических методов лечения, новой аппаратуры, заботится о том, чтобы оборудование всегда находилось в рабочем состоянии. Хаджет Мусовна систематически проводит занятия по повышению профессиональной квалификации со средним медицинским персоналом и врачами общего профиля, выступает на заседаниях общества клиницистов медицинских советов, преподает на курсах повышения квалификации медицинских сестер физиотерапевтических кабинетов Медицинского колледжа КБГУ им. Х. Бербекова. Неоднократно ее труд был отмечен грамотами и премиями.

– Хаджет Мусовна, почему Вы избрали специальность физиотерапевта?

– Очень нравилась кардиология, возможно, стала бы специалистом в этой области, но победила любовь к физиотерапии. Такого высокого эффекта, как при физиотерапии при правильном подборе процедур, если они показаны, при терапевтическом лечении химическими препаратами не достигнешь.

Я была студенткой четвертого курса медицинского факультета, когда

профессор Магомед Исмаилович Балкаров, основоположник курорта «Нальчик», пригласил нас, нескольких девушек, для прохождения производственной практики. Он лично знакомил нас с условиями, которые были в каждом санатории и пансионате, объяснял нам, какой у них профиль. От него мы узнали, чем занимается курортная поликлиника, он подробно рассказывал о каждом кабинете, находящейся там диагностической аппаратуре, об отпускаемых лечебных процедурах, знакомил с врачами. Практика проходила три летних месяца и оставила глубокий след в душе. Долгое время Магомед Балкаров занимался курортом, благодаря ему Нальчик заслуженно занял почетное место среди других курортов Советского Союза.

– Вообще что такое «физиотерапия»?

– Термин «физиотерапия» происходит от двух греческих слов «физис» – природа и «терапеа» – лечение. Буквально, означает лечение болезненных природными (физическими) факторами: солнце, воздух, минеральные воды, лечебные грязи и воздействие искусственных факторов внешней среды с лечебной и профилактической целью.

Данный вид терапии зародился на заре формирования человеческой цивилизации еще до нашей эры. Люди использовали горячие и холодные компрессы при повреждениях, паровые бани при простудных заболеваниях, орошения кишечника (клизмы) при запорах, применяли методы «изгнания духа болезни» при помощи полого рога буйвола (прототипа современных банок), выправление костей (мануальная терапия)... В древней Индии 1800 лет до нашей эры впервые детально описаны приемы лечебного массажа и гимнастики. В 460–377 гг. до нашей эры в древней Греции выдающиеся представители Косской медицинской школы Гиппократ Косский и Эрадистрат рассматривали организм в тесной связи с окружающей средой и придавали физическим факторам ведущее значение в лечении различных заболеваний. Широкой популярностью, начиная с древних времен, в Индии, Китае и других странах пользуется лечение водой, воздухом, прижигание, акупунктура, фитотерапия...

В наши же дни малыш еще не появился на свет, а уже будущей маме назначают ультрафиолетовое облучение, лечебную физкультуру, ультразвуковое исследование. В комплексном лечении, медицинской реабилитации и профилактике заболеваний важнейшая роль принадлежит физическим методам; они достаточно эффективны, безвредны, наиболее физиологичны, патогенетически направлены и повышают иммунную защиту организма.

Физические факторы являются для организма адекватными раздражителями внешней среды и с давних пор широко применяются как эффективное средство лечения и предупреждения болезней, закаливания организма. Применение физических факторов на сегодняшний день доступно, экономически выгодно и клинически эффективно. Их своевременное применение увеличивает результативность оздоровительных, лечебных и реабилитационных мероприятий.

Бурный научно-технический прогресс в области электроники и создание функционально новых источников различных физических полей способствовали появлению новых физиотерапевтических аппаратов и, соответственно, новых методов физиотерапии. Все это стимулировало рост научно обоснованных методик внедрения физиотерапии, значительное расширение показаний для физиолечения. Физиотерапию обычно рассматривают как альтернативу химио- или фармакотерапии, несмотря на то, что зачастую они применяются в сочетании. Вместе с тем при использовании лечебных физических факторов сокращаются сроки лечения, отсутствуют побочные действия на органы и ткани. В последние годы стали широко внедряться в практику физиолечения методы, максимально близкие по воздействию к естественным природным, к которым организм человека приспособился в ходе эволюционного развития. Естественные электромагнитные волны, излучаемые солнцем и другими планетами, магнитное поле Земли и применяемые в физиотерапии близки по характеру действия и вызываемых ответных реакций со стороны организма. Повсеместное внедрение получили такие методы физиотерапии, как лазеротерапия, магнитно-микроволновая и КВЧ-терапия, разработаны более эффективные методики применения традиционных физических факторов: УФО, индуктотерапия, ультразвук, лечебные грязи...

– Хаджет Мусовна, что Вы можете сказать о работе вверенного вам физиотерапевтического отделения?

– Здесь проходят лечение больные, направляемые из разных отделений – неврологического, глазного, хирургического и других. В своей повседневной работе применяем все виды физиотерапии с учетом показаний и противопоказаний. Оборудование полностью укомплектовано, лечим с помощью тока низкого напряжения, импульсного тока, переменного тока высокого напряжения и средней частоты, оптического излучения, ультразвука, лечебного массажа.

Несмотря на финансово-экономические трудности, главврач Аулият Фуадовна Каскулова нашла возможность приобрести необходимую современную аппаратуру – магнитолазерную «Милга», ультразвуковую, «Амплипульс», аппараты для ингаляций, для местной дорсанваализации. Она всегда интересуется, не нуждаемся ли мы еще в чем-нибудь.

– Каков механизм воздействия при физиолечении?

– При воспалительных процессах уже за первые 2–3 процедуры снимаются болевые ощущения, отеки. Разумеется, при назначении лечения учитываем возраст, пол и конституцию больного, наличие сопутствующих заболеваний, индивидуальных противопоказаний. Выбор физического фактора для лечения конкретного больного составляет основу врачебного искусства физиотерапевта.

– Как Вы относитесь к тому, что появились приборы для домашнего использования?

– Положительно. Сейчас выпускается много портативных приборов, для их работы используются низкочастотные токи. Это «Витафон», «МАГ-1», «МАГ-2», «Алмаг», «Семикон», «Витязь», «Биоптрон», магнитные браслеты, клипы, стельки и многое другое. Они успешно используются в различных областях медицины: кардиологии, пульмонологии, отоларингологии... Естественно, перед тем как начать лечение прибором необходима консультация физиотерапевта или терапевта.

– Около 13 лет Вы преподаете на курсах повышения квалификации. На лекциях рассказываете о новейших достижениях в области физиотерапии...

– Очень много знаний приобрела во Владикавказе в физиотерапевтической клинике факультета усовершенствования врачей Северо-Осетинского государственного медицинского института, где прошла специализацию «Медицинская реабилитация и физиотерапия». В 1998, 2005 гг. я училась на курсах повышения квалификации по физиотерапии Российской академии последипломного образования, после окончания которых получила сертификат.

На курсы приходят выпускники медфака, медколледжа, врачи и медсестры, учим сами, отправляем в Пятигорск. Там им читают курсы лекций по физиотерапии и бальнеологии при санаториях и Институте курортологии.

– Какие рекомендации Вы можете дать нашим читателям по оздоровлению организма?

– Все самое мудрое пришло с Востока. Это также касается медицины, оздоровления организма. Рекомендую читателям обратиться к книгам Поля Брэгга и Майи Гоголан, из которых они могут узнать много полезного для сохранения здоровья на долгие годы.

Жаухар АППАЕВА**Был светлым лучом**

Судьба осетинского просветителя Марка Цараевича Тогузаева и его жены Ольги Ивановны была полна драматических, а порой и трагических перипетий. Молодость М. Тогузаева совпала с одним из самых бурных и противоречивых периодов в жизни России, когда многочисленные партии столкнулись в борьбе за власть. Причем подавляющее большинство каждой из этих политических сил были убеждены в своей правоте и добивались поставленных целей порой самыми жестокими способами. Марк Цараевич, будучи социально активным человеком, не мог оставаться в стороне от развернувшихся на Кавказе событий. Однако, в отличие от многих, он был противником кровопролития, стремился решать революционные задачи сугубо мирными средствами.

Марк Тогузаев принадлежал к небогатым слоям населения, потому не удивительно, что еще в годы юности он примкнул к революционному движению в Осетии. По окончании церковно-приходской школы в родном селе Христиановское (ныне Дигора), Марк поступил в высшее начальное училище в Моздоке, где судьба его свела с видными керменистами (так называли себя осетинские большевики) Шамилем Абаевым и Г. Малиевым, которые оказали на него огромное влияние, внушив ему прогрессивные социалистические идеи. Тогузаев всегда остро реагировал на несправедливость, на нищую и беспросветную жизнь простого народа. Его душа не могла оставаться безучастной к политическим событиям.

Под влиянием этих керменистов молодой человек решил посвятить себя революционной деятельности. Ни одно из общественно значимых событий в Дигорском ущелье не прошло без его участия. К примеру, оборона от белогвардейцев слободы Шалдон и села Христиановского

в 1918 году. Ему нередко приходилось выполнять задания руководства керменистов с риском для жизни.

В ту сложную, переменную эпоху многие события воспринимались людьми в черно-белом цвете. Одержимые собственными представлениями и понятиями, противники совершенно не учитывали иных мнений и интересов. Ни одна из сторон не желала уступать другой. Эта эпоха породила много негативного, в частности, нетерпимость, которая создала питательную почву для возникновения сталинщины. Именно тогда жизнь отдельно взятого человека утратила всякую ценность. Считалось вполне справедливым без всякой жалости уничтожить противника. Марка Тогузаева нередко угнетали подобные мысли. Вряд ли осознавая это, он также превратился в «винтик механизма» переустройства мира. Но свою политическую принадлежность он подтвердил вступлением в 1926 году в ряды ВКП(б).

Как бы там ни было, к 1920 году в стране начала налаживаться мирная жизнь. Оставались лишь незначительные по численности так называемые банды, в которые объединились противники новой власти. Марк Цараевич стал служить в окружной милиции, целью которой было уничтожение этих людей, оказавшихся вне закона. Начал он с должности политкома, а завершил милицейскую карьеру в ранге начальника опергруппы. Однако его не прельщала подобная профессия. Тогузаев считал ее промежуточной, лишь на время, когда нужно было навести должный общественный порядок. Потому не удивительно, что как только появилась возможность переквалифицироваться и получить мирную профессию, он поступил в Горский пединститут во Владикавказе.

Молодой человек с жадностью впитывал в себя знания, учился блестяще и после окончания вуза остался в нем в качестве ассистента на кафедре микробиологии и физиологии растений. Вскоре как классный специалист он сразу был назначен директором педагогического техникума во Владикавказе, поскольку в то время был огромный дефицит квалифицированных кадров. Но он мечтал вернуться домой, и как только появилась возможность, Марк Цараевич вернулся в родное село и возглавил отдел народного образования Дигорского округа, поскольку проблемы Дигорского ущелья для него были самыми близкими. Не теряя времени, он создал творческий коллектив для разработки букваря и других учебников на родном языке для начальной школы. В него вошли, кроме Тогузаева, известные ученые: Марк Кесаев, Михаил Гарданов, Игнат Собиев. Разработанные ими учебники получили признание в республике. Круг интересов просветителя М. Тогузаева был широк: он занимался пропагандистской лекционной работой, не был чужд и писательской деятельности. Из-под его пера вышла замечательная детская книжка «Стальные орлы», пользовавшаяся в свое время большой популярностью.

Это было начало 30-х годов – время расцвета творческих сил не только Марка Цараевича, но и его жены Ольги Ивановны, талантливого педагога, преподавателя русского языка и литературы в средней школе Дигоры. Работа спорилась, супруги пользовались огромным уважением не только в Дигоре, но и во всей Северной Осетии. Их заслуги в деле

просвещения были неоспоримы, и никому не приходило в голову, что в одночасье их судьба может кардинально измениться от возможного ложного обвинения, как это было тогда. Но их мог бы спасти переезд в Ленинград, куда Ольгу Ивановну, как свою лучшую студентку, пригласил в аспирантуру известный лингвист профессор Виноградов, автор орфографического словаря. Супруги собирались поехать в Ленинград учиться дальше, но Марка Цараевича назначили заврайоно в Дигорский округ, и переезд был отложен. А в это время начались массовые репрессии, и Тогузаевы попали в их жернова.

Марк Цараевич вспоминал: «Я работал заврайоно Дигорского района. Было 10 часов вечера, когда я заканчивал отчет о ревизии школы. Дети, жена, старики уже спали. Вдруг залаяла моя охотничья собака. Я вышел на стук в дверь, и в комнату ворвались четверо вооруженных людей. Обыск затянулся до рассвета. Ничего не нашли, однако арестовали меня и жену. Следствие велось одиннадцать месяцев, чтобы нам с женой вынести обвинительный приговор. Кассационные жалобы не помогли, во всех инстанциях решение суда было утверждено».

– Не только моих родителей арестовали в этот день, – вспоминала Замира Марковна Савкуева, дочь М. Ц. Тогузаева. – В тюрьму попали все лучшие директора и учителя Дигоры. Все эти замечательные педагоги заботились об улучшении учебно-воспитательного процесса в школах. Они трудились не жалея своих сил. И вдруг такое абсурдное обвинение, как контрреволюционная пропаганда, направленная на подрыв советской власти. Больно, нестерпимо стыдно становится за тех негодяев, которые уничтожали лучших людей нашего района.

Марка Цараевича, как и его товарищей по несчастью, пытали, но он сумел выдержать все физические и моральные муки и не признал себя врагом народа. Тем не менее их выслали в город Березники, что на Урале, где они работали на лесоповале. Через два года Ольгу Ивановну освободили из заключения, а ее муж остался еще на два года. И хотя она вернулась домой к детям, страх поселился в ее душе на всю жизнь. Ее не брали на работу, знакомые сторонились, боясь за собственную безопасность. Пришлось ей переехать в Алагир, где для нее, наконец, нашлось место учителя в средней школе. Писем от Марка Цараевича не было, пережитые страдания так и не дали ей возможность восстановить свои душевные силы. Вряд ли бы ее муж сумел выдержать тяготы тюремной жизни, если бы не его глубокая образованность. Лагерные начальники использовали его в качестве делопроизводителя, поскольку сами были не в состоянии оформить необходимую документацию. Это спасло его от гибели. Понимая, сколь важна для невинно осужденного человека моральная поддержка, он сам старался не падать духом и поддерживал в товарищах веру в добро и справедливость, в идеи социализма.

Тем временем Ольга Ивановна, не теряя времени после своего освобождения, стала искать пути для освобождения своего мужа. Поскольку одним из главных пунктов его обвинения было то, что в одном из рассказов из его книжки «Горный орел» он сравнивал Сталина с этой птицей, якобы таким образом приравнивая образ вождя к этому хищнику, она перевела

этот рассказ с дигорского на русский и отправила его на рецензирование Самуилу Маршаку и Надежде Крупской. Оба прислали положительные отзывы, что сыграло решающую роль в отмене приговора. Однако его так и не отпустили на свободу. Это было в 1940 году.

– Он часто вспоминал своих товарищей по несчастью, – продолжает разговор Замира Марковна. – Среди них было столько замечательных людей, попавших за колючую проволоку по ложным обвинениям. Особенно много среди них было военнослужащих. Когда началась Великая Отечественная война, их стали отправлять на фронт. Отец тоже пошел на передовую добровольцем, прошел всю войну и был демобилизован в 1946 году. Мы все радовались: наконец-то семья воссоединилась.

Но не тут-то было. В октябре этого года поздно ночью к нам постучал родственник, который работал в НКВД. Он предупредил отца о том, что за ним вновь началась охота. Отец быстро достал подводу, и ночью мы выехали из Дигоры, а на рассвете прибыли в Кабардинскую АССР в селение Урух. Поселились мы у наших родственников Эльджаровых. Маму сразу пригласили в школу завучем, а папа стал преподавателем биологии. Но жили они всегда в страхе. По ночам я иногда слышала, как плакала мама, но при нас, при детях, родители никогда не обсуждали никакие вопросы, кроме чисто бытовых. Только работая с детьми в школе, она забывала о своих страхах, видя в своих воспитанниках любящих и уважающих ее людей. За свой труд она удостоилась звания «Заслуженный учитель РСФСР», была награждена значком «Отличник народного просвещения». Но особенно она дорожила тем, что пользовалась огромным авторитетом у своих коллег. Ее неоднократно делегировали на Всесоюзные учительские совещания, проходившие в Москве. Отец мой за ратный подвиг был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями, удостоился звания «Заслуженный работник культуры СО АССР». Их воспитанники стали прекрасными специалистами в самых разных сферах жизни. Многие из них и сейчас на руководящих постах. Когда мы с братом Альбертом Марковичем встречаемся с ними, они непременно с самым глубоким уважением вспоминают наших родителей. И хотя прошло полвека, как родители вернулись в Дигору, их помнят и почитают, говорят о них с большой благодарностью. Нам это очень приятно.

По воспоминаниям знавших М. Ц. Тогузаева – это был замечательный человек. Он любил свой народ, свою республику, делая все для ее процветания, что было в его силах. Был требовательным и к себе, и к своим подчиненным. Обладая незаурядным ораторским даром, талантом организатора, он умел увлечь людей за собой. И даже его арест и пребывание в лагерях не сломили его. Он по-прежнему любил людей, считая, что большинство из них честные, порядочные; негодяев среди них лишь единицы, хотя при соответствующих условиях они способны причинить колоссальный вред.

Как бы ни почитали, ни уважали Тогузаевых в Урухе, они хотели вернуться в Дигору, и, по их признанию, чтобы поработать и на благо своих земляков. Однако на родине они долго не могли устроиться на работу. Ольга Ивановна все чаще стала болеть – давали о себе знать

последствия тюремного заключения. В ноябре 1958 года она умерла в возрасте пятидесяти лет.

Но все же судьба Тогузаевых, может быть, оказалась хоть немного более счастливой, чем многих других заслуженных людей, которые бесследно исчезли в водовороте событий, чьи имена преданы забвению. А если быть до конца справедливым, то память о тех, чьи имена пытались стереть, сегодня сохраняются благодаря Марку Цараевичу. Ведь идея создания историко-краеведческого музея в Дигоре принадлежала ему.

Будучи уже на пенсии, неумный педагог взялся за его организацию, что было делом совсем непростым. Прежде всего ему пришлось заниматься собирательской работой. Он исходил вдоль и поперек села района для сбора этнографического материала, документальных источников. Он также записывал воспоминания людей об интересовавших его личностях. Первоначально выделенное помещение районного музея вскоре уже было неспособно вместить собранные Тогузаевым вещественные и документальные памятники. Он стал хлопотать о выделении под музей подходящего здания. Существенную помощь в этом деле ему оказали родственники руководителя партии «Кермен» Георгия Александровича Цаголова, передавшие в дар музею дом Г. А. Цаголова. По распоряжению районного руководства здесь организовали музей. Но прежде чем привезти сюда экспонаты, пришлось делать ремонт здания.

Марк Цараевич писал в своих записках об этих днях: «Нелегко было заниматься музеем, когда тяжесть всех работ легла на мои плечи, я сам был бесплатным ремонтником, печником, сторожем, уборщиком, собирателем экспонатов, хранителем фондов, лектором, смотрителем, завхозом. А кроме того приходилось попрошайничать, чтобы обзавестись необходимым инвентарем, и так далее». Одновременно без устали он собирал вещи, которые представляли историческую или культурную ценность и которые придали музею в Дигоре уникальность. Здесь хранятся богатейшие материалы о керменистах, об обороне Дигорского ущелья от деникинцев, об установлении советской власти в Северной Осетии и прежде всего в Дигории, о героях Великой Отечественной войны, об обороне Дигоры от фашистов, о культурном и экономическом развитии Дигорского и Ирафского районов. Не останавливаясь перед трудностями, будучи в весьма преклонном возрасте он добивается строительства нового здания музея.

Много хорошего, полезного для общества сделал за свою жизнь М. Ц. Тогузаев. Потому не удивительно, что один из разделов экспозиции рассказывает о жизни и деятельности самого организатора музея.

Ася АБРОКОВА,
учитель кабардинского языка
с. Атажукино

В своей работе я хочу рассказать об очень интересном человеке, творческом работнике, народном художнике, детском писателе, хорошем учителе и, при всем при этом – заботливой матери.

Жизнь – песня

Афашагова Зоя Ластановна родилась 30 января 1950 года в г. Тырныаузе. Окончила заюковскую среднюю школу № 1 в 1968 г. В этом же году она начала свою трудовую деятельность художественным руководителем заюковского сельского Дома культуры. И 30 лет творческой деятельности Зоя Афашагова посвятила культуре и искусству.

Зоя Ластановна – композитор-мелодист. Она написала свыше 70 песен. Ее песни «За водой к роднику», «Моя мать», «Живут адыги», «Голос сердца», «Зимняя ночь», «Молодость зовет», «Обманутая любовь», «Не перестану любить», «Звезда допад», «Ты поверь», «Ты принадлежишь другому», «Родина отцов» и др. любимы не только жителям района, республики, но и в Адыгее, Карачаево-Черкесии. Ее песни исполняют ведущие артисты.

Она прекрасный художник-оформитель. Ее оформлению, посвященному 50-летию и 60-летию Великой Победы, Совет ветеранов присудил 1-ое место в районе. Ее картины «Утро в селе», «Уборка сена», «Ненависть», «Вечерний отдых», «Прощание с боевым товарищем» участвовали в районных и республиканских выставках.

Также она пишет стихи и рассказы. Некоторые из них были опубликованы в районных и республиканских газетах, в детском журнале «Нур». В 2003 году вышла ее первая книжка для детей под названием «Хитрюшка» («Гэмалшы»).

В 1981 году она поступила в Нальчикское педагогическое училище им. 50-летия ВЛКСМ. Окончила его в 1984 году. А в 1992 году поступила в КБГУ на русско-кабардинское отделение. Окончила в 1998 году, после чего стала преподавателем кабардинского языка и литературы.

За успехи, достигнутые в работе, З.Л. Афашагова награждена Почет-

ными грамотами и дипломами Баксанского РОНО, зав. отделом культуры Баксанского района и Министерства культуры КБР. В 1995 году ей присвоено звание «Отличник народного просвещения РФ». Также она является претенденткой на высокое звание «Заслуженный работник культуры КБР» с 1995 года, за ее неутомимую работу, за большие творческие успехи в культуре. Но, к сожалению это дело тянется до сих пор.

Сейчас она на заслуженном отдыхе, но продолжает организацию и проведение благотворительных концертов для ветеранов Великой Отечественной войны, для молодежи и пожилых людей Баксанского района, для инвалидов и одиноких стариков из Дома престарелых г. Нальчика. Автором музыки и исполнителем песен, звучащих на этих концертах, является сама Афашагова.

За свой мягкий уравновешенный характер, за неутомимую работу в качестве художественного руководителя, режиссера, гармониста, художника-оформителя, композитора, певца и чуткого воспитателя ее любят и уважают не только в районе, но и в республике. Таким человекам ей помогли стать ее родители. Она бесконечно благодарна им за все, что умеет делать, за то, что они научили ее любить и уважать людей, жить честно, добросовестно, работать с любовью и доводить начатое дело до конца – быть полезным человеком для своего народа. По словам самой Зои Афашаговой – надо жить, работать и творить по-человечески, радовать людей и быть примером для подрастающего поколения. По словам известного и популярного композитора Аслана Даурова, который ушел из жизни скоропостижно, Зоя является своеобразной звездой кабардинского народа.

Надежда ЕМЕЛЬЯНЕНКО,
*специалист экспозиционного
отдела Национального музея КБР*

Л. Г. Молодоженин (Лео Мол).

Творческая биография

Работа в музее часто связана с поиском, как каких-то предметов, отражающих историческую эпоху, культуру, так и отдельных лиц, оставивших заметный след в ней. Иногда поиски делятся десятилетиями. Так случилось и с поиском скульптора Леонида Григорьевича Молодоженина. О нем, как об авторе первого бюста народного кабардинского поэта Б. Пачева, мне рассказал в 1980 г. литературовед Б. Курашинов, работавший в ту пору над очерком «Седой орел» (о творчестве Б. Пачева). Он попросил меня подключиться к поискам Л. Г. Молодоженина.

Долгие годы поиски были безуспешными и только в 2004 г., когда я в составе творческой группы работала над экспозицией музея Б. Пачева (с. Нартан), я наконец-то узнала о судьбе Л. Г. Молодоженина. Не странно ли?

Оказалось, что Л. Г. Молодоженин живет в Канаде, а во многих странах мира, где находятся его работы, он известен под псевдонимом Лео Мол (три первые буквы имени и фамилии – так легче было подписывать работы).

Детство Леонида прошло на Украине, где в 1915 г. он родился в с. Полонное (Волыния). Это Западная Украина, входившая в состав Австро-Венгрии. Отец его, Григорий, был гончаром, и мальчик с ранних лет помогал ему. Однако Леня лет с восьми уже точно знал, что он будет не гончаром, а вопреки воле отца – художником. Он много рисовал, и отец не мог не заметить его талант. Уступая просьбам сына-подростка, он отпускает Леонида одного в Вену. Там мальчик, зарабатывая себе на жизнь рисованием и чем придется, учится в платной вечерней студии, где кроме уроков рисования и скульптуры преподавали и другие предметы. Преподаватель Энн Фаллендорф почувствовала его природный дар, обратив внимание на работы из глины, и ориентировала его на занятия скульптурой.

В конце 1920-х гг. родители Леонида принимают решение о переезде в г. Нальчик, таким образом он оказывается в Кабардино-Балкарии. Он продолжает свое образование и одновременно активно включается в общественную и культурную жизнь города.

Уже проживая в Канаде, Леонид часто вспоминал время работы в театре юного зрителя, который был создан в г. Нальчике в 1933 г., где он рисовал декорации.

В 1936 г. Леонид поступил в Ленинградскую Академию художеств. Уже в студенческие годы Леонид зарекомендовал себя как талантливый скульптор, о чем свидетельствуют заказы ему от Ленинградской консерватории на изготовление скульптуры композитора А. Бородина и бюста

П. И. Чайковского. Скульптура А. Бородина, сидящего в кресле, до сих пор украшает холл консерватории, а бюст Чайковского был растиражирован по всей стране в довоенное время. Его можно увидеть кое-где и сейчас, например, я его увидела в кинофильме «Учитель пения» (1983).

В фондах Национального музея КБР тоже хранится бюст П. И. Чайковского работы Л. Молодоженина. К сожалению, не известно, откуда он поступил, и до 2004 г. он значился как работа неизвестного скульптора.

По воспоминаниям Н.П. Плужниковой, близкой подруги Н. Г. Зюзиной (сестры Л. Молодоженина), Леонид в студенческие годы выполнял заказ Нальчикской музыкальной школы на изготовление бюста П. И. Чайковского. Логично предположить, что этот бюст и находится в фондах Национального музея КБР, так как он идентичен фотографии бюста, присланной из Канады.

В середине 1930-х гг. у входа в Нальчикский парк по проекту архитектора В.А. Веснина были установлены две арки, снизу которых расположены фонтанчики в виде львиных голов, они были заказаны Молодоженину.

Л. Молодоженин в этот период выполнил также заказ на скульптурные фигуры для санатория, а также и другие, установленные на улицах г. Нальчика. Одна из них, «Девушка-спортсменка», была установлена у здания драматического театра.

В середине 30-х годов им был исполнен скульптурный ансамбль «Танцующая пара», установленный на здании кинотеатра «Победа». Здание кинотеатра было взорвано немцами при отступлении из Нальчика, но «Танцующая пара» не пострадала.

Известно, что моделями для этой пары были артисты ансамбля песни и пляски «Кабардинка» Аслангери Аталиков и Жануся Лакунова.

Проучившись год в Академии художеств, Молодоженин в 1937 г. создал бюст народного кабардинского поэта Б. Пачева, о котором скульптор профессор М. Г. Манизер писал, что «работа обладает большой жизненностью, проста и убедительна по композиции и вполне грамотно исполнена, почему может быть с успехом экспонирована в любом музее или общественном месте. Образ Пачева, запечатленный мастерской рукой художника, оставляет большое впечатление».

По заказу Управления по делам искусств при Совнарком КБАССР (возглавлял Х. Темирканов) Молодоженин в марте 1941 г. выполнил скульптурный портрет Б. Пачева (гипсовый бюст больше натуральной величины), моделью для которого послужил бюст, созданный в 1937 г. Этот вывод можно сделать, сравнивая снимок бюста из газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» (29 марта 1941 г.) и снимок бюста 1937 г., присланного из Канады. Бюст, сделанный в 1937 г., был закуплен краеведческим музеем, но впоследствии утрачен.

Бюст Пачева, изготовленный в 1941 г., был впоследствии установлен в городском парке. Такой вывод можно сделать, сравнивая снимок бюста из довоенной газеты с фотографией бюста, установленного в парке, сделанной в 1950-х гг. А.М. Рудневым (фотографом музея), хранящейся в фондах НМ КБР.

В фондах НМ КБР хранилась еще одна работа Молодоженина – «Пастух с ягненокм». Это его дипломная работа. 9 июня 1941 г. Леонид приехал в г. Нальчик на каникулы. В июне он делает свою дипломную работу. Каким образом она попала в краеведческий музей неизвестно. По документам она значилась, как работа неизвестного скульптора. Надпись, сделанная на обратной стороне скульптуры – «1941 г.», дает основание предполагать, что это работа Молодоженина. К сожалению, в 1982 г. она была списана, а изображения ее не осталось. Однако мы располагаем изображением скульптурки «Пастух с ягненокм», сделанной им в 1944 г. в Берлине (продана там же). Можно предположить, что в 1944 г. он, скорее всего, воссоздал скульптуру, сделанную в 1941 г. в Нальчике.

3 августа 1941 г. постановлением Совета по эвакуации при СНК СССР из Москвы в Нальчик были направлены старейшие мастера искусств. Они пробыли в Нальчике до ноября 1941 г. За это время они дали много концертов, организовали встречи в госпиталях, на предприятиях города. Очень тесно с некоторыми из них общался Л. Молодоженин. В этот период им были созданы скульптурные портреты выдающегося актера М. М. Тарханова, актрисы В. О. Массалитиновой, художника-гравера И. Н. Павлова. Л. Молодоженин был участником выставки, организованной художниками, эвакуированными в Нальчик. Она экспонировалась в здании драматического театра. Какие работы Л. Молодоженина экспонировались на этой выставке, нам не известно.

Л. Молодоженин был одним из шести студентов Академии художеств, кому с началом войны была выдана бронь. Однако бронь, по воспоминаниям Л. П. Плужниковой, у него была отобрана военкомом г. Нальчика, и Л. Молодоженин оказывается в Грозненском пехотном училище, затем – Сталинградский фронт, Германия... Об этом периоде его жизни мало что известно. Известно, что он учился в Берлинской академии искусств (знание немецкого языка с детских лет помогло ему), затем в Академии искусств в Гааге (Голландия), куда из Германии он переехал с женой Маргарет. Национальный музей КБР в настоящее время располагает подлинными рисунками, сделанными им в этот период.

В 1948 г. Л. Молодоженин с женой переезжают в Канаду, в Виннипег. Сначала он занимается изготовлением керамических фигурок с канадскими мотивами. А потом занялся декорированием церквей. Его витражи (более 80) украшают 16 церквей и школ Виннипега, в провинции Манитоба и других провинциях Канады, в Германии.

Здесь, в Канаде, появился его псевдоним – Лео Мол. Он – победитель многих международных конкурсов: монумент Т. Шевченко в Вашингтоне (1964) и ему же в Буэнос-Айресе (Аргентина, 1971); монумент Джону Дифенбейкеру (Оттава, 1986); приз в конкурсе на эскиз монумента сэру Роберту Бордену (Оттава, 1953); присуждены закупки в Гамильтон Галерею в 1957 и 1959 гг.; медаль Королевского института архитектуры Канады (1960); приз за 50-футовую фигуру Якоба Стона на ежегодной выставке Союза художников Америки (Нью-Йорк, 1963). Среди его скульптурных шедевров: бюсты премьер-министру Канады Джону Дифенбейкеру, президенту США Д. Эйзенхауэру, римским папам Павлу VI, Иоанну XXIII,

Иоанну-Павлу II, кардиналам Слипому и Тиссерану, королеве Елизавете II, Владимиру Первокрестителю (Лондон); памятник Т. Шевченко (С.-Петербург, 2000), памятник Т. Шевченко (Ялта, 2007) и др.

Его главные общественные заказы включают: здание канадского правительства (Виннипег); гражданский аэропорт Эдмонта; главный госпиталь (сейчас – Центр здоровья, Виннипег); компания Гудзонского залива (Эдмонтон); здание суда (Регина); школа Меримаунд (Виннипег); университет Святого Климения (Рим); нефтяная компания Филипс (Оклахома); резиденция Св. Джозефа (Виннипег); высшая техническая школа (Айндова); Университет Манитобы; Университет Саскачеван; украинское село (Альберта).

Его работы находятся в постоянных коллекциях Виннипегской художественной галереи, Гамильтон Галереи, Художественной галереи Онтарио, Украинского Института Америки, в Ватикане и др., а также в частных коллекциях Северной Америки и Европы.

Его имя носит школа в Тахертинге (Бавария, Германия).

В 1989 г. Лео Мол награжден высшей государственной наградой Канады – Орденом Канады. В 2000 г. он удостоен Ордена Манитобы. В 2000 г. его скульптура «Лесорубы» появилась на канадской почтовой марке.

Особо следует отметить, что в 1992 г. в Ассинибойн-парке Виннипега в его честь был открыт «Сад скульптур» Лео Мола с галереей, где представлено свыше 300 работ. С тех пор «Сад скульптур» был расширен в 2 раза за счет земли, подаренной мэрией Виннипега Лео Молю в честь его 85-летия. Лео Мол передал свои работы, размещенные в «Саду скульптур» в дар городу Виннипегу.

Лео Мол – академик Королевской Канадской Академии искусств. Он был удостоен почетной степени доктора университетов Виннипега, Альберты, Манитобы.

Несмотря на то, что международное признание пришло к Лео Молю в Канаде, он все эти годы не забывал Нальчик, где прошли годы его юности, где пришло к нему первое признание. Нальчик для него – первый город, который он украсил своими работами.

Хангери БАКОВ,
д.ф.н., заслуженный деятель науки КЧР,
заслуженный работник Высшего образования РФ

АНТОЛОГИЯ, КОТОРУЮ ЖДАЛИ ПОЛВЕКА

Роль обобщающих трудов, собраний сочинений разных авторов, энциклопедий, антологий произведений определенных жанров неимоверно возрастает в наше время, когда упала эффективность работы библиотек. Коммерциализация книгоиздательства во многом вытеснила серьезную литературу. К сожалению, людей сейчас больше развлекают, чем образуют. Массовая культура без особенного сопротивления проникает в души подрастающего поколения. С этим надо вести такую же борьбу, как врачи с инфекционными болезнями. Для этого имеется ряд возможностей и у гуманитариев, для которых чтение художественной литературы все еще остается серьезным увлечением, средством познания себя и окружающего мира.

Для таких людей, особенно тех, кто связан с преподаванием литературы, исследованием проблем родной словесности важным подспорьем, без сомнения, станут антологии: кабардинской поэзии, балкарской поэзии, балкарской прозы, вышедшие благодаря грантам президента РФ, выигранным Союзом писателей КБР (тираж этих изданий был увеличен благодаря президенту КБР).

Хочу высказать свое мнение об «Антологии кабардинской поэзии», изданной в 2008 году (Редколлегия: А. М. Готов, Х. Х. Кауфов, Ю. М. Тхагазитов; составители: А. Ч. Абазов, Б. М. Гедгафов, Х. Х. Кажаров, Б. К. Утижев, А. Х. Хакушев, С. Г. Хахов. Главный редактор – Х. Кауфов. Редактор – С. Хахов. Исполнительный директор – Л. Гурова. Художник – М. Горлов). Надо отметить хорошее техническое исполнение Издательского центра «Эль-Фа».

Антология охватывает около ста лет развития кабардинской поэзии, хотя поэзия создавалась задолго до этого народными сказителями, писателями-просветителями, религиозными деятелями. Издатели отказались от «переходного этапа» и обратились к профессиональной поэзии. Антология ограничилась и рамками стихотворения. Исключение сделали лишь для классика адыгской поэзии А. Шогенцукова, включив в книгу одну из его блистательных поэм – «Мадина». Антология, как правило, предполагает наличие в ней самых самобытных, высокохудожественных произведений. Однако это сделать крайне сложно. Есть субъективные причины, связанные с индивидуальным вкусом издателей, да и самих авторов. Бывает немало случаев, когда автору больше нравятся одни произведения, а критики и литературоведы считают наиболее удачными другие творения этого же поэта.

Есть и иные факторы, осложняющие выбор. Произведения, которые высоко ценились в одну эпоху, в другое время могут быть невостребованными из-за тематики, идеологических ориентиров и прочих обстоятельств. Вполне естественно, что современная кабардинская поэзия по качеству и художественному уровню в основном выше, нежели произведения довоенного периода. Составители антологии учли все этапы становления и развития жанра стихотворения и включили в книгу те произведения, которые сыграли хоть какую-то позитивную роль для своего времени.

Каждому известно, что необходимо прививать и развивать художественный вкус на высоких образцах литературы. Это – аксиома, но составители антологии не могли не учесть, что новописьменные литературы прошли не очень большой отрезок времени для развития, поэтому ограничен круг поэтов, создавших такие образцы. Немаловажно и то, что составители должны были воссоздать наиболее полную картину становления и развития наиболее распространенного жанра стихотворения в кабардинской поэзии. И эта задача была учтена при выборе материала книги.

Если в антологии оказались и не очень удачные по художественному уровню, тематике, идеологической направленности произведения, то и они будут полезны для исследователей литературы. А профессионалы или любители изящной словесности смогут сделать выбор из предлагаемого по своему вкусу и эстетическим потребностям.

Еще одна немаловажная деталь: антология адресована учащимся и студентам средней и высшей школы. Это очень важно, ибо современная наука должна учесть вопросы внедрения исследований, публикаций в практику. Антология имеет еще одно неоспоримое преимущество перед другими изданиями, в ней собраны материалы из огромного количества источников, недоступных не только массовому читателю, а иногда и исследователям литературы. В этом направлении редакторы и составители проделали огромную работу.

В небольшом вступлении «От редколлегии», составители признаются, что была дискуссия: на каком языке издать антологию, на русском или кабардино-черкесском. Выбор пал на язык оригинала, что, на мой взгляд, вполне обосновано. Во-первых, очень мало переводов на русский язык произведений кабардинских поэтов. Во-вторых, настоящая литература та, которая создается на родном языке. В-третьих, со времени выхода единственной антологии кабардинской поэзии прошло уже полвека, за которые произошли огромные сдвиги в родной словесности, как и в науке, изучающей творчество писателей. Надо было учесть и то обстоятельство, что в таком издании, в первую очередь, нуждаются носители кабардино-черкесского языка, учителя родного языка и литературы, составители школьных и вузовских учебников. Было бы хорошо иметь также антологию и на русском языке, чтобы с творчеством наших поэтов могли познакомиться широкие круги. Однако этому мешает отсутствие переводов на русский язык – «ахиллесова пята» всей многонациональной поэзии России.

Антология открывается содержательной вступительной статьей доктора филологических наук А. М. Гугова «Столетний путь кабардинской поэзии», в которой прослеживаются этапы зарождения и развития нашей поэзии. Интересны его суждения о появлении и особенностях авторской поэзии, берущей свое начало в фольклоре. В науке утвердилась точка зрения, что народные певцы, сказители стали «мостом» между народной поэзией и литературой. В основном этот тезис подтверждается материалом. Однако есть и исключения. Например, многие произведения Агноко Лаши, бытовавшие в устной форме, являются настоящим самобытным индивидуальным творчеством. Его эпитеты, сравнения, метафоры и другие изобразительно-выразительные средства, созданные им образы вызывают до сих пор восхищение. Совершенно правомерно, что в антологии его стихи приведены в самом начале вслед за Бекмурзой Пачевым.

Следуя хронологическому принципу, А. Гутов дает характеристику творчества каждой группе поэтов, определявших развитие кабардинской поэзии на том или ином этапе ее истории.

Перед публикацией стихов каждого отдельного поэта дается краткая биографическая справка, фиксируются основные вехи его творчества. Даны и фотографии поэтов. Указаны также даты создания стихотворений, что окажет добрую услугу литературоведам.

Составители проделали огромную работу, отобрано, классифицировано, вычитано около одной тысячи произведений 86 авторов, для которых написано столько же биографических справок. А сколько книг пришлось искать в разных библиотеках и прочесть их! Надо учесть, что некоторые источники стали библиографической редкостью. Все это делает честь издателям и составителям антологии, значение которой трудно переоценить.

Хорошо, что антология разошлась по всем школам и учебным заведениям республики бесплатно. Получили авторы и свои экземпляры. При моем участии три десятка экземпляров достались и черкесским школам в КЧР.

Вместе с тем, хотел бы выразить одно замечание в адрес издателей, которое с юридической точки зрения, может, и не очень корректно, но все же...

В антологию не вошли произведения черкесских поэтов. Составители формально правы: грант выиграл Союз писателей КБР, составители живут в Нальчике, а черкесы – в КЧР, на берегах других рек. Однако нелишне напомнить, что кабардинские и черкесские дети изучают кабардино-черкесский язык и литературу по одним и тем же школьным учебникам. У адыгов (кабардинцев, черкесов и адыгейцев) культура развеена, как пыль на ветру, по многим странам в разных диаспорах, а внутри России адыги оказались тоже в трех искусственно созданных автономиях. Сейчас есть настоятельная необходимость консолидации этноса, чтобы противостоять угрозам глобализации. Это знают все адыги, но осознают далеко не все. Исходя из задачи консолидации в области языка и литературы, приходится сожалеть, что не вошли в «Антологию кабардинской поэзии», например, стихи М. Бемурзова и М. Нахушева.

Еще одно обстоятельство. Составители не могли не знать, какой спрос будет у этого издания. Его тираж достаточен для КБР, но он далеко не достаточен для адыгов, проживающих в КЧР, АР, Моздоке, в Краснодарском крае, Шапсугии, не говоря об огромной зарубежной диаспоре, получившей возможность читать и писать на родном языке. Автор, видимо, не в курсе, что именно у редакторов антологии больше всего и проявляется такое «внимательное отношение». Учебники, книги регулярно высылаются соотечественникам, издан даже специальный учебник кабардинского языка для них.

Подводя итоги, надо сказать, что «Антология кабардинской поэзии» – издание уникальное, полезное. Она имеет продуманную композицию и хорошее оформление, и ее составители заслуживают много добрых слов за свой подвижнический труд, как говорили раньше, на общественных началах. Составителей и редакторов отдельно можно похвалить еще за то, что они далеко не ограничили количество авторов членами Союза писателей, хотя грант выиграло именно данное творческое объединение. Есть настоятельная необходимость продолжить хорошее дело. Ждут своей очереди поэмы, проза и драматургия. Такие труды обогащали бы нашу художественную культуру.

Клара БАТЧАЕВА,*кандидат филологических наук,**доцент кафедры русского языка КБГСА*

Художественное решение темы депортации народа в балкарской прозе

Тема депортации балкарского народа в национальной литературе, на наш взгляд, недостаточно изучена в современном литературоведении, хотя она всегда вызывала определенный интерес писателей, поэтов, драматургов. Как известно, данная тема в силу политических ограничений долгие годы не могла быть художественно решена.

Особое трагическое наполнение проза получает в годы, последовавшие после реабилитации, когда появилась возможность писать и говорить правду о жестоких годах репрессий. Рассказы, повести, романы, пьесы создавались молодыми писателями и драматургами, с юности испытавшими горечь великой трагедии своего народа. Отсутствие цензорских и прочих препонов, в сущности полная свобода печати позволила создавать многокрасочные и правдивые полотна. За успешно работавшими старейшинами Бертом Гуртуевым, Жанаканитом Залихановым, Миналдан Шаваевой, появляются талантливые, многообещающие имена: Муса Батчаев, Исса Боташев, Ибрагим Гадиев, Эльдар Гуртуев, Алим Теппеев, Зейтун Толгуров.

Наиболее динамичный жанр прозы – рассказ – становится самым популярным повествователем недавнего прошлого горских народов. Многие из них автобиографичны. Все они о недавнем прошлом, пережитом. Конечно, в иных фактографическая достоверность «подавляет» художественность, а очерковый характер многих очевиден. Но в многообразии форм отражения событий и поступков героев все же есть немало удачных и глубоких произведений. Рассмотрим наиболее выразительные из них.

В цикле рассказов Э. Гуртуева о переселении гибель главных героев свидетельствует не только о высоком накале трагизма положения, но и утверждает исключительную стойкость народа, попавшего в беду. Так, в рассказах «Плач одинокой совы» и «Жил отважный капитан» через трагическую гибель своих героев автор приводит читателя к убеждению, что в данной ситуации иного выхода не было. Это касается и «маленького человека» Заурбека из «Разбитого чугуна», у которого невыносимая тоска по раздавленному «Студебеккером» чугунок усугубляется всенародной бедой, выпавший на горный аул. Он не может дышать воздухом чужбины, пить ее воду и решается на исключительно греховный поступок. Он просит Аллаха ниспослать ему смерть и этим избавить от невыносимых страданий. Твердое желание покинуть этот несовершенный мир оказалось сильнее страха. И еще он знал, что никак нельзя склеить разбитый чугунок.

Совсем другого склада «старый могильщик и вынужденный мулла» Кичибатыр из рассказа «Звездочка, погасшая в Сауту». Он не сломлен, не покорен безжалостной судьбой и еще таит надежду найти и покарать убийцу любимой внучки, чью прядь волос хранит в нагрудном кармане.

«Уж помоги мне найти убийцу, – просит он всевышнего. – Найти и покарать. Это же и твоя воля? Вот я и исполняю ее. А то ведь не будет мне покоя на этой проклятой земле...» Теперь он думал только об одном: найти и покарать.

Совершенно иной настрой в серии рассказов, объединенных под названием «Карагач – дерево памяти». Здесь трагизм положения уступает место надежде. Вновь вспоминается раннее названное «иги кьууум» – спасительница нации, негасимая звезда. Это очень важно, потому как люди постепенно стали привыкать к своей беспросветной жизни, что было очень опасно. А потому, как показано в рассказе «Бандитский танец», жители селения Акбулак стали тайно обсуждать слухок, что на праздничном концерте будет нечто неожиданное и интересное для балкарцев.

«Шел восьмой год черному дню, и переселенцы уже мало-помалу стали свыкаться с горькой своей судьбой. А тайная надежда на возвращение, казалось, стала растворяться, отдаляться. Хотя и не умерла.

Она ожила, когда ее разбудил этот балкарский танец. Официально такого народа уже не было... И вот такое потрясение!»

«Переселенческий» цикл карачаево-балкарского рассказа отличается от новелл, написанных по следам событий, уже тем, что в основном эти повествования выношенные, выстраданные, доведенные до высочайшего уровня трагизма. Не удивительно, что и эмоциональный накал в них выше и острее.

Повесть как жанр, посвященная трагическим событиям выселения, несмотря на более степенное развитие сюжетных линий, конечно же, имеет свои «горячие точки», моменты наивысшего накала конфликта, более обстоятельного раскрытия замысла писателя. Среди них выделяются «Забывтые звезды» Мажиды Гулиева; «Беглец» Башира Гуляева; «В ожидании Одиссея», «Ах, ворон, птица скверная» Эльдара Гуртуева; «Лихолетие» Магомета Кучинаева; «Артутай» Алима Теппеева; «Асият» Хасана Шаваева и другие. Несмотря на тематическую общность, каждое из этих произведений отличается художественным своеобразием, степенью документальности, жизненной правдой. Нетрудно в них заметить и пережитое самим автором, его опыт и личные переживания. Но определенный автобиографизм никак не умаляет художественной самобытности произведений.

Особо следует остановиться на произведении Хасана Шаваева «Повесть, найденная в сундуке». Главная героиня – горянка с печальной судьбой – Пильжан, горе которой, тоска по любимому человеку, показана в контексте страданий, связанных с переселением. Перед нами – дневник-исповедь героини своему возлюбленному. Ее записи постепенно обретают форму повести, в которой отражены события и судьбы, крушение светлых надежд. В ходе развития сюжета повесть обрастает все новыми и новыми картинками и персонажами, создавая многоцветную панораму тех грозных лет. По существу, это произведение – не что иное, как воплощение протеста против всемогущества властей, убивших ее мечту, убивших ее судьбу, а также тех, чья вина заключалась лишь в том, что они родились на многострадальной земле Кавказа.

В жанре романа, посвященного памяти выстрадавших лет изгнания, особое место принадлежит крупноплановому полотну «Мост Сират» талантливого писателя Алима Теппеева.

По религиозному толкованию, тонкий мост испытания ведет из чистилища в рай. В романе он олицетворяет сложный жизненный путь целого народа во временном пространстве целой эпохи. В этом поистине панорамном произведении перед читателем проходят самые крупные повороты в судьбе героев, да и всей страны. Здесь и драматические события, связанные с русско-японской войной в начале века, и участие в ней и в последующих грозных событиях наших соотечественников, а также поля сражений Великой Отечественной войны. Выдавший виды герой романа Хамзат, закаленный в горниле самых суровых испытаний, не сломлен и в годы великого народного бедствия в изгнании. Осмысливая события, связанные с кавказской войной, махаджирством, революцией, установлением советской власти на Кавказе, Великой Отечественной войной, депортацией балкарского народа, А. Теппеев избегает героических событий и сцен, обращаясь к жизни обычных тружеников.

«Главный и непримиримый конфликт романа, – пишет З. Толгуров, – это противостояние личности и власти. Автор шаг за шагом раскрывает причины, породившие эти противоречия. На поставленный вопрос дает исчерпывающий ответ судьба, поступки, миропонимание Хамзата и его сына».

Один из отрицательных героев романа – Шоштар – явный враг не только Советской власти. Он – носитель мыслимых и немыслимых человеческих пороков. При всей своей изворотливости, коварстве и хитрости он обречен, и кара его необычна. Шоштара не изблачивают, не предадут всеобщему позору. От него просто отворачиваются. Изгоняют из общества, обрекая на роковое одиночество. Эта страшная кара приводит Шоштара к сумасшествию.

Этот конфликт стимулируется не внешней динамикой событий, а напряжением страстей и характеров, выявляющим глубокие социальные противоречия эпохи. Правдивость фона, массовых сцен, деталей также способствуют воссозданию всей драматической сложности эпохи. А. Теппеев показывает диалектическое единство человека и времени через сложнейшую философско-психологическую категорию памяти.

Можно с уверенностью сказать, что анализируемые выше произведения заполнили вакуум, созданный замалчиванием темы, которая не годы даже – десятилетия была отнесена к запретным или, в лучшем случае, нежелательным, а потому и рискованным. Отсюда особый интерес к ней, выражающий обостренное чувство уважения к человеческому достоинству и гражданскому авторитету литературы, к мужеству, честности, совестливости писателя, то есть ко всему тому, из чего складывается объемное многомерное понятие правды жизни, правды искусства.

Стремление осознать место человека в обществе, в исторических процессах, глубже понять и постичь проблемы сегодняшние сквозь призму проблем истории народа обнаруживает общность нравственно-этических категорий в творчестве Э. Гуртуева, М. Кучинаева, А. Теппеева, З. Толгурова и других балкарских писателей.

Дорогие абитуриенты!

Сегодня многие из вас делают, пожалуй, самый ответственный выбор в жизни – выбор будущей профессии. Он определит не только вашу карьеру на многие годы вперед, но и жизнь, и поэтому нельзя подходить к нему, руководствуясь сиюминутными соображениями. В разное время одни профессии становятся престижными, а другие нет. Но вы выбираете не моду, а свою судьбу. Поэтому при выборе профессии думайте не только о друзьях, поступающих на тот или иной факультет, или модных тенденциях на вузы и специальности, а, прежде всего, о своем будущем, которое зависит только от вас.

Образованность, знания ценились во все времена, а в век информации и сложных технологий они приобретают особое значение. В настоящее время полностью реализовать себя может только человек, имеющий качественное образование. И такое образование вы сможете получить в нашем университете – крупном образовательном, научном и культурном центре региона, одном из современных вузов на юге России.

Набор студентов в СГУТиКД в 2009 году проходит в процессе подготовки к проведению Зимних Олимпийских игр 2014 года в г. Сочи. Перед университетом и, конечно же, студентами, обучающимися в нем, открываются огромные перспективы. Обучаясь в олимпийской столице, вы сможете принять участие в реализации планов по подготовке и проведению Зимней Олимпиады 2014 года. Сочинский государственный университет активно включился в решение олимпийских задач и в 2009 году предлагает обучение по 27 специальностям высшего профессионального образования, каждая из которых будет вносить свой вклад в подготовку кадров для Олимпиады. Наши студенты принимают активное участие в волонтерском движении при подготовке Олимпиады–2014, что позволяет уже сейчас примкнуть к олимпийским проектам еще на стадии их формирования.

Даже беглое знакомство с анкетами абитуриентов позволяет сделать вывод – к нам приходит талантливая молодежь. Это подтверждает хорошую репутацию Сочинского университета как образовательного учреждения, в котором учиться престижно и перспективно. Образование, полученное в Сочинском государственном университете туризма и курортного дела, позволяет молодым специалистам найти применение полученным знаниям в разных сферах жизни, занимать руководящие должности и добиваться больших успехов в своей профессиональной карьере.

Каждый человек способен стать кузнецом своего счастья. Надо только сознательно запрограммировать себя на удачу и успех. Обязательно планируйте свой путь к достижению цели и старайтесь выполнять все намеченное. И тогда у вас все получится!

*Галина Максимовна Романова,
ректор СГУТиКД, доктор экономических наук, профессор,
президент Ассоциации ученых ЮФО*

**Исмаил ШАБАЕВ,
Сакинат АБАЕВА**

Проблемы морали в творчестве Шаваева (Абайханова) Даут-Хаджи

Роды Шаваевых и Абайхановых выражают величайшую благодарность Малкандуеву Хамиду Хашимовичу за его титанический труд по восстановлению имени одного из величайших поэтов, просветителя, общественного и духовного деятеля карачаево-балкарского народа Шаваева (Абайханова) Даут-Хаджи.

В истории человеческого общества проблемы морально-этических норм человеческого общежития выходили на передний план, начиная с возникновения частной собственности и обострения отношений между людьми, в особенности между богатыми и бедными.

До возникновения сильного централизованного государства, которое берет на себя функцию защиты человека, эти отношения регулировались морально-этическими нормами, которые с древнейших времен разрабатывали выдающиеся философы, опираясь на авторитет религии.

Мировые религии объединяли людей независимо от этнических, языковых или политических связей. Таковы они и сегодня.

Одной из величайших мировых религий является Ислам. Основа Ислама – откровения, которые пророк Мухаммат получил от Бога, общее название этих откровений – Коран.

В Коране даны и предписания, регулирующие поведение людей и отношения между ними. Эти предписания характеризуются полнотой, конкретностью и однозначностью. Они послужили основой выработки обычаев и традиций, опираясь на которые, объединялись различные племена, образуя единое сообщество. Это относится не только к мусульманству, но и к другим религиозным конфессиям. Что касается карачаевцев и балкарцев, то они после нашествия Тимура на Кавказ и разгрома армии Тохтамыша, были уничтожены. Остались только небольшие группы, скрывавшиеся в лесах и недоступных ущельях гор.

Разрозненные группы не смогли сохранить свою религию, объединяющую людей в единое сообщество, а потому стали язычниками. Не имея своей государственности, своей религии, люди превратились в варваров, которые грабили и убивали друг друга.

Просвещенные представители народа понимали необходимость объединения людей для того, чтобы прекратить вражду и внутренние раздоры между людьми и противостоять внешним врагам. Такое средство они увидели в Исламе.

Одним из таких представителей карачаево-балкарского народа был Шаваев (Абайханов) Даут-Хаджи. Он родился в 1800 г. В возрасте 12–

13 лет после окончания двухгодичных курсов медресе в селении Эльтюбю вместе с четырьмя мальчиками бежал от родителей в Дагестан. Его друзей вскоре догнали родственники и вернули домой. Он же добрался до г. Темирхан-Шура (ныне г. Буйнакск) и поступил на учебу.

О годах, проведенных в Дагестане, он писал:

*Сохталаны ичинде
Мен игиге саналдым.
Къумукъ эфендиледе
Уллу шуёлхукъда къалдым,
Ёз балаладан сыйлы
Кёрдоле мени ала.
Сыйлы Шамгъа, Меккагъа
Хаджи къылгъа алдыла.*

*Среди учеников
Лучшим считался.
И моих учителей
Удостоен был дружбы большой,
Больше свих детей
Полюбили меня они,
Для совершения хаджа
Взяли с собой в Мекку.*

(подстр. перевод)

Как видим, талант и упорство молодого человека проявились с молодых лет, и это заметили и оценили его учителя.

Путь в Мекку оказался очень опасным и трудным – его спутники умерли в пути, и он остался один. Как он выжил в этих условиях, приходится только предполагать.

Тем не менее, в пути он встречал и добрых людей, которые пускали его на ночлег, помогали чем могли. Ему удалось добраться до Мекки и совершить Хадж. В Аравии он находился более 12 лет. По утверждению народного поэта КБАССР Саида Шахмурзаева, которому было 8 лет, когда умер Дауут-Хаджи (1892), и который был его первым учителем, окончившим Каирский университет, – в Дагестане и на Арабском Востоке он пробыл всего 18 лет. Но зов предков, родной земли, заставили его искать возможность вернуться на родину.

Обратный путь оказался не менее трудным. Для того чтобы заработать средства на дорогу он нанялся на один год пасти верблюдов. На заработанные средства вернулся домой. По рассказам стариков, первым человеком, получившим сан Хаджи в Чегемской общине, был Дауут-Хаджи. Он открыл школу (медресе) и начал обучать детей арабскому языку, религиозным канонам, знакомить с Восточной культурой (с собой он привез литературу). Однако, очевидно, люди с трудом воспринимали культурные ценности Востока, чуждые для них. Он начал писать стихи, поэмы на восточные коранические сюжеты на карачаево-балкарском языке арабскими буквами.

Свою поэму «Тахир и Зухра» он начинает следующими словами:

*Бу таурухну эшитдим
Эдилни жагъасында
Ногъай бла къумукъда
Бахчасарай къалада*

*Эту повесть услышал я
На берегах Эдила (Воли),
В ногайских степях, в Дагестане
И в замке Бахчасарай.*

*Бир эшитген затымы
Мен жыр халгъа тиземе
Ачы болсада таурух
Аны халкыгъа береме.*

*Мною услышанную повесть
Излагаю я стихами.
Эту горькую историю
Открываю своему народу.*

(подстр. перевод)

Эти строки люди заучивали наизусть и, таким образом, распространяли среди народа. Многие стихи и поэмы записаны Хамидом Малкандуевым в беседах со стариками, которые помнили их наизусть. Творчество Дауут-Хаджи сыграло громадную роль в просвещении народа, в распространении Ислама, его канонов и этических норм, данных в Коране.

Дауут-Хаджи понимал: чтобы объединить народ, необходимо внедрить в сознание людей каноны Ислама. Поэтому в своем творчестве, на примерах образа жизни пророков, он показывает образцы добродетельной жизни, их отношение к людям, независимо от их социального и материального положения.

Он пишет:

*Жюрюген таурухладан
Жазылган китапладан
Эшитген, билген затымдан,
Айтайым файхамбардан*

*Расскажу о пророках
Из легенд, что я слышал,
Из услышанного и узнанного,
Из прочитанных книг.*

(подстр. перевод)

Основная часть его стихов и поэм написана в форме зикиров, ибо в такой форме легче воспринимается слушателями и легче запоминается.

В Карачае и Балкарии, как и среди других народов, у которых была государственность, особо остро стоял вопрос вражды между богатыми и бедными.

Вообще творчество Дауут-Хаджи представляет собой синтез поэзии Востока, философии, теологии, закладывающий основы нового мировоззрения. Он утверждает, что человек имеет двоякую – смертную и бессмертную – природу, что он есть среднее и потому является тленным и нетленным, и потому имеет двоякое предназначение. Одно из них достигается в здешней земной жизни и заключается в проявлении собственной добродетели, другая достигается лишь посмертно и при содействии божественной воли. По мнению автора, вторая жизнь зависит от поведения и деяний в земной жизни, и исходя из его добрых и недобрых деяний определяется его место во второй жизни.

Для того чтобы быть награжденным, необходимо вести себя в земной жизни в соответствии с теми морально-этическими принципами, которые изложены в Коране.

А затем в поэме «Пророк Сулейман» описывает трагическое положение народа, забывшего свои обычаи и традиции, в результате чего в обществе творятся страшные преступления. Для того чтобы обществу

выйти из этого состояния, необходимо, чтобы его граждане соблюдали определенные морально-этические принципы. Даут-Хаджи излагает эти принципы, которые нашли свое отражение и в сурах Корана.

Художественное и поэтическое достоинства творчества Даут-Хаджи оценят специалисты. Наша же задача – постараться проанализировать морально-этические принципы, пропагандируемые в его творчестве, их значение в процессе становления этого народа.

Проанализировать в этом плане все творчество в одной статье невозможно, а потому мы постарались это сделать на основе анализа поэмы «Думы старого Шауая» и некоторых зикиров.

Народ потерял после нашествия Тимура не только свою духовную культуру, но также и лечебную. Различные болезни «косили» людей, а лечить их было некому. Даут-Хаджи видит это и, для того чтобы помочь своему народу, отправляется на Восток учиться. На этот раз он едет в Багдад. Заканчивает там медицинский факультет Багдадского университета и становится общепризнанным врачом не только в пределах Карачая и Балкарии, но и на всем Северном Кавказе.

Для своего времени он был самым образованным человеком в социально-философском осмыслении сущности исламской духовно-нравственной культуры – Корана. Даут-Хаджи владел арабским, персидским, турецким и русским языками. Знание этих языков расширило диапазон его мышления и культуры, ибо он читал в оригинале произведения арабских, персидских, тюркских поэтов и писателей. Особенно большое влияние оказали на него произведения Хаджи Ахмата Ясауи.

Его зикиры не только поучительны, они являются религиозно-философскими шедеврами. В них он рассматривает социально-философские и нравственно-этические проблемы в контексте развития духовной культуры карачаево-балкарского народа.

Шаваев Даут-Хаджи тоже не лишен был дара провидца. Глубокая философия, тонкое поэтическое чувство давали возможность в меру своего таланта выразить это в стихах.

*Ахьрзаман дуня кьаршы болгъанды,
Бу заманланы ангьларыкь адамды.
Тау ичне темир арбала кирирле,
Башыгъызда темир кьушла кьрюнюрле.
Суу тьобюнде темир кемеле жьюзерле,
Суу кьауданча жанганын кьрюрле.*

*Ждут человечество перемены большие.
Все разум его лишь способен понять.
Нас ждут перемены, нам жизнь изменяя,
Где арбы железные въедут в ущелья,
Проедут по горным аулам,
Где птицы железные над головами
Покажут дорогу по небесам.
Корабли под водой проплывут,
Как хворост, обьята будет пламенем
студеная, холодная вода.*

(подстр. перевод)

О каких кораблях, самолетах, машинах мог знать его народ в начале XIX века. И железо-то он слабо себе представлял. И сегодня, конечно, мы, его потомки, увидели это, и привыкли к этому. Да еще как!

Прекрасно образованный Даут-Хаджи был известным учителем в горных аулах, у которого были хорошие ученики, т. е. последователи.

Он был шейхом, и его могилу посещали многие паломники.

Религиозная поэзия Шаваева Даут-Хаджи – это ярчайшие страницы карачаево-балкарской литературы. Глубокая философия, человеческий разум, высокая культура и интеллект передаются в его трудах. В его стихах, зикирах мы видим призыв к слову божьему, что не родился на земле человек, который остался жить вечно на ней, а следовательно он не может забыть об этом. И все трактаты призывают не забывать о слове божьем, значит, не совершать греховных поступков, которые могут опорочить его светлое имя, за что бы он когда-то отвечал. Это призыв к чистой, порядочной, безгрешной жизни. И вся его деятельность это дар живущим.

Многие произведения Даут-Хаджи – это описание Восточных традиций, и они все опираются на утверждения Корана. Религиозно-философские поэмы раскрывают его взгляды на жизнь, на то, как человек и время противостоят друг другу, как жизнь и смерть идут параллельно. Поэта, конечно же, беспокоит обманчивость мира, и что мир – это две ветви одного дерева, он белый и черный. И это неизбежность.

*Кьолумдан келсе эди
Бу дунягьа келмезем,
Умутум толса эди,
Бу дунядан кетмез эдим.*

*Была бы воля моя,
Не пришел бы в этот мир.
Исполнилась бы воля моя,
Не ушел бы в иной мир.*

(посдстр. перевод)

Даут-Хаджи, талантливый поэт, глубоко ценил морально-этические устои Востока, и в своих произведениях он мастерски раскрыл их религиозную лирическую суть, их философское направление.

Рассматривая его жизненный и творческий путь, мы взяли лишь некоторые факты. И наш долг – раскрыть творческое наследие великого поэта, мыслителя, философа и религиозного деятеля, чтобы оно нашло достойное место в карачаево-балкарской литературе.

Анатолий ШАРДАНОВ,

*кандидат философских наук,
директор МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика;*

Николай МАДЯНОВ,

*кандидат географических наук,
заместитель директора МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика*

Исследовательская деятельность как способ формирования ключевых компетентностей школьников в МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика

На вопрос, как ученикам преуспеть, Аристотель отвечал: «Догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто сзади». Спустя века, это изречение не утратило своей актуальности. И сегодня, чтобы найти себя в жизни и достойно реализоваться, необходимо обладать лидерскими качествами, уметь работать в команде, гибко воспринимать перемены, быстро и адекватно реагировать на них, быть способными учиться всю жизнь, а главное – не останавливаться в своем развитии. Эти качества в последние годы стали определять как «ключевые компетенции».

В соответствии с «Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года» одна из функций образовательного учреждения – «обеспечение самоопределения, самообразования, саморазвития личности ученика через создание благоприятных педагогических условий для ее творческой, личностно-ориентированной самореализации».

Современному обществу нужен выпускник, самостоятельно и критически мыслящий, умеющий видеть и творчески решать возникающие проблемы.

Характерной особенностью образования XXI века должна быть его нацеленность не только на изучение налично-сущего, но и на создание новых смыслов и артефактов культуры, на познание того, что может возникнуть, что только-только становится.

Новая модель образования, таким образом, предполагает, с одной стороны, нацеленность на формирование таких условий, которые позволяют создавать креативный потенциал социума, а с другой – формировать самоопределяющуюся личность, которая будет легко адаптироваться и мобильно действовать в условиях широкого спектра перемен, многовариантности будущего.

Вот почему педагогический коллектив МОУ «СОШ № 6» с 2004 года работает над общешкольной методической темой ««Проективно-личностная модель образования как средство повышения результативности учебно-воспитательного процесса»».

В рамках этой темы нами была принята подпрограмма «Создание оптимальных условий для саморазвития учащихся через учебно-исследовательскую работу». Справедливости ради надо отметить, что научно-исследовательской работой учащиеся МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика занимаются с 1999 года. И наша общешкольная методическая тема дала новый толчок развитию школы. Кроме того, с 2000 года школа функционирует в режиме республиканского эксперимента по освоению предпрофильного обучения. Все это расширяет возможности и создает дополнительные условия для обучения одаренных детей. Вариативная часть учебного плана, представленная достаточным количеством спецкурсов, элективных курсов предпрофильного обучения, позволяет реализовать запросы социума, осуществлять углубленное изучение отдельных предметов, создает пространство для выбора профиля обучения на старшей ступени профессионального самоопределения.

Современная образовательная парадигма ставит в центр внимания не процесс преподавания, когда ученику преподносится максимальное количество готовых знаний, а процесс познания, ориентирующий его на самостоятельный поиск, исследование, открытие, деятельность. В сложившейся образовательной ситуации основной проблемой каждого члена педагогического коллектива нашей школы является создание творческой среды, обеспечивающей поддержку и развитие способностей учащихся. Важно понять, что не каждый человек, тем более ученик, способен реализовать свои способности. В связи с этим возрастает роль педагога как организатора совместной творческой деятельности.

Приобщение учащихся к учебно-исследовательской работе – это не дань моде, а один из способов активизации саморазвития ребенка: самореализация, самовыражение, самоутверждение. Организация учебно-исследовательской работы, поисковой деятельности школьников – одно из приоритетных направлений научно-методической работы школы. Главная проблема заключается в том, чтобы подготовить учащихся к научной деятельности, прививать интерес к исследовательской работе, а также обучать навыкам самостоятельной работы с различными источниками информации, приборами и оборудованием, проводить опыты и эксперименты.

Учебно-исследовательская работа может стать активным фактором, влияющим на развитие личности ученика, повышение качества образования. С этой целью в школе было организовано научное общество учащихся (НОУ). Мотив создания НОУ – выявление и поддержка одаренных детей, развитие их интеллектуальных, творческих способностей, поддержка исследовательской деятельности учеников. Научное общество учащихся – это добровольное творческое объединение учащихся, стремящихся совершенствовать свои знания в определенной области науки, учебного предмета, развивать свой интеллект, приобретать умения и навыки исследовательской деятельности под руководством научных работников, педагогов, других специалистов.

В НОУ вступают ученики, изъявившие желание заниматься исследовательской работой. На начальном этапе организации научного общества

разработано Положение о научном обществе учащихся, Устав НОУ. Из числа самих учащихся, в основном из старшеклассников, выбран Совет НОУ. Все учащиеся, вошедшие в состав Совета НОУ, имеют некоторый опыт исследовательской работы, являются активными участниками различных научно-практических конференций, конкурсов, предметных олимпиад.

Работа научного общества учащихся ведется по следующим основным блокам:

1-й блок

– содержание работы предметных научных секций, подготовка к научным конференциям.

2-й блок

– познавательно-коммуникативная работа – формирование исследовательской мотивации (желание искать и осмысливать информацию и передавать ее другим):

- библиотечные уроки «Как работать с научной литературой»;
- урок «Как оформить исследовательскую работу»;
- обсуждение исследовательских работ на заседании секций;
- анализ выступлений «Роль речевых умений в представлении исследовательской работы».

3-й блок

- учебно-исследовательская деятельность – работа секций:
- задания экспериментального и исследовательского характера, которые выполняют учащиеся в рамках своих тем;
- посещение научно-исследовательских институтов, научных учреждений, лабораторий.

4-й блок

- творческая деятельность:
- подготовка и проведение конкурсов, викторин, вечеров.

В течение учебного года членами НОУ ведется целенаправленная агитационная работа среди школьников, консультации по оформлению работ учащихся, идет подготовка к проведению научно-практических конференций. С этой целью в этом учебном году в школе введен элективный курс «Методология научного исследования».

Участие в научно-практических конференциях зачастую мотивирует успешность каждого ученика. Стало хорошей традицией участие наших учеников в республиканских и всероссийских конференциях «Шаг в будущее», «Сигма», «Чтения памяти В.И. Вернадского», «Моя малая Родина» и др., где их работы отмечаются грамотами и дипломами.

Только в текущем году более 30 учащихся стали победителями и призерами городских, республиканских олимпиад и конференций. Двое учащихся (Максим Коротков – 2008 г., и Марьям Махиева – 2007 г.) по итогам всероссийской олимпиады школьников «Созвездие» стали стипендиатами президента РФ.

Наши учащиеся приобщаются к научно-исследовательской работе не только в старшем звене, но и на средней ступени обучения. Это наш потенциал, залог жизнеспособности нашего научного общества.

Отрадно, что число докладов, представляемых на региональных и республиканских турах конкурсов растет из года в год, значительно расширяется также спектр научных интересов учащихся.

Следует отметить и высокий уровень ученических работ: выдержанную стандартную структуру текстов докладов, методологическое обоснование тем, качественное и подробное изложение материала, теоретическое обоснование проблем, достаточное описание практических исследований, анализ экспериментов, опытов, убедительные и достоверные выводы. В результате систематически жюри и конкурсные комиссии отмечают, что уровень научности работ учащихся максимально приближается к вузовскому.

Сотрудничество школы с вузами, научно-исследовательским институтом гуманитарных исследований, республиканским центром научно-технического творчества учащихся, эколога-биологическим центром переходит в традицию. Одним из направлений работы, укрепляющим связи с вышеназванными заведениями, является включение учащихся в науку через спецкурсы, читаемые высококвалифицированными специалистами.

Связь с учеными позволила выйти на качественно новый уровень творчества учащихся и, как уже было отмечено, успешно принимать участие во всероссийских и республиканских научно-практических конференциях, конкурсах. Одним из направлений работы, укрепляющим связи с высшими учебными заведениями, является участие школьников в студенческой научно-практической конференции КБГСХА.

Выступление перед взрослой аудиторией для учеников, привыкших отвечать у доски, – дело серьезное, ответственное. Умение выступить, подавать материал, расположить к себе членов жюри, заинтересовать слушателей выбранной темой, в какой-то степени убедить их своими исследованиями, – это тоже культура общения, овладение которой может стать самоцелью для некоторых участников.

Высокая результативность выступлений учащихся на различных олимпиадах, конкурсах, конференциях и турнирах – главный показатель внеурочной и индивидуальной работы наших учителей.

Здесь хочется отметить наших учителей – Попову Л. И., Караеву (психолога школы), Тетуева А. М., Маркину И. П., Половинкину Р. В., Мамаеву А. У., Ермолаеву Т., Локьяеву Ж. М., Парфенову Е. П., подготовивших победителей и призеров различных конференций и олимпиад в этом учебном году.

Известно, что уровень активности в любом виде деятельности определяется мотивом. Под влиянием мотива человек принимается за выполнение определенного дела, в процессе которого мотив смещается на цель деятельности. Очень важно, чтобы ученик испытывал внутреннюю потребность и мотивацию в совместном творческом труде.

Понимая особую роль исследовательской деятельности в развитии познавательной мотивации учащихся, наша школа накапливает методический опыт организации работы с одаренными детьми.

«В мире культуры и философии»

(из книги доктора философских наук В.А. Гетегежева)

Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.)

Греческий философ. Идеи Сократа известны из трудов его ученика Платона. Согласно Сократу, истинное знание следует искать путем постановки вопросов и дискуссий. Беседуя со своими учениками, он создал методику обучения, основанную на системе наводящих вопросов – так называемый сократовский метод.

Платон (Аристокл) (ок. 427–347 гг. до н. э.)

Все материальные объекты суть отражение «идеальных форм», существующих и не изменяющихся во времени и пространстве мира. Знание идеального запечатлено в нашем мозгу с рождения, а позднее – процесс раскрытия этих знаний. Его учение послужило основой множества последующих философских дискуссий.

Аристотель (384–322 до н.э.)

Греческий философ. Аристотель полагал, что единственный мир, в реальности которого человек может быть уверен, – это тот, который его окружает. Все явления обладают двумя качествами: материей и формой. Форма организует материю в узнаваемые предметы. Только Бог существует как «идеальная нематериальная форма».

Св. Августин из Гиппона (354–430 гг. н.э.)

Родился в Северной Африке. В своем учении он соединил *идеи*, господствующие в то время, с *положениями раннего христианства*. Его учение послужило основой для христианской философии средневековья, особенно протестантского вероучения.

Св. Фома Аквинский (ок. 1227–1274 гг.)

Итальянский философ. Опирался в своем учении на незадолго до того ставшие доступными переводы трудов Аристотеля. Полагал, что мы получаем все знания о реальном мире через наши органы чувств. Соединение христианства с философией Аристотеля сделало его труды основой католической доктрины о том, что *вера и разум* не противоречат друг другу.

Рене Декарт (1596–1650)

Французский философ. Родоначалник современной (Нового времени) философии. Он предложил систему познания, основанную исключительно

на способности *рассуждать*. По Декарту, душа и тело – отдельные субстанции (теория дуализма), и Бог вкладывает в наш мозг идеи, которые мы заново открываем с помощью разума.

Он писал: «Все науки настолько связаны между собой, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих». Главный вклад Декарта в философию – это развитый им метод научных размышлений.

Джон Локк (1632–1704)

Английский философ считал, что разум человека при рождении – это чистый лист, а все идеи приходят к нам в результате восприятия. Подразделял идеи на простые и сложные. Простые воспринимаются пассивно, например идея камня, дома и т. д.

Сложные идеи складываются из простых и являются продуктом работы воображения, например, идеи чести или справедливости. Локк утверждал, что его философия представляет собой путь к Богу.

«Девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются теми, что они есть – добрыми или злыми, полезными или бесполезными – *благодаря воспитанию*».

Бенедикт Спиноза (1632–1677)

Нидерландский философ. Утверждал, что Творец (Бог) и его творения суть одна субстанция. Это означает, что душа и тело не могут быть разными субстанциями. Бог и природа – два модуса или проявления единой бесконечной субстанции.

«Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать!»

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)

Последний из великих представителей *рационализма*. Утверждал, что существует два типа истины: истина рассуждений и истина факта.

Утверждение может быть истинным, если оно обладает внутренней логикой («аналитическое» утверждение) или если оно имеет отношение к внешним фактам, реальным и поддающимся проверке («синтаксическое» утверждение).

Далее он утверждает: «Каждая субстанция с точностью выражает сущность всех остальных в силу существующих между ними связей».

Лейбниц – философ, физик, математик, техник, языковед, логик. Лейбниц независимо от Ньютона открыл дифференциальное исчисление.

Основной вклад Лейбница в философию – это его учение о монадах, единичных сущностях, обладающих духовной и творческой энергией.

Слова Лейбница можно расценить как гимн символизму: *в одном дан весь мир*. Как-то Лейбниц выразился, что нельзя уничтожить одну пылинку, не уничтожив при этом весь мир.

Джордж Беркли (1685–1753)

Ирландский философ, епископ ирландской церкви. Утверждал, что *внешний мир существует только в нашем восприятии и мышлении*. Следовательно, чтобы вещи существовали, необходим кто-то, кто их воспринимает. Но поскольку предметы продолжают существовать независимо от того, воспринимает их кто-либо или нет, должно быть некое вездесущее воспринимающее существо. Таким образом, весь внешний мир – это идея, существующая в сознании Бога.

Дэвид Юм (1711–1776)

Английский философ. Использовал рассуждения Беркли как основу для учения *скептицизма*. Поскольку мы не можем знать, существует ли в действительности материальный мир, то мы ни в чем не можем быть абсолютно уверены. Юм подверг сомнению как существование Бога, так и объективный характер идеи причины и следствия. Тем не менее Юм признал, что человеческая жизнь все-таки существует.

Иммануил Кант (1724–1814)

Немецкий философ. Канта считают величайшим философом XVIII в. Он выступил с критикой как рационализма, так и эмпиризма. Утверждал, что ощущения обрабатываются в нашем *мозгу*, в результате чего мы обретаем опыт. Люди способны познавать только то, что воспринимают их органы чувств. Другие формы, например Бог, могут существовать, но мы лишены возможности их познания.

«Обязанность говорить правду... это безусловная обязанность, которая имеет силу во всяких отношениях».

К концу XVIII столетия философия не стремилась решить все загадки мироздания. Философов все больше увлекал анализ процессов мышления, изучение того, как наше отношение к окружающему миру влияет на понимание происходящего в нем, ограничивая *объективность*.

Георг Гегель (1771–1831)

Немецкий философ. В противовес Канту Гегель считал, что все существующее постижимо для *разума*. Он рассматривал историю как рациональную, доступную для понимания структуру, которая содержит в себе все и в процессе разрушения и созидания стремится к достижению высшего состояния – *абсолютной идеи*. История – это процесс борьбы противоположностей и развития (диалектический процесс), делающий действительность все более рациональной, постижимой для разума.

«Философия – есть современная ей, постигнутая в мышлении».

Главное содержание (он сумел создать энциклопедию философских наук), которой составляет *диалектика идей*.

Карл Маркс (1818–1883)

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить».

Вклад Маркса в философию определяется проведенной им трансформацией гегелевской философии в диалектический и исторический материализм. То есть гегелевскую концепцию диалектического развития использовал для интерпретации всех исторических изменений как результата действия материальных (экономических) сил. Он назвал этот процесс диалектическим материализмом, основанным на «научных» законах развития.

Фридрих Ницше (1844–1900)

Немецкий философ. Отрицая общепринятые *нравственные ценности*, выдвинул концепцию *сильной личности «сверхчеловека»*. Ницше превозносил искусство как высшее проявление человеческой деятельности. Учение было извращено нацистами, использовавшими его в своих целях.

Жан-Поль Сартр (1905–1980)

Французский философ. Утверждал, что в мире *ненужной* свободы, не имеющей никакой видимой цели, мы должны создавать себя сами, формулируя собственные ценности. Мы делаем это *постоянно*, совершая или избегая совершать *выбор*.

Серен Кьеркегор (1813–1855)

Датский философ. Он отвергал гегелевскую философию исторической неизбежности, противопоставляя ей главенство индивидуального опыта.

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

Австрийский психолог и психиатр, основатель *психоанализа*. Согласно его теории психологического развития, индивиду свойственно вытеснять тревожащие воспоминания, связанные с ранним действием. Рассматривал психическую деятельность как совокупность трех движущих сил, часто вступающих в конфликт друг с другом. Это бессознательное «оно», более рационалистическое «я», или «эго» (возникает в двухлетнем возрасте), и «сверх-я» (суперэго), связанное с понятиями нравственности и взаимоотношениями с людьми.

Людвиг Витгенштейн (1889–1951)

Австрийский философ. Витгенштейн утверждал, что подобно тому, как краски изображенного на картине пейзажа отражают реальность, так и язык описывает мир с помощью логических форм – *слов*.

СЛОВО В ЗАЩИТУ МУДРОСТИ

Некоторые исследователи духовной культуры народов Северного Кавказа неосознанно, исходя из сциентических установок или желая возвеличить собственный народ, вольно обращаясь с текстами и мыслями своих предшественников, объявляют мыслителей (софосов, мудрецов), вышедших из среды собственного народа, философами. При этом интуитивно предполагается, что мудрец по своему уровню и статусу ниже, чем философ, и что последний выше качеством и изрекает истины более высокого порядка.

На самом же деле такое предположение ошибочно. И вот почему: великие пророческие футурологические истины произносятся мудрецами (Индия), пророками (евреи, арабы), святыми старцами (Русь), стариками-софосами (Кавказ), философами (Эллада). Появление на исторической арене того или иного мыслителя, манера его поведения, стиль мышления – все это во многом зависит и от того, из какой среды он вышел. Мыслитель (а под ним мы понимаем всех субъектов духовного производства: и мудрецов, и софосов, и пророков) во многом повторяют культурные клише, традиции своего народа. Он не может резко покинуть, «выпрыгнуть» из культурного пространства собственного народа. (Характерным примером является трагический конец Анахарсиса – собственный народ его не принял.) Все мысли, стиль мышления любого мыслителя подготовлены предшественниками. Он рафинирует ментальность своего народа. Культурные прорывы клише мышления собственного народа, великие духовные озарения того или иного мыслителя воспринимаются современниками сначала как нонсенс, исключение из правил (поначалу Христос – отщепенец). Но в любом случае мыслители воспринимаются этносом сокровищами нации. Правильнее будет, если мы будем именовать их культурными героями народа.

В ценностном измерении «стоимость» продукта, созданного мыслителями, ничуть не ниже (если не выше!) труда философов. И потому, по нашему мнению, не нужно их за уши притягивать к философии. Нет необходимости оригинального мыслителя искусственно, приписывая ему то, о чем он и не думал, превращать в «бледного», неоригинального, заурядного философа. Лучше и вернее будет, если мы будем внимательнее вглядываться, вслушиваться в голос его художественного выражения, в его словообразы.

Незаурядные представители этноса, значительные личности являются как бы пророками в своем отечестве, наставниками, лидерами. Их заслуги

признаются при жизни. В ментальности таких мыслителей и философов присутствуют такие элементы мышления как эмпиризм, рационализм, консерватизм, революционное пророчество, пролонгирование сегодняшних идей и форм жизнеустройства в будущее, смелое, безудержное, фантастическое прогнозирование будущих событий.

Вместе с тем, мы ясно осознаем, что между такими мыслителями и философами имеются различия. Так, мыслитель говорит, исходя из своего опыта и опыта своего народа, – от имени своего народа. Но он не националист, потому что он видел или слышал о достижениях соседей. Мудрость предков, традиции оберегают его от ксенофобии. Философ же говорит от имени всей Земли, от имени рода человеческого – он мыслитель жизни.

Мыслитель изрекает истины в форме народных словообразов, философ же оперирует категориями разума, выработанными как им, так и учеными, его предшественниками. С рационалистической точки зрения истины таких мыслителей суть не больше, чем протофилософия или элементы предфилософии. И это верно потому, что символизм мышления здесь правит тотально и авторитарно всем и вся.

Такого рода мыслители прямо и непосредственно связаны с жизнью, с действительностью. Они живые участники происходящих событий, субъекты истории этноса. Философы же связаны с миром опосредованно, через ученые тексты. Они большей частью дистанцируются от власти и являются кабинетными учеными. Мыслители первого порядка лавры уважения и почета могут получить и при жизни (как Солон). Имя и величие личности философа осознаются его потомками лишь спустя время после его смерти, так как для проникновения в глубину смысла творения философа необходима соответствующая культурная подготовка. Чаще всего гениальное озарение мыслителей суть порождение их мучительных личных поисков смысла жизни. Здесь все, что делалось подвижнически-приватно со временем объявляется всеобщим рецептом поведения этноса, моральным кодексом, идеалом. Мудреца могут объявить мессией, спасителем человечества. Философы же не желают, не хотят и не претендуют на святость своей персоны. Они тоже размышляют о спасении мира, людей и души. Философы являются такими же футурологами. Но они, в отличие от мыслителей, не дают единых, безапелляционных рецептов движения к будущему, тем более, спасения человечества.

Философы – манифестанты торжествующего разума, мыслители же – манифестанты веры, авторитета или власти традиций рода, племени или общих решений данного этноса. Мыслитель занят, скорее всего, обустройством своего народа в этом и ином мирах. Философы же – постоянные деконструктивисты, граждане Вселенной, бунтари духа. От имени разума они жаждут переустроить мир. Деконструктивизм мыслителя часто суть следование новой духовной парадигме мышления, заданной им от масс. Но это еще не философия. Мысли же философа подчас трудноуловимы для непрофессионалов. Они большей частью обращены к

коллегам, специалистам. Философ в своих трудах как бы ведет переписку и оппонирование с собратьями по перу. Это могут быть как современники, так и ушедшие в мир иной, а также и потомки.

По форме мыслитель говорит с соплеменниками на уровне живой речи. Его речь большей частью монологична, чем диалогична. Речь мыслителя искрится жемчужинами народной мудрости. Они, т.е. пословицы и поговорки, – вершина, итог, резюме его мудрости. Вместе с тем, чувства, эмоции и речь мудреца обрамлены, облагорожены рационализмом, чувственной рефлексией своего этноса. Философ же рефлексировать над мыслями мудрецов. В отличие от философов, мудрецы могут полемизировать с коллегами, но рефлексировать над мыслями философов они не могут потому, что не имеют светского систематического образования. Они не знают духовных концепций всего рода людского.

Мыслитель чаще всего – подвижник, продукт своих собственных исканий, духовный самородок, самоучка, иногда даже неграмотный человек, но с колоссально развитой памятью, не разрушенной логическими фигурами разума.

Общеизвестно изречение: «Во многия мудрости – много печали». Это скорее и больше всего относится к оценке сущности философии, так как она и внешне, и внутренне есть отрезвляющая сухая наука. Мудрость же мыслителя не есть наука, она есть, скорее всего, возвышенная, пассионарная песнь этноса. Мудрость как духовный продукт – это духовная консистенция, состоящая из рациональности, эмпирии, эмоций, веры, проповедей, суггестии и т.д.

Несмотря на все эти различия, между мудростью и философией, мы еще раз подчеркиваем, есть общее. Философия и мудрость, хоть и ценности разного рода, но равноправны. Они на равных правах входят в культурную сокровищницу человечества. Они как бы разноцветные, но одной стоимости драгоценные камни, жемчужины мысли. Мудрость и философия – две формы выражения мысли рода людского. Это две находки, два орудия рода человеческого, которые предназначены для выражения сокровенных мыслей, чувств, эмоций, ментальности того или иного народа. А потому нам, народам Северного Кавказа, не надо стыдиться мыслительных идейных и словесных форм наших предков. Нет необходимости их оформлять под философию. Рамки философии для них тесноваты. Они большего масштаба, чем мыслительные фигуры «сухой» философии, они поводыри, наставники этноса. С конкретным народом они связаны единым ритмом сердцебиения, одним воздухом, пищей, природой, историей и судьбой. Они образцы самоидентификационной формы этноса, знаки его качества, достижения умственного развития народа, его совесть, честь, лицо, авторитет. Своеобразная уникальная национальная окрашенность их мышления и ментальность лишь подчеркивают и возвеличивают представляемые ими этносы.

Если философия сильна своей широтой, глобальной всеохватностью мышления, то мудрость величественна своей глубиной, прозорливостью.

Мудрость идет к нам из глубины веков. Возраст же философии примерно 2500 лет. Возраст же мудрости исчисляется, по самым скромным меркам, 30 000 лет. Разумеется, любую мудрость можно объявить философией в широком литературно-публицистическом смысле слова, что часто делается в средствах массовой информации ради сенсации, удовлетворения честолюбия того или иного народа. Но это научно некорректно. Наука никогда не строилась на угождении массам. Философизация мудрости не ведет к появлению новой подлинной философии. Искусственно созданная псевдофилософия менее ценна, чем мудрость. Мудрость выше искусственных конструкций рассудка.

Северокавказским народам надо гордиться своими мудрецами. Это и скиф Анахарсис, и кабардинец Казанок Жабаци, и осетин Коста Хетагуров, и аварец Шамиль, и балкарец Кайсын Кулиев, и абхаз Дмитрий Гулия, и абазин Мекер Умар и многие другие. Есть у нас кем гордиться, и не надо нам испытывать чувство неполноценности, что у нас до 1917 года не было своих философов.

Природа Аравии, Иудеи дала миру пророчества как формы изложения менталитета, крика, зова души. Природа Руси дала миру исповедование перед старцами как формы очищения. Природа же Кавказа дала нам суггестию софосов (внушение и назидание) как формулу выживания малочисленных народов. Суггестия софосов, конечно, не была философией. Но это итог былых потенций духа наших народов. И нам не пристало стыдиться их. Мы должны жить, выбирая из духовной копилки наших народов все жизнеспособное, отвечающее духу времени. Все то, что не ведет нас к самоизоляции, к самоуничтожению – важно и необходимо сохранить. Важно уметь совмещать традиции и новации.

Литература

1. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
2. *Потемкин А. В.* Проблемы специфики философии в диатрибической традиции. Ростов н/Д, 1980.
3. *Шенкао Г. Х.* Миф и мудрость. Черкесск, 2005.
4. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.
5. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1994.
6. *Юнг К. Г.* К феноменологии духа в сказке // Культура XX века. Антология. М., 1995.

Современные проблемы этноинструментального фольклора адыго-абхазской диаспоры в Турции

Этноинструментальный фольклор по своей структуре явление сложное, неоднородное и до сих пор малоизученное. Современные проблемы инструментария – это один из важнейших вопросов фольклористики, который ждет особого решения.

Значительным вкладом в развитие этноинструментального фольклора адыго-абхазов явились труды Ф. Хараевой, Б. Кагазежева, И. Хашба, М. Хашба, Б. Ашхотова, А. Гучевой и многих других.

Одним из первых исследований, посвященных изучению данной проблемы, является работа В. Виноградова. В своей работе автор на конкретных примерах показывает некоторые особенности народной музыки и инструментов. Касаясь вопросов взаимосвязей и взаимовлияния в музыкальном фольклоре, автор пишет следующее: «Родственные связи в музыкальном искусстве иногда обнаруживаются в музыке народов, территориально удаленных друг от друга. Но наблюдаются и обратные явления, когда два соседних народа, имеющие общую историческую судьбу и длительные разносторонние связи по музыке, оказываются относительно далекими. Нередки случаи музыкального родства народов, относящихся к родственным языковым семьям» [1].

Адыго-абхазские музыкальные параллели, в том числе музыкальный инструментарий, безусловно, заслуживают большого внимания, учитывая сохранившиеся в нем архаизмы. Здесь, несомненно, важно этнографическое положение этноса.

Ш. Инал-Ипа отметил то, что этнографические параллели представляют выражение этнографической общности или культурно-исторических связей народов.

Тожественные параллели, наблюдаемые во всех областях быта сравниваемых народов, не могут быть случайными, не могут представлять пример обычного заимствования. Они – порождение не только одинаковых условий, материальной жизни сопоставляемых обществ, но и проявление единства происхождения, глубокой этнокультурной взаимосвязи и схождения психического склада людей» [5].

Инструментарий народной музыки – один из наиболее сложных объектов музыкальной фольклористики. Описание инструментов содержится в самых древних письменных памятниках. Еще в эпоху средневековья и раннего Возрождения делались попытки систематизировать инструменты согласно особенностям исполняемой на них музыки. Традиционные музыкальные инструменты и инструментальная музыка представляют собой богатейший пласт духовной культуры адыгского народа, отражение его

мировоззрения, национального самосознания, ценностных ориентаций социума.

За свою многовековую историю именно это составляет огромный массив в традиции адыгов. Об этом свидетельствует значительный пласт инструментальных составляющих в обрядах и чрезвычайная развитость в этой традиции танцевальной музыки. Народом выработаны характерные интонационные особенности, ритмическая организация музыкального языка, дифференциация инструментальных тембров. Ритмическое строение мелодии адыгов способствовало созданию традиционных инструментов и тем самым зародило его музыкальный стиль.

Наука органология дает нам возможность классифицировать народные инструменты и их конструкции (способ изготовления, строй, характер звучания, акустическую шкалу, и т.п.). Например, система Хорнбостеля Закса, давшая мощный толчок к более углубленному изучению способа звукоизвлечения и конструкции инструмента.

Первые попытки систематизации сведений об адыгском инструментарии на Кавказе принадлежат А. Ф. Гребневу, Т. К. Шейблеру. Другие исследователи делают в основном этнографические зарисовки бытования отдельных музыкальных инструментов (Н. Витсен, Дж. Белл, Н. Ф. Дубровин, А. Н. Дьячкова-Тарасова, Л. Я. Люлье, Н. Н. Потоцкий, Ф. Ф. Торнау, Табу де Мариньи и др.).

Образование в XIX веке адыгской фольклористики дало определенные результаты в исследовании инструментальной культуры, прежде всего в описании традиционного инструментария. Особый интерес представляют описанные Хан-Гиреем формы их бытования. Он заостряет внимание на том факте, что апепшина и пшинатарко «употребительны лишь в высшем классе, на апепшинах в гостиних играют сами князья и дворяне, а на празднествах во время плясок играли скрипачи низших сословий» [2].

Новый этап в изучении адыгской инструментальной культуры на Кавказе наступает в 80–90-е годы XX века, когда к этой проблематике обращаются многие историки, этномузыковеды, искусствоведы, такие, как К. А. Верткова, С. Я. Левин, Ш. С. Шу, А. Мациевский, И. Тлехуч, Б. С. Кагазежев, Ф. Ф. Хараева, А. Н. Соколова, З. Гучев, И. Хашба, Н. С. Джанашия.

В исследованиях на тему народных музыкальных инструментов Ш. Шу акцентирует свое внимание в основном на четырех музыкальных инструментах, бытовавших в среде адыгов.

1. Къамыл (камьль) – вид открытой продольной флейты.
2. Сырын – вид свистовой продольной флейты.
3. Накъырэ (накыра) – духовой инструмент с одинарной или двойной тростью типа зурны.
4. Пшы́нэ (пшина) – язычковый инструмент типа гармоники.
5. Бжэ́мий (бжамий) – мундштучный духовой инструмент из рога.
6. Иапэ́пшын (апепшин) – щипковый струнный инструмент типа балайки.

7. ПщынэТюркьо (пшинаторко). ШыкГэпщын (шикапшин) – смычковый струнный инструмент.

8. Пщынэкъэб (пшинакеб) – смычковый струнный инструмент.

9. ШотЫырпІ (шотырп) – ударный мембранный инструмент типа виолончели.

10. ПхъэкЫч (пхачич) – ударный самозвучающий инструмент [3].

Другой исследователь этой проблемы Б.С. Кагазежев впервые ввел в поле внимания адыгской органологии сравнительные данные музыкального инструментария адыгов и других кавказских народов. Б.С. Кагазежев отметил в своей работе такие музыкальные инструменты, которые бытовали у адыгов: группа смычковых инструментов – шичепшин, пшинаторко, духовые и ударные инструменты – бжамий, камыль, сырын, пшине, пхачич. Исследуя эту проблему, он пишет, что смычковые возникли из щипковых путем замены пальцев или плектра деревянным стержнем, на который было натянуто сухожилие животных или конский волос [4].

Б. С. Кагазежев утверждает, что апепшин бытовал у адыгов еще до появления шичепшина, но апепшин не был так распространен среди народа как шиипшин. Различные аспекты традиционной музыкальной инструментальной культуры адыгов нашли свое отражение в статьях А. Н. Соколовой.

Она рассматривает инструментальную культуру в двух параметрах:

1. Вопросы классификации адыгского инструментария.

2. В плане функционирования инструментальной культуры.

Исследователь разделяет инструменты на четыре группы: идиофоны – пхачич (палки), мембранофоны – шотырп, хордофоны – шичепшин, апепшин, пшинакаб, пшинаторко (мандолина, балалайка), аэрофоны – камыль, бжамий, сырын, накыра, пшина (аккордеон, баян), и отмечает, что часть этих инструментов – апепшин, бжамий, сырын, накыра, пшинакаб – вышла из употребления, и вообще были исконно адыгскими – камыль, шичепшин, пхачич.

Искусствовед Ф. Ф. Хараева описывает систематизацию традиционных музыкальных инструментов адыгов, часть из которых используется сегодня на Кавказе и в зарубежье. Здесь надо отметить, что Ф. Ф. Хараева исследует инструментарий собственно у шапсугов и соотносит их с общеадыгскими реалиями:

Хордофоны:

1. Пшинадыкуако – пшинатарко (пщынэдыкьуакьуэ);
2. Апапшина – Гэпэпшынэ;
3. Шапсугская цитра – нет другого названия;
4. Шичепшина – шыкГэпшынэ;
5. Шапсугская лира.

Аэрофоны:

1. Камыль (къамыл);
2. Бжамий (бжьэмий);

3. Шапсугский горный рожок;
4. Сырын (сринэ);
5. Кабкурасырын (къэбкъурэ сырын);
6. Накыре (накъырэ).

Идиафоны:

1. Упапшина (Уапэпшинэ);
2. Мажпшина (мажэпшынэ);
3. Шуютле (Шъуалъэ) адыгский флянтле (кабардинский фьялъэ);
4. Пшина (пшынэ) – шапсуги и адыги в Турции называют этот инструмент пшинапхедж – пшинахендж;
5. Пхачич (кабардинский пхъэцІыч) (адыгский пхъэкІыч);
6. Шапсугские кастаньеты;
7. Пхатырке (пхъэтІыркъэ).

Мембранофоны:

1. Шантрыл – фатрыл (ЛъантІрыпІ), (ФэтІрыпІ);
2. Даол – даул – дали;
3. Дайра;
4. Пхабгу (пхъэбгъу).

А. Н. Соколова делит инструментальную музыку адыгов на четыре жанровые группы по форме и условиям бытования:

1. ритуальные и магические наигрыши;
2. танцевальная музыка;
3. прелюдии, отыгрыши и аккомпанементы к песням;
4. музыка для слушания.

Во многих исследовательских работах по этой проблематике показывается, что любой инструмент рассматривается как система, включающая генезис, эволюцию формирования конструкции, строя, способов игры, форм функционирования, и самое важное – как элемент народной музыки. Музыкальный инструмент можно считать народным для одной или нескольких этнических групп, в том или ином историческом периоде, если он задействован в обычаях и обрядах, выполняет определенную функцию в жизни народа.

Адыго-абхазская диаспора как этнокультурная целостность возникла после столетней русско-кавказской войны в результате изгнания большей части данных этносов в пределы Османской империи. В связи с этим в тяжелейшие для переселенцев времена многие музыкальные инструменты, как и другие элементы культуры, в силу объективных обстоятельств были утеряны. Особенно социально-политические и экономические условия в XIX–XX веках в Турции привели к утрате некоторых музыкальных инструментов и обрядовых пластов. Важные факторы инструментальной практики в Турции влияют на изменения как самого инструмента, так и его использования в новой современной жизни. Сейчас имеют большое значение технические возможности инструмента и исполнительства.

Адыго-абхазские музыкальные инструменты в Турции представляют:

Ударные инструменты: пхачич (адыг.) – ачыж (абх.), пхатарко (адыг.) – айнкага (абх.). **Духовые инструменты:** сырын (адыг.) – ачарпын (абх.), пшынэ (адыг.) – амырзакан (абх.). **Струнные инструменты:** Эпэшынэ (адыг.) – ачамгур (абх.).

Сейчас используются многие современные музыкальные инструменты, которые приняты из-за того, что они похожи по форме, звучанию, ладовому строению. Распространены и популярны среди абхазов музыкальные доски. Ударные инструменты: пхаторко (пхамбгу) пхачич остались звучать в среде адыгов только зарубежом. На этих инструментах играют в городах Адапазары, Эскишехир, Балыкэсир, Бандырма, Генен, Самсун, Маняс, Чанаккале. В городе Адапазары и вокруг него, где наиболее компактно проживают абхазы, эти инструменты встречаются особенно часто.

На пхаторко играет не только молодежь, но и старики. Наш полевой материал в Турции показывает, что есть три разных вида установки этого инструмента. Первая: на дугообразную основу в виде двух рогатин, стоящих «рогами» вниз, стационарно крепится доска или две доски. Сооружение используется многократно. Вторая: исполнители ставят друг против друга стулья с высокими спинками. В пространство между ними без какого-либо специального крепления укладывают доску и бьют по ней. Здесь надо отметить, что больше всего на этом инструменте, таким образом, играют абхазы, шапсуги, бжедуги. Третий способ характерен для индивидуального исполнения. Это очень редкий вид исполнения. Музыкант берет доску в правую руку, а левой бьет по ней маленькой палкой. Одновременно с этим он может петь.

Традиционный адыгский пхачич обычно состоит из трех и более (до десяти) деревянных пластинок.

А. Н. Соколова отмечает в своей работе, что пхачич является характерным инструментом современности, бытующим в адыгской диаспоре до сих пор. Автор подразделяет с точки зрения этнической принадлежности современный инструментарий адыгов таким образом: 1. Инструменты исконно адыгские – камыль, шичепшина и пхачич. 2. Заимствованные из иноэтнической среды, но принятые в народе – пшина. 3. Инструменты, заимствованные из иносреды, имеющие локальное распространение, но также приспособленные для исполнения традиционной музыки: апашшина, пшинакаб, пшинатарко. Она считает, что пшина и пхачич являются общенациональными, широко употребляемыми музыкальными инструментами.

Находясь в экспедиции в 2005 году в городе Адапазары, мы фиксировали традиционную свадьбу. Группа музыкантов (ударников) от 17 до 20 человек, в возрасте 45–60 лет, играла на пхатарко. Среди них должен быть человек, владеющий языком и обладающий хорошим музыкальным слухом и чувством ритма. Обычно с ним находятся два гармониста. Друг против друга ставят стулья, между ними небольшое пространство. Мужчины начинают бить в доски. У каждого есть длинные палки, которые специально

сделаны из одного и того же материала (самшит или липа). Они берут доски в правые руки и начинают одновременно петь: Ежбу: (Ха, хах, хах, хах, ха, хо, хо, хо, Хох), и тут же слышим звук гармошки – аккомпанемент танца. Здесь можно увидеть полностью инструментальную культуру: сохранившиеся и инструменты, и мелодии, и танцы. Если сформулировать: инструмент пхамбгу + ежбу + инструмент пшина + танец.

По рассказам Хатко Йшара (Стамбул) и Иззета Айдемира (Чушка) мы узнали о том, что многие в течение времени вынуждены были продать свои бесценные инструменты. Среди них были – шикапшина, пшинопхендж, уеппшина. И были очень известные исполнители и вокальная группа (ежбу гуп). Сейчас многие инструменты заимствованы, потому что нет оригинала. Например, вместо инструмента камыл используется пан флейта, дудук, зурна (арабские народные инструменты), или кларнет.

Другой пример: вместо инструмента пшинапхендж используется немецкого производства аккордеон, вместо шикапшины используется скрипка, контрабас. Вместо апашины – классическая гитара.

Здесь надо отметить, что действительно нельзя идти путем усовершенствования, модернизации древних музыкальных инструментов, дошедших до нас. Это приведет к исчезновению традиционных инструментов, и в связи с этим нам остается один путь в развитии музыкальных инструментов в Турции – это разработка новых технологий, новых технико-исполнительских качеств и новых видов музыкальных инструментов.

Пшинапхендж (пшина) – используется сегодня в основном как солирующий инструмент на всех праздниках в Турции. По традиции на пшине играли чаще всего мужчины (от 60 до 75), в настоящее же время преобладают молодые исполнители.

С тех пор как гармошка появилась на Кавказе, она претерпела значительные изменения, хотя 12-клавишная гармошка осталась своеобразным идеалом для адыгской диаспоры.

Пшина не только получила признание и широкое распространение, она является самым дорогим и желанным подарком среди адыгов в Турции. Шапсуги пшиной называют еще пшинапхендж (пшынэпхэндж) – это означает «поперечная» или «неправильная», то есть имеются в виду горизонтально растягиваемые меха гармошки. Абадзехи, бжедуги, бесленеевцы, хатукаевцы называют ее иногда апашина, в этом случае они акцентируют внимание на пальцевом способе игры (Гэпэ – пальцы). Старые инструменты имеют двенадцать клавиш, современные инструменты западной традиции – шестнадцать, восточной – семнадцать или восемнадцать клавиш.

Материалы, собранные нами в экспедиции 2005 года (по регионам Турции – в городах Адапазары-Дюздже, Генен и Балыкесир), показывают, что пшина в Турции в своем большинстве имеет 20 клавиш, немецкого фабричного производства (Hohner), при восьми басах.

Из рассказов абхазского гармониста Ажиба Шенола из села Болбалы (близ г. Адепазеры) мы узнали много интересного об абхазском свадебном

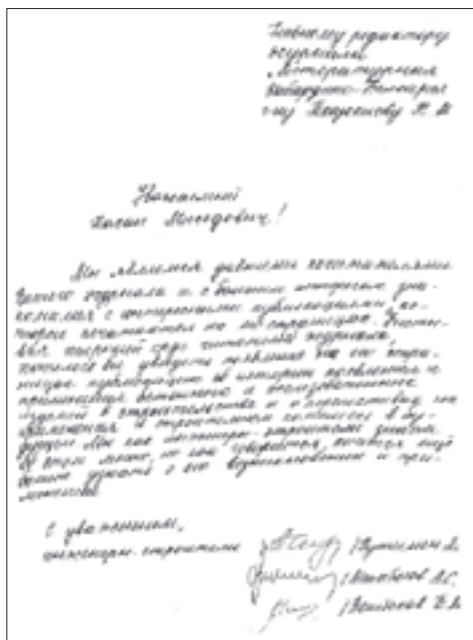
обряде с участием этого инструмента. Женское исполнительство на пшине существует чаще в хащлащ (гостиная), но последние 7–8 лет оно приобретает более заметное распространение. Гармонистка из города Генен Бал Эсра играет на этом инструменте уже 20 лет. Этническая абхазка, она рассказывала нам и о других музыкальных инструментах, которых сейчас поступают из Абхазии, таких, как арнагиса – шикопшина, ауумаа – пшинадукако, асамгур – апашина, агагрин – бжамий, асатс – пхачич, и т. д. Спорный вопрос в науке о том, что слово «пшина» у адыгов обозначало «инструмент» вообще. Некоторые ученые, исследуя грамматику литературного кабардино-черкесского языка, пишут, что слово «пшынэ» обозначает сейчас «гармонь», но первоначально, несомненно, обозначало другой, более древний, специфический инструмент. Музыковед А. Н. Соколова в своей работе «Гармоника адыгской диаспоры» пишет, что диаспора использует гармонику венского типа. Она имеет 12, 16 или 18 клавиш на клавиатуре и четыре басовых клапана (диатоническая гармоника немецкого строя). Обычно по заказу изготавливается в Турции. Исследователь утверждает, что если у адыгов до начала массового переселения (1866) гармоника стала бы общенациональным музыкальным инструментом, то она сохранила бы свою первоначальную форму.

На наш взгляд, при изучении музыкального инструментария адыгской диаспоры важно учитывать не только восстановление полузабытых инструментов, но и модернизацию. Немаловажно знать, какую роль играют в жизни инструменты, которые остались в среде адыгского этноса в Турции, такие, как пшина, пхаторко, пхачич. Эти и подобные инструменты в диаспоре обслуживают свадьбы, вечеринки. Здесь следует сказать, что усовершенствование и восстановление народных музыкальных инструментов – процесс сложный, требующий определенных профессиональных навыков и – самое главное – музыкальных знаний.

Известно, что не только в диаспоре, но и на Кавказе большая часть традиционного инструментария вышла из музыкального быта адыго-абхазов. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что в целях сохранения самобытной адыгской инструментальной культуры необходимо приобрести экземпляры этих инструментов в Турции, найти мастеров, а также уделять больше внимания сценическому фольклору для реконструкции и применения традиционного инструментария в народных ансамблях.

Литература

1. *Виноградов В. С.* Проблемы этногенеза киргизов в свете некоторых данных их музыкального фольклора // Вопросы музыковедения. Сб. ст. Т. 3. М., 1960. С. 349.
2. *Хан-Гирей.* «Записки о Черкесии». Нальчик, 1992. С. 116.
3. *Шу Ш. С.* Адыгские народные музыкальные инструменты. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1977. С. 35.
4. *Кагазежев Б. С.* Инструментальная культура адыгов. Майкоп, 1992. С. 22.
5. *Хаиба И.* Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1967. С. 222.

Мухамед КОКОЕВ,
 доктор технических наук,
 профессор КБГУ

Появление, состояние и перспективы железобетона

Время появления выдающихся изобретений и открытий чаще всего нельзя установить точно. Это связано с тем, что крупные достижения в науке и технике не появляются в законченном и совершенном виде. Их развитие, совершенствование и признание часто растягиваются на долгие годы, а иногда и на десятилетия. При этом в становлении изобретения и его развитии участвуют иногда десятки и сотни людей. Так было с изобретением телеграфа, телефона, кино, автомобиля, ЭВМ и большинства других достижений цивилизации. Только открытие В. Рентгеном ранее неизвестных лучей в этом ряду является некоторым исключением. После трех публикаций немецкого ученого в 1895–1897 гг., другим ученым долгое время нечего было добавить что-либо существенно новое в этой области.

В отношении даты выдачи первого патента на железобетон существует расхождение. Так, в монографии известного французского специалиста по бетону М. Венюа прямо указано, что парижский садовник Ж. Монье в 1849 г. получил первый патент на идею армирования бетона проволочной сеткой. Однако во втором издании БСЭ (1952) сообщается о совершенно другой дате получения Монье первого патента на армированный

бетон – 1867 г. Эта же дата упомянута спустя 20 лет в третьем издании БСЭ. Более вероятно версия М. Венюа, так как во французском издании, посвященном столетию железобетона, прямо указаны даты юбилея: 1849–1949 гг. Трудно предположить, что французский ученый делает ошибку в определении даты великого изобретения, сделанного на его родине.

Известно, что Россия внесла большой вклад в развитие не только национальной, но и мировой науки и техники. Достаточно вспомнить имена российских и советских Нобелевских лауреатов. Тем не менее в области доказательства российского (советского) приоритета в тех или иных достижениях были перегибы. Так, советские студенты 60-х гг. XX в., которые часто пользовались учебниками 40–50-х гг., знают, что в то время техническая книга или учебник не могли выйти из печати без прямого или косвенного утверждения о приоритете России в той или иной области науки и техники. Например, для доказательства причастности России к открытию железобетона в упомянутом втором издании БСЭ утверждается, что выдающийся русский инженер Г. М. Паукер в 1849 г. «дал способ учета «железных скреп», совпадающий с современным расчетом арматуры в арках из железобетона». В политехническом словаре 1955 г. в статье о железобетоне сказано, что «идея армирования металлом каменных сооружений родилась в России», и приводится ссылка, что в 1555–1560 гг. при постройке храма Василия Блаженного в Москве русские зодчие Барма и Постник использовали армированные железными полосами плоские каменные перекрытия».

Отдавая должное великому творению русского зодчества и его авторам, все же следует отметить, что это свидетельство некорректно. Упомянутые выше примеры никак нельзя приравнять к определению «сочетание бетона и стальной арматуры, монолитно соединенных и совместно работающих в конструкции». Кроме того, если уж говорить о первенстве в использовании металла в сооружениях из камня, то перед этим следует упомянуть древние каменные составные колонны со штифтами из бронзы или железа. Такие колонны были более доступны в изготовлении и монтаже и поэтому широко применялись в сооружениях Ближнего Востока и стран Средиземного моря в течение нескольких веков на рубеже старой и новой эры.

Вернемся во Францию середины XIX в. Как бывает с пионерными изобретениями, Монье не предполагал, какое невероятное развитие вскоре получит идея сочетания бетона со сталью. Так, в первом патенте оговаривается очень узкая область использования армированного бетона. В нем речь шла о цветочной кадке из проволочной сетки, покрытой цементным раствором. В других источниках, обсуждающих изобретение Монье, упоминаются ящики для апельсиновых деревьев Версальского замка. Однако в последующем, когда Монье получает ряд патентов на железобетон в других странах, речь идет уже о более широком использовании этого материала. В патенте Монье, строго говоря, речь шла лишь об одном виде железобетона – об армированном бетоне. В этом материале используется плотный мелкозернистый бетон в паре со стальной сеткой из проволоки. Конструкции и сооружения из армированного бетона обычно имеют малую

толщину стенок, иногда всего 15–20 мм. В ряде случаев в армированном бетоне наряду с сеткой применяют и арматурные стержни.

В России менее известно, что впервые композицию, которую можно назвать железобетоном, применил француз Жозеф-Луи Ламбо (1814–1887). Он построил в 1848 г. лодку из бетона, армированного металлической сеткой. Лодка имела длину 3,5 м при ширине 1,35 м. Толщина стенки 3–4 см. Ламбо запатентовал свою лодку только через 7 лет, 30 марта 1855 г. В том же году лодка экспонировалась на Парижской международной выставке. Лодка Ламбо плавала очень долго, до 1902 г. Удивительно, но эта лодка была обнаружена спустя более ста лет после постройки, в 1955 г. на берегу озера в хорошей сохранности.

Однако «отцом» армоцементных судов (яхт, барж, сухогрузов и др.), которых в последующем было построено в разных странах немало, считают не Ж. Ламбо, а известного итальянского инженера и архитектора Пьера Луиджи Нерви (1891–1979). Его же часто считают родоначальником технологического армоцемента. Это верно в том смысле, что Нерви в своих проектах использовал армоцемент исключительно широко, причем это были далеко не рядовые конструкции и сооружения. Так, в 1948 г. П. Нерви впервые перекрывает тонкостенным сводом из армоцементных элементов главный зал выставочного павильона в Турине (пролет 98 м), позже строит малый дворец спорта в Риме с пологим куполом на наклонно поставленных упругих опорах. Дворец труда в Турине с оригинальными «зонтичными» перекрытиями из армоцемента, здание ЮНЕСКО в Париже со складчатыми железобетонными стенами, 32-этажное здание фирмы Пирелли в Милане и др.

Во время Второй мировой войны П. Нерви построил три армоцементных корабля водоизмещением по 150 тонн каждый для нужд итальянского флота. Несколько позже по его чертежам был построен из армоцемента парусник «Ирэн» водоизмещением 165 т. Судно имело корпус толщиной всего 3,5 см и имело вес на 5 % меньше аналогичного корабля из дерева.

Таким образом, впервые изделие из армоцемента было изготовлено во Франции Ж. Ламбо в 1848 г. Через год на идею армирования бетона проволочной сеткой получает патент француз Ж. Монье. Далее в различных странах шел процесс получения и применения в различных областях практических и теоретических знаний о железобетоне. Однако роль железобетона в строительстве стала заметна лишь в конце XIX в.

В первой половине XX в. на развитие технологии железобетона и значительное увеличение объемов его применения повлияли три быстро растущих области строительства: транспортное строительство, включая строительство мостов и путепроводов, военное строительство, а также сооружение плотин для гидроэлектростанций.

Так, в самом начале XX в. в России была построена военно-морская крепость под Владивостоком. Для строительства береговых артиллерийских батарей, артпогребов, казарм, складов и т.п. были использованы десятки тысяч кубометром монолитного железобетона.

В 1929–1934 гг. на северо-востоке Франции строилась система ук-

реплений на границе с Германией. Это так называемая «линия Мажино», которая строилась по предложению военного министра А. Мажино. Общая длина «линии Мажино» была 380 км. Она состояла из 5600 долговременных огневых сооружений, главным материалом для которых был монолитный железобетон. В 1936–1940 гг. «линия Мажино» была продолжена до Северного моря «линией Даладьё» протяженностью 620 км. На этой линии также были построены тысячи долговременных огневых сооружений из железобетона. Ирония судьбы заключается в том, что эту чрезвычайно дорогостоящую укрепленную линию с гарнизоном крепостных войск численностью более 200 тысяч человек, о которой в предвоенные годы с восторгом писали многие французские газеты, в 1940 г. немецкие войска обошли с тыла через Арденнские горы и после капитуляции Франции вынудили сдать. Тем самым было показано, что эпоха крепостных укреплений и позиционных войн окончательно ушла в прошлое, подтвердив поговорку, что генералы всегда готовятся к прошедшим войнам.

Как известно, подобные укрепрайоны строились в 30-е гг. вдоль западных границ и в СССР. К сожалению, значительная часть сооружений этих укрепрайонов была разрушена и разукомплектована перед самой войной по причинам, изложение которых не входит в тему данной работы.

Однако известен случай более удачной судьбы крепостных сооружений первой половины XX в. Речь идет о финской системе пограничных укреплений на финском перешейке. Это «линия Маннергейма», названная по имени французского маршала. Она была построена в 1927–1930 гг. и имела ширину по фронту 135 км. Наиболее ответственные объекты «линии Маннергейма» также были сооружены из монолитного железобетона. Но кроме этого использовались и деревоземляные оборонительные сооружения, а также до 80 км противотанковых гранитных надолб и более сотни километров лесных завалов. Обход «линии Маннергейма» был невозможен, так как флангами она примыкала к Финскому заливу и Ладожскому озеру. Поэтому советским войскам пришлось «линию Маннергейма» прорывать с тяжелыми потерями дважды: в 1940 и 1944 гг.

Выдающимся событием в истории железобетона можно считать разработку и внедрение в практику предварительно напряженных железобетонных конструкций. Считается, что впервые это произошло в 1930 г., когда в Гавре был построен морской вокзал с применением конструкций из предварительно напряженного железобетона.

Принцип повышения прочности железобетонных конструкций за счет использования предварительно напряженной арматуры имеет предысторию в совершенно другой области техники. Известно, что метод предварительного напряжения конструкций впервые осуществил ученый в области артиллерийского вооружения и обработки металлов. Это был русский генерал от артиллерии А. В. Гадолин. В 1861 г. он предложил усиливать орудийные стволы напрессовкой на них в горячем состоянии стальных цилиндров. За счет горячей прессовки посадки внешнего цилиндра в материале упрочняемого ствола создавались сильные напряжения сжатия, а в напрессованном цилиндре – напряжения растяжения. Как и в преднапряженном бетоне, здесь один элемент конструкции работает на

растяжение, второй на сжатие. Благодаря этому преднапряженные ору-
дийные стволы могли выдерживать стрельбу с более мощными боевыми
зарядами.

Преднапряжение железобетона значительно увеличивает трещи-
нотойкость конструкций и снижает их деформации, а также позволяет
рационально применять высокопрочные бетон и арматуру, использование
которых в обычном железобетоне является малоэффективным. Особенно
большой выигрыш при строительстве крупных резервуаров, мостов или
перекрытий с большими пролетами и т. п.

Началом бурного развития сборного железобетона в СССР послу-
жило постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии
производства сборных железобетонных конструкций и деталей строи-
тельства».

Однако первый дом из сборного железобетона в России был построен
еще в 1930 г. в г. Москве.

В относительно короткие сроки была создана крупнейшая в мире
промышленность сборного железобетона, проектная производительность
которой в 1999 г. достигла 180 млн. куб.м. в год, в том числе по Российской
Федерации около 100 млн. куб. м. За тридцать лет с 1955 по 1985 гг. объем
применения сборного железобетона увеличился в 25 раз. Значительное
внимание было уделено развитию предварительно напряженных и лег-
кобетонных конструкций.

Если объем применения сборных конструкций в 1955 г. составил
12 %, то в 1990 г. – уже около 60 % общего объема производства желе-
зобетона.

Следует опровергнуть бытующее представление о доминирующем
применении в зарубежном строительстве монолитного бетона и железобе-
тона. Например, Германия производит ежегодно 32 млн. куб. м. сборного
железобетона, то есть в полтора раза больше, чем в России. В Италии
сборного железобетона производится порядка 40 млн. куб. м. Всего в
стоимостном выражении на сборное строительство в Европе приходит-
ся 30 млрд. Евро, а на производство товарного бетона для монолитного
строительства – 12 млрд. В КНР работает 9 600 заводов сборного желе-
зобетона.

В сборном железобетоне реализованы крупнейшие мировые проекты.
Например туннель длиной 55 км под проливом Ла-Манш, соединивший
Великобританию и Францию, две нити водовода диаметром 4 м и дли-
ной 900 км в Ливии, транспортная эстакада длиной 55 км, соединившая
г. Бангкок с международным аэропортом. Мосты в Германии с массой
надвигаемых пролетных строений достигают 30 тыс. т. Таким образом,
сборный железобетон в мировом строительстве продолжают развиваться.

Производство сборного железобетона в РФ в настоящее время состав-
ляет примерно 22–24 млн. м³ в год, из них предварительно напряженных
конструкций примерно 4 млн. м³. Можно говорить о росте производства
сборного железобетона на 4–6 %.

Использование высокопрочных бетонов в несущих железобетонных
элементах зданий позволяет снизить массу конструкций за счет умень-

шения объема бетона, получить экономию цемента, а при равных размерах сечений можно сократить и расходы арматурной стали. Снижаются также трудоемкость изготовления, транспортные расходы и приведенные затраты.

Увеличение прочности бетона в конструкциях массового применения открывает возможности повышения качества изделий, а в ряде случаев существенного снижения косвенного армирования и расхода стали в целом. Это в значительной мере подтверждено мировым опытом производства преднапряженных изделий методом безопалубочного формования на длинных стендах.

Изготовление сборных железобетонных конструкций с применением высокопрочного бетона классов В 40 – В 60 возможно на портландцементе марок М 550 – М 600. Применение бетонов высоких классов наиболее эффективно для колонн одноэтажных и многоэтажных зданий, стропильных ферм и балок, большепролетных плит покрытий, других конструкций. Так, в КНР сваи длиной до 30 м изготавливают из бетона класса В 100.

Будущее за применением высокопрочных бетонов с использованием различных модификаторов, арматуры стержневой классов А 500 – А 1000 и арматурных канатов класса К 1500.

Для армирования обычных сборных железобетонных конструкций следует применять стержневую арматуру периодического профиля класса А 500 с диаметром от 6 до 40 мм и низкоуглеродистую проволоку периодического профиля класса В 500 диаметром 3–8 мм.

Железобетон – высококачественный строительный материал, но он не вечен. Поэтому в перспективе следует ориентироваться на разработку технологий утилизации зданий из сборного железобетона по истечении срока эксплуатации. В связи с этим в проектную практику целесообразно ввести понятие жизненного цикла здания, который включал бы все этапы существования объекта от начала строительства до полной утилизации материалов после сноса и разборки.

По уровню технических и экономических показателей бетон и железобетон по-прежнему остаются основными конструкционными материалами, занимая приоритетные места в общей структуре мирового производства строительной продукции.

Ежегодное производство бетона и железобетона в мире превышает 3 млрд. м³, никакой другой продукт производственной деятельности не изготавливается в таких объемах.

Из 2,8 млрд. м³ жилого фонда России на здания, построенные с применением бетона и железобетона, приходится не менее 2 млрд. м³. Обеспечение населения доступным жильем остается одной из самых социально значимых задач государства.

Дальнейшее развитие современной цивилизации невозможно без железобетона. Более того, качество этого развития, например, обеспечение российского населения жильем, создание безопасной среды обитания в наших городах в значительной мере зависит от развития производства основного строительного материала современности – железобетона.

Хадис ПХЕШХОВ**Война, война... Будь проклята она!**

Эссе

*«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...»*

А. С. Пушкин

Неумолим бег времени. Кажется, это было недавно, а ведь скоро исполнится 70 лет с того трагического дня, когда разразилась самая опустошительная и кровопролитная война в истории нашей страны – Великая Отечественная. Черная память о ней – десятки миллионов загубленных жизней, безжалостно изломанных судеб, многие тысячи стертых с лица земли населенных пунктов. Об этой войне нет-нет да и напоминают порядком поржавевшие, но еще смертельно опасные орудия убийств – бомбы, мины, снаряды и гранаты, время от времени обнаруживаемые в местах бывших сражений. При виде какого-нибудь предмета из этого адского арсенала невозможно не содрогнуться от омерзения, испытываемого к пещерной дикости, все еще царящей на Земле, не поразмышлять об истоках и последствиях, в конечном счете – о бессмысленности войн.

...Вот лежит на свежеспаханном поле возле высокого кургана искореженная временем, вынутая плугом снарядная гильза. Скорее всего, она от немецкой зенитки, стоявшей здесь, на этой безымянной высоте в августе-октябре 1942 года в период фашистской оккупации.

По рассказам очевидцев, именно этой зениткой был сбит советский истребитель, сгоревший вместе с летчиком в окрестностях села. Спустя неделю командирский планшет с личными документами летчика был обнаружен одним из местных жителей в лесополосе. Видимо, летчик, предчувствуя неотвратимость своей гибели, еще в воздухе выбросил его за борт в расчете на то, что он упадет подальше от места катастрофы и сохранится как свидетельство его трагической гибели, не останется безвестным его имя.

По словам нашедшего, в комсомольском билете летчика значилась фамилия не то Пилипенко, не то Полиенко, 1922 года рождения. Других подробностей он не помнит. Планшет же со всеми документами он выбросил в речку, опасаясь преследований оккупационных властей. Вот на этом и оборвалась связь времен.

Теперь никто и никогда не узнает, кто был этот человек, ушедший из жизни всего-то в двадцать лет, откуда он родом, где и кто его родители, близкие, друзья. Это еще одна из миллионов, полная трагизма судьба: жил-был человек, а исчез бесследно – ни имени, ни прощального слова, ни могилы. Да, воистину непредсказуема судьба человека вообще, а на войне – в особенности!

Так же трагически сложилась и судьба трех наших офицеров, которые неожиданно наткнулись на вражеские танки с пехотой, ворвавшиеся в

село. Бросив автомашину из-за отсутствия времени для разворота, они побежали задворками и выбрались на околицу, где залегли в заброшенном глиняном карьере посреди пшеничного поля и начали отстреливаться от фашистов. В завязавшейся перестрелке двое офицеров красной армии были убиты, а один тяжело ранен. Зато более десятка вражеских солдат было уничтожено. Вскоре раненного офицера немцы увезли куда-то, а перед этим он успел сообщить одному из местных жителей, что его зовут Джумабай Базербаяв, родом из Средней Азии, из какой именно республики – не сказал. Может, отыщутся его родственники? Что с ним стало потом? Кто были те двое погибших офицеров?

...Глядя на эту крошачую от востости гильзу – немую участницу войны, – я задавал себе и такие вопросы: где сейчас обретается тот, кто выпустил из нее смертоносный кусочек металла в себе подобного, испытывает ли он сегодня угрызения совести и чувство вины за убиенную жизнь (если он еще жив)? Ведь пуля убивает двоих – сына и мать! В чей дом принесла безутешное горе эта окропленная кровью и отдающая горьким привкусом материнских слез снарядная гильза? Может, и сам убийца стал такой же жертвой, как и убиенный им?

Общезвестно, что война – результат политики преднамеренного натравливания одних народов на другие, деления людей на своих и чужих, разжигания ненависти между ними (неважно, в какой форме: расизма, фашизма, ксенофобии и т. п.), преподносимой под благовидным предлогом защиты интересов своей нации и заботы о ней. Но ведь мы все вместе и порознь – жители одной планеты, земляне, населяющие небольшой шарик в бесконечных просторах мироздания, а значит, мы соседи по общему дому Земля! Все люди, кем бы они ни были – католики, христиане или мусульмане, партийные или беспартийные, – хотят жить. И рождены, чтобы жить! Почему же тогда люди должны истреблять друг друга? Ведь хватит всем и земли, и ресурсов, и жизненного пространства. Как тут не вспомнить, что за всю историю в войнах погибли сотни миллионов людей. И вершится все это ради удовлетворения неких притязаний – религиозных, политических, гегемонистских и иных эфемерных амбиций отдельных групп и правителей. Не слишком ли велика цена их корпоративных интересов? Истребляя себя, человечество нищает, задерживает собственное развитие на многие столетия, а может, и тысячелетия. Вот это и есть общий проигрыш всех землян. Не безумие ли, что сколь-нибудь важное научно-техническое открытие сначала оценивается с точки зрения потенциальной возможности его использования в военных целях (как было, например, с атомной бомбой, которая применена не для созидания, а для разрушения Хиросимы и Нагасаки)?

Бытует расхожая поговорка о том, что войны развязывают правители, а воюют народы. Но когда осознают те, кто непосредственно рискует собственной жизнью на поле брани, простую истину о том, что, убивая себе подобных – своих сородичей – они убивают в себе человека? Когда же, наконец, раз и навсегда будет исключена из человеческого бытия война как средство решения возникающих проблем и восторжествует мир навечно в

нашем общем и единственном доме, в котором все обречены жить вместе? Не хватит ли того, что за последние 5,5 тысяч лет человечество пережило 14 тысяч войн, т. е. почти по три войны ежегодно. Только в двух последних мировых войнах и последовавших за ними в 1946–1983 гг. локальных конфликтах убито и ранено более 180 млн. человек, что равнозначно численности населения нескольких государств, таких, например, как Англия, Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Венгрия и Дания. Материальный ущерб при этом по самой скромной оценке (включая расходы на вооружение) составил примерно 11–12 трлн. долларов.

Конфликты локального масштаба и террористические акты стали недоброй приметой нашего времени, вовлекая в свою орбиту все новые страны и народы. Сколько погибло людей за последние двадцать пять лет в таких конфликтах (в Югославии, Абхазии, Южной Осетии, Грузии и других странах)? А сколько убито и ранено военнослужащих и мирного населения в Афганистане и Ираке в результате ковбойской политики США – страны, считающей себя образцом демократии, защиты прав человека и гуманистических идеалов. А где гарантия того, что какой-нибудь из нынешних конфликтов не перерастет в очередную бойню крупного масштаба? Такой гарантии, к сожалению, на сегодня нет.

Миллионы людей в различных частях света испытывают острую нужду в социальной помощи. В то же время на каждого жителя Земли приходится до 15 тонн одной только взрывчатки. Не пора ли остановиться во спасение самих себя и наследников своих?

Вдобавок ко всему естественная среда обитания исподволь разрушается испытательными взрывами, захоронениями химических средств уничтожения в морских глубинах, которые способны вызвать необратимые мутагенные процессы в гидрофауне, а через нее – и в человеке. А сколько покоится на дне морей и океанов потерпевших аварию подлодок, начиненных атомными боеголовками и топливом, другими опасными для всего живого химическими веществами? Все это означает, что зыбкость существующего мира дополняется нарастающим экологическим нигилизмом, который может привести, в конечном счете, к тяжелым последствиям, если не к катастрофе всемирного масштаба. Дело в том, что проблемы экологии касаются всех независимо от политической системы, национальных границ, демографических, этнических и других различий; они всеобщие, глобальны. Будучи общепланетарными, проблемы экологии затрагивают все государства – где меньше, а где больше, в зависимости от уровня индустриального развития. Поэтому ни одна страна в одиночку их не решит. А это обуславливает необходимость объединения усилий народов во имя сохранения нашей планеты от экологического прессинга, который год от года набирает силу. Вот над чем следовало бы поработать государствам. А если произойдет экологическая катастрофа глобального масштаба, то и воевать будет не с кем и некому...

Вот обо всем этом я и размышлял, глядя на полуистлевшую гильзу – безмолвную участницу войны.

Лауреат литературной премии «ЛКБ»

Ануяр КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ *

4

Когда бы мог назвать по именам
Всех земляков, кто был в той страшной ссылке.
Но не всегда подвластна память нам,
Тем паче – столько лет в ее копилке.

Стираются все резкие черты,
События тускнеют, лица, даты...
Приобретая, понимаешь ты,
Что неизбежно будут и утраты.

Не глаз запечатлеет и не мысль –
Непостижимы памяти законы.
В ней низом может стать любая высь,
Знакомые вдруг станут незнакомы.

Есть в памяти моей иные дни,
Что сохранились, как на киноплёнке.
Есть ночи, что отринули огни, –
Суть образ страха в выросшем ребенке.

Воспоминанье иногда – как крик,
Порой оно – как тихий горевестник.
...Я помню, из Чанаевых старик
Был в Текели, и с ним его ровесник

Старик Анаев, оба – чабаны,
В кошарах жизнь прошла, вдали от дома.
Мужчина из Чегема, без жены,
С ним сын лет десяти... зигзаг излома

Прошелся по семье... пусты углы,
Завалена тряпьем поверхность пола...
Я помню женщин из Ташлы-Талы,
Лицо Юсупа помню – из Мухола.

Уллу-Малкар – пять многолюдных сел,
Из всех фамилий женщины и дети.
Пустой Хабаз, заброшенный Терскол...
Звучали в Текели названия эти –

* Продолжение (см. № 2, 2009).

Как песня из далекой старины,
Оправленная в золото традиций.
У пасынков своей родной страны
Не песни – плачи здесь могли родиться.

Они и до сих пор во мне звучат,
Как голос неприветливой чужбины.
Перед глазами – пятеро девчат:
Красивы, как сошедшие с картины,

Студентки педучилища... за них
Решила власть: где жить, чему учиться.
Во мраке шахты зов надежды стих,
Глаза их перестали там лучиться.

Они любой могли украсить дом,
Родить батыров своему народу...
Судьбу ли урезонивать стыдом,
Проклятия ли слать лихому году?..

Тем девушкам срок выпал небольшой,
Их схоронили в шурфе старой шахты.
...Кричу я кровью сердца и душой:
Где б ни рожден, в чужой степи, в горах, ты

Не забывай ушедших земляков.
В тебе, живом, их лучшие стремленья.
С тебя, залога будущих веков,
Грядущие начнутся поколенья!

5

Весной, когда обильный сок земли
Соединился с жаркими лучами,
Взошла трава, деревья расцвели,
Степь огласилась звонкими грачами.

Торжественный и благодатный свет
Прошествовал высоким небосклоном,
Всем сущим новый огласив завет,
Любовь единым утвердив законом.

Так возрождалась жизнь... но почему,
По-прежнему страдая, умирали
Переселенцы? Кто рассеет тьму,
От туч свинцовых кто очистит дали?!

Кем изначально вы обречены
На гибель столь бесславною, балкарцы?

В трудах не разгибавшие спины
Старушки, благороднейшие старцы.

Горянки ослепительной красоты, –
Взглянуть боишься, чтобы ненароком
Не сглазить их, подкрутишь лишь усы
Да и вздохнешь... Не вышедшие сроком –

На фронт идти – безусые юнцы,
Их матери – заплаканные вдовы.
Совсем еще детишки-сорванцы...
За что их весны были так суровы?

Кому за это предъявлю я счет?
Огромный мир, он оказался тесен:
Без вотчины остался мой народ,
Издравле он соседям был известен

Отвагой, трудолюбием, умом;
Чтил предков, уважал законы чести;
Для путника всегда открыт был дом;
Сам – без бахвальства, и к другим – без лести.

Ничьих не отбирали мы земель,
Свою оберегали и любили,
Хоть часты и лавина там, и сель...
Чужого счастья в поле не ловили,

Не угоняли в плен чужих людей;
Не брали пошлин, не душили данью;
Не различали, грек ты, иудей,
Но к каждому как к божьему созданию

Мы относились; сохраняли мир,
Усобиц никогда не разжигали...
За что ж теперь народ убог и сир?
Под сапогом с подковами из стали!

За что же ангел смерти Азраил,
Фуражкой заслонясь энкавэдэшной,
Так много душ балкарских погубил,
Не брезгуя младенческой, безгрешной?

Набросился, как будто бы века
У жертвенника ждал, насупив брови.
Ему досталась целая река
Взывающей о мщенье горской крови.

6

Однажды, – я не знаю точно дат, –
Приехал к нам с очередной проверкой,

Со списком ссыльных душ, сам комендант.
Из «виллиса» шагнул, прихлопнул дверкой

И приказал построить всех «спецов».
Увидев – к пистолетной рукояти!
Охранников, их матерей, отцов,
Всех перечислил в изошренном мате.

Пятнадцать нас – из более чем ста –
Измученные голодом, больные,
Стояли здесь... И, словно бы спроста,
Воскликнул комендант: «Где остальные?»

Я молча вышел, молча проводил.
На правом берегу Карабулака –
Пологий склон, там – семьдесят могил.
Ни камня, ни отметины, ни знака.

Размытые дождями бугорки,
Над ними только саваны туманов,
Притянутые ветром от реки,
И красные огни степных тюльпанов.

Притих начальник, словно оробел...
Что тут сказать без пафоса и фальши.
И до сих пор мемориальных стел
Нет в той долине... Мы пустились дальше –

К подножью гор, к заброшенным шурфам,
По сути – это братские могилы.
Остановились. «Остальные там... –
Сказал я. – У людей иссякли силы,

Зимой мы не смогли копать могил
И в старой шахте мертвых погребали,
Ахмат и я...» Он голову склонил.
«Так вот, значит, куда...» – слеза печали

Скатилась по щетинистой щеке,
Довольно долго не выдавшей бритвы.
И вдруг суровый комендант-аке
Стал на колени, и слова молитвы

Послышались, и – показалось мне –
От сердца шли слова глубокой скорби.
Он с Богом был в тот миг наедине –
Седой, уставший, покаяньем сгорблен...

Исполнив же положенный обряд,
Сняв с сердца обжигающую муку,

Сказал, собравшись уходить назад:
«Пойдем, сынок», – и взял меня за руку.

Переселенцы ждали, сбившись в круг, –
Ни возгласов, ни тихих разговоров.
Иной ходить не может без натуг,
В лохмотьях все, без головных уборов,

Разуты... благо, потептели дни,
Истощены, – и в чем душа держалась?
Но ты в глаза тем людям загляни
И уваженье ощути – не жалость.

Во взглядах был тот непреклонный свет,
Что только с жизнью оставляет горца.
Однако же и сил в них больше нет,
Чтоб жить, да и осталась их лишь горстка:

Пять-шесть мальчишек; высохший старик:
С германской на лице – полоска шрама,
Он сам уж не ходил, бедняга, сник;
Две девочки, тревожная их мама.

Еще – мой брат двоюродный – Ахмат,
Пятнадцать ему минуло в ту пору.
Сестренки наши: крошка Асият,
Райса, – ей в утешенье и опору.

Я сколько мог – в свои тринадцать лет –
Старался быть добытчиком, защитой.
А был похож скорее на скелет
В одежде, из солдатской перешитой...

И комендант, оглядывая нас,
Лишь горбился... затем расправил плечи.
«Здесь вам нельзя, а то, неровен час...
В село отправлю, все-таки полегче,

Там фрукты, там бахча, даст бог, овес,
Пшеница... Это лучше, чем крапива...»
Когда б он знал, какую радость нес
В сердца детей... «Эй, запрягайте, живо! –

Позвал своих. – Сажай детей в арбу.
А вы, ребята, подсобите деду!»
За «виллисом», благодаря судьбу,
И мы – проселком, по живому следу...

Перевел Ладомир Местич

Баранюк Ю. В., Ашинов Ю. И.

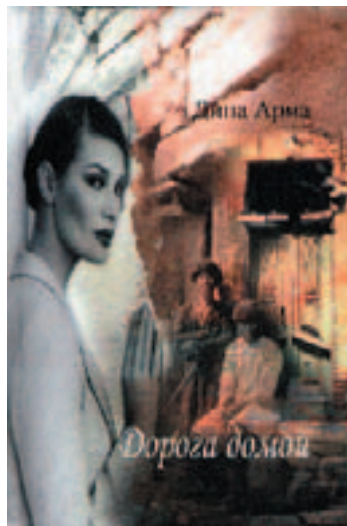
Школа патриотизма и мужества. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. 188 с.

В этой книге рассказывается об истории становления и развития оборонного общества в Кабардино-Балкарии, о роли ОСОАВИАХИМа, ДОСААФ. РОСТО в военно-патриотическом, интернациональном воспитании, участии их воспитанников в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и защите Родины.

На конкретных примерах показаны роль учебных организаций РОСТО в подготовке специалистов для Вооруженных сил и народного хозяйства, опыт работы лучших председателей первичных организаций, военруков школ, преподавателей и мастеров производственного обучения.

Большой раздел книги посвящен созданию материальной базы, спортивно-техническому развитию оборонного общества, проведению спартакиад, чемпионатов республики, всесоюзных и российских соревнований на трассах, картодромах и полигонах Кабардино-Балкарии.

Более подробно о работе этой организации смотрите в следующем номере журнала.

Дина Арма (Хакушева М. А.)

Дорога домой. Роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.

Вниманию читателей предлагается историсофский роман, в котором главная героиня с помощью семейного архива открывает для себя трагическую историю своего народа и ищет пути к обретению собственной национальной идентичности в разноликой противоречивой действительности.

Холодные каштаны

(Канадское полотно)

Сегодня 13-ое октября. День Благодарения. В половине четвертого отключили свет. Мы с мамой дома одни. Муж, дети, внуки – в отъезде. Кто-то стучит. Мама кричит, чтобы я открыла дверь. Не в пижаме же?! Поднимаюсь в спальню за приличным гардеробом и вспоминаю, что из-за отсутствия электричества вся одежда хоть и свежестирана, но сыра. Делать нечего, облачаюсь в вечернее платье, черное с золотом, германского происхождения. Открываю дверь. На пороге – сосед с женой. Улыбаются, спрашивают, не остались ли мы без традиционного обеда из индейки? Нет, конечно. Наши гастрономические приоритеты – десерт. Об обеде никто и не помышлял. Соседи любезно приглашают на холодные каштаны. Обещаем прийти. Приходим. С удивлением обнаруживаем, что у них не дом, а картинная галерея. Оказывается, Фабио – художник. Известный в Италии. Над кожаным диваном висит какое-то большое импрессионистское полотно в затейливой золотой раме. Молочный туман и размытые очертания женской фигуры в красном. Мой взгляд не ускользает от Фабио, и он предлагает рассказать историю создания картины. Вечер заявляет о себе сумеречными красками, комната погружается в темноту... Вишневый паркет, резная мебель цвета махогон и кофейная окраска стен оживляются только восковыми изделиями в антикварных подсвечниках. Старшая синьора и моя мама темпераментно общаются друг с другом, жестикулируя и обмениваясь остротами каждая на своем родном языке. Жена Фабио подает им йогурт с корицей, а нас угощает каштанами. Фабио начинает повествование:

– Много-много лет назад, как раз в День Благодарения, точно так же отключили свет, и мы с другом поехали в магазин купить что-нибудь альтернативное продрогшей в духовке индейке. Был густой туман, как...

– Ванильный пудинг? – переспрашиваю я.

– Не совсем.

– Как заварной крем?

– Как стакан капучино, выплеснутый в ведро взбитых сливок... Мы шли с приятелем через автостоянку и громко разговаривали. Туман скрыл абсолютно все. Вдруг под ярчайшим светом фонаря одновременно с нами появилась девушка. Мой приятель не пожалел комплимента, но засмутился и быстрым шагом удалился. А я остановился, желая запомнить девушку исключительно как художник. Ты заметила, что именно в октябре у природы самая богатая цветовая гамма? И любой крошечный парк может похвалиться желтой, оранжевой, красной, коричневой, фиолетовой и зеленой листвой одновременно! И еще бордовой и розовой!.. Так и девушка показала мне олицетворением осени. Ее длинные каштановые волосы падали волнами на спину. Ярkokрасный свитер облегал фигуру, а коричневые брюки и светлые парусиновые тапки промокли под морозящим дождем. Желтый пронзительный свет фонаря великолепно вписывался в мою фантазию. Внезапно захотелось услышать голос незнакомки, и я сказал: «Простите, Вы не позволите мне подержать в уме Ваш номер телефона?..»

– До сих пор изумляюсь, как ты смогла меня понять?

– В тот момент ты перешел на английский!

– А ты ответила музыкальными интервалами!

– Да, чтобы получилось по-итальянски!

- Ты сказала «прима, секунда, квинта, октава, терция, секунда, септима»!
- Ты запомнил?
- Неужели не сбился?
- Почти. Вместо квинты полагалась септима.
- На следующий день, когда снова дали свет, я нарисовал туман, фонарь и тебя. Я измучился, стараясь представить твои глаза. В конце концов решил остановиться на цвете вечнозеленой хвои.
- Я рада, что здравый смысл взял верх. Бордовые зрочки были бы чересчур экстравагантны, как, впрочем, и оранжевые. Или розовые...
- Кроме подсознательного впечатления, что цвет твоих глаз был правильный, осенний... и твоего умопомрачительного ответа у меня от растерянности ничего не осталось в памяти.
- Так почему ты не позвонил?
- Я не поверил в твой энтузиазм. Кроме того, опасался, что не смогу создать картину. Зачем картина, если рядом – ты? Понимаешь?
- Значит, мне отводилась роль мимолетного вдохновения!
- Да! Вот я тебя запечатлел, но в реальной жизни не нагляделся, не наговорился... и не смел надеяться на большее... Возможно, сегодняшняя встреча – награда за мое смирение. Подумай только, какой бесхитростный предлог? Угощение остывшими каштанами!
- Честно говоря, я посчитала их самостоятельным блюдом. А на самом деле ты имел в виду, что каштаны холодные, потому что нет электричества!
- Конечно! Разве не чувствовалась стесненность в меню? И ты, наверное, нарядилась не для того, чтобы лишить собеседников дара речи, а потому что те же самые обстоятельства сыграли шутку и с твоей стиркой, не правда ли?
- Жена Фабио бесстрастно присутствует при разговоре. Она повидала много муз и мое прямое отношение к образу промокшей осени не производит на нее никакого впечатления. Я восхищаюсь ею. Она уверена в своей неотразимости. Но она точно – не осень. И не зима. И не весна. Она – лето. Любимое время года итальянцев. Поэтому.

Осень

Она пришла нарядно, живописно,
С роскошной – в рыжих локонах – копной,
Желая посоперничать со мной,
Ошеломляя разноцветьем листьев.

Корица, апельсин, гранат, фиалка
Окрасили деревья и кусты.
И ты целуешь, просишь не грустить,
Но любишь осень. Я – тебя. Как жалко...

Она – задорна в вечном эпатаже,
Тебя экстравагантность с ней роднит,
Ночь. До утра вы с осенью одни.
Исчез любимый, не простился даже.

Она уйдет так ярко, фамфатально,
В тоске обрушит жар бездумных слов.
Не верь, любимый, у Пяти Углов
Ты так же лгал мне нежно и глобально.

Фатимат МАРЖОХОВА,

учитель английского языка
МОУ «СОШ № 4» с. Исламей

Женская сущность

Дамочка с капризами,
Ларчик я с сюрпризами.
Живет во мне сто персонажей,
Хочу их все прожить я разом.

Сильный характер, но доброе сердце,
Норов покладист, но много в нем перца.
Я обожаю помечтать,
В своих мечтаниях блуждать.

То я богиня, а то плутовка,
То ангел, иногда чертовка,
То я небесное создание,
То я ошибка мироздания.

То я, как Скарлет, жизнестойка,
То Клеопатра, то княжна.
Хочу царицей быть, и только,
То, как Ростова, я нежна.

Когда мне грустно, я – мисс осень,
Когда мне весело – весна.
Что мне сезоны: я – мисс года,
Мисс Мира и Вселенной – я.

Я, как любая женщина,
Кокетлива, изменчива.
Смеюсь, грущу или мечтаю,
Но об одном не забываю:

Я – дочь, я – мать, жена, сестра.
То я груба, то я нежна,
То я смеюсь, то снова плачу,
Я – Женщина, никак иначе.

Самое приятное блаженство –
Стремиться всегда к совершенству.
Человека прекрасное тянет,
Без него он и чахнет, и вянет.

Совершенство в делах, поступках,
В тайных мыслях, нам недоступных.
В чарах женских оно скрывается,
Идеалом оно называется.

Я, бывало, его искала,
То ждала, – не найдя, страдала,
И кидало меня не мало.
Жаль, но я не нашла идеала.

Я нашла его в смехе ребенка,
В первом слове его очень звонком.
И смотрю я с таким умилением
На это Бога творенье.

Тимур БАДАЛОВ

Летний день в горах

Лирический этюд

Высоко в горах в царстве вечных снегов – там, где ледники нависают с отвесных склонов знаменитой на всю Европу Безенгийской стены, где небосвод подпирают пять пятитысячных вершин, и гордые своей внешностью орлы-беркуты бороздят воздушное пространство над могущественным ледником Уллу-Чиран, протяженность которого составляет восемнадцать километров, а толщина покрытия доходит до двухсот метров, в сыпучих сланцевых отвалах на маренных кочках в замшелых ложбинах кавказского рододендрона обитает птица улар – горная индейка, эндемик Кавказа.

Холодные стены, нависающие над синеющей вдали покатиистой нижней кромкой альпийского многообразия, дымятся в прозрачном мареве; небольшие островки зелени, опоясывающие изумрудным ожерельем скальные участки, причудливо вылепленные солнцем и ветром, непроходимым частокотлом зияют в голубой пустоте воздуха. Прохладная тень нависала над лужайками, покрывая каменистые кручи холодными испаринами; капельки влаги, стекая, скользят по гладким основаниям скал, орошая питательной смесью миниатюрные по своей форме кустики горной экзотики.

Еще недавно безжизненные, островки зелени ожили, уллары словно снежные пушистые комочки, облепили бархатистую мураву. Здесь птицы кормятся: выше – заросли можжевельника, стелящегося по склону, его полог окроплен кровавым пурпуром ягод брусники. Подсовывая головки под кустики с ягодами, птицы с изящной осторожностью, боясь обронить ягоду, склевывают, ловко цепляя клювом алые, наполненные терпкой мякотью, плоды.

Местные охотники не очень жалуют эту птицу: жумарук – как ее называют балкарцы – соседствует с турами. В охотничьих рассказах говорится о том, что, подкрадываясь к туру, боясь улара, который всегда объявится где-нибудь на одиночно стоящей каменной пирамиде и, еще издали увидев охотника, обязательно оповестит об этом стадо горных козлов, мирно пасущихся здесь же. В бинокль улара заметить очень трудно, особенно если он слился с доминирующим снежным цветком. Вот и приходилось бывалым охотникам проделывать многочасовые переходы, чтобы выйти где-нибудь выше, оказавшись за «спиной» жумарука, не рискуя своей охотничьей удачей.

В холодную январскую стужу, когда склоны скрыты под метровым снежным одеялом, на выдуваемых отрогах гор, среди каменистой пустоши, в защищенных от ветра скальных карманах, в жухлой траве овсянца, в небольшом углублении находится гнездо улара, высланное мягким пухом, кладка которого составляет от четырех до шести яиц. Самка высидывает потомство в ледяной холод, молодежь появляется среди зимы. Цыплята еще долго остаются с матерью – пока не сойдет снег со склонов, а весенние лучи солнца, отогреть землю, позволят новой жизни зацвести, завести извечную песню любви и молодости.

А пока августовское солнце ласково обливает своим теплом выводок горных индеек, безмятежно пасущихся на брусничных полянках.

Насытившись, птицы одна за другой лезут по склону вверх, проделывая это с такой быстротой, что глаз не успевает уловить их движение. Мелькая

среди валунов, выводок выбирается на небольшой выступ скалы, переждав какое-то время, отсюда улары один за другим, расправив тугие крылья, бросаются в бездну. С криком «вью-ти-вить», «вью-ти-вить» планируют на противоположные склоны и садятся на открытые скальные лужайки. Распустив веером хвостовое оперение, заводят хоровод, приглашая друг друга в танец. Разогретый полуденным солнцем воздух полнится духотой; горное солнце, обжигая склоны горячими лучами, загнало все живое в тенистые непроходимые скалы. Улары, устроившись на дневку, умолкли, растворились среди каменных нагромождений.

Раскалившееся солнце, иссушая травяные склоны, полнит воздух сладко-пряными ароматами альпийского разнотравья. Томясь в полуденном пекле, запахи цветущих лугов струятся в воздушной бирюзе неба: уносимые ветром, они разливаются по окрестным ущельям, пьянят разум. Блаженство и покой царствуют в заоблачной обители гор. Все пребывает в райской тиши: и великолепие заоблачных высей, и покатиистые луга, усыпанные радужным многоцветьем, и голубая парящая рябь над ледником. И убегающие вдаль потоки горных ручьев, петляющие в узких лабиринтах среди вековых пластов каменных изваяний, водопадами обрываются в бездонные пропасти, стекая по отполированным стенам, исчезают в глубине и уже там, у истока реки, вырываясь из каменного плена, сливаются с клокочущим потоком Черка. Перепрыгивая через валуны, река полнится ручьями и, стремительно устремляясь вниз, набирая силу, готова смести на своем пути любые преграды.

День заканчивал свой бег, кружась в порывах шаловливого горного ветра. Зеркальные тени, исходящие от ледниковых полей, разлетались по альпийским травянистым кручам. Выхватывая из горных объятий пышные грозовые тучи, ветер с завыванием сталкивает их вниз, и они, дробясь на облака, скатываются вниз, цепляясь за остроконечные отроги, проливаются дождем, высвобождаясь от влажной тяжести, повисают в небесной пустоте, превращаясь в белесую облачную пелену. Подгоняемые восходящими потоками земного тепла, облака несутся за далекую черту горизонта, исчезают, расплываясь по вечернему небу, обрамляя затухающее светило малиновым ореолом.

Незаметно подкрадываются сумерки, побеждая дневную жару и сушь. Густая вечерняя тьма ползла к вершинам, смазывая яркие тона в блеклые очертания; горная страна исчезала в ночи; отблески вершин, тая, погружались в непроглядную слепую бесконечность.

По ночному небу потянулись искрящиеся полоски метеоритных дождей, мириады звездных миров зажглись в ночном небе. Усилилось журчание горных ручьев; уханье филина сонно толкалось эхом в соседних ущельях; вопли шакала плачем младенца терялись в густом папоротнике. Непролазные отвесные кручи, скрытые за черной ширмой ночи, будоражили сосновый лес падающими со склонов валунами, вдребезги разбивающимися у подножия склонов.

Откуда-то извне, сочась из звездного неба, потянулась золотая нить лунного света; пики гор, обливаясь лунной позолотой, засветились мерцающими пирамидами, подпирающими ночной небосвод. Снежным бисером зажглись, переливаясь в радужных красках, склоны гор; луна, перекатываясь по заснеженным вершинам, с трудом взмыла в поднебесье, отталкиваясь от остроконечных горных вершин. Золотым диском повисла она над горной ночной долиной.

Альби ЭЛЬМЕСОВ,
профессор КБГСХ

Меры борьбы с амброзией полыннолистной

Амброзия полыннолистая – яровой поздний карантинный сорняк.

В Кабардино-Балкарии произрастает, повсеместно засоряет зерновые колосовые, зернобобовые, пропашные, овощные культуры, многолетние травы, пастбища, лесополосы, обочины дорог.

Минимальная температура прорастания в семенах 6–8 °С, оптимальная 20–22 °С. Всходы появляются в конус марта–апреля. Цветет со второй половины июля по октябрь. Продуктивность одного растения варьируется от 30 до 150 тыс. семян, которые прорастают с глубины не более 8 см. Они сохраняют жизнеспособность более 40 лет.

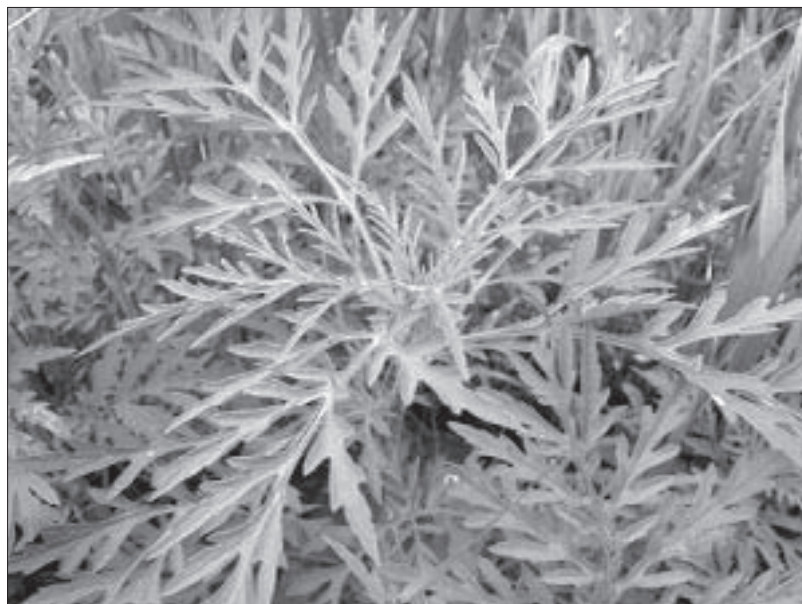
Корень стержневой, проникает в почву на глубину до 4 м.

Высокая плодовитость, одновременные прорастания и длительное сохранение всхожести семян способствуют распространению и сохранению амброзии полыннолистной.

Размножается семенами, которые созревают в сентябре–ноябре.

Для успешной борьбы с амброзией нужно знать эти и другие ее агробиологические особенности.

Амброзия полыннолистая растет на полях чаще всего в сообществе с культурными растениями и в борьбе за факторы жизни нередко имеет

преимущества перед ними, так как обладает более высокой плодovitостью, лучшей приспособленностью к внешним условиям, высокой конкурентоспособностью, разнообразием биологических особенностей семян.

Система борьбы с амброзией должна состоять из:

- 1) предупредительных;
- 2) истребительных мер.

Предупредительные меры – это обкосы дорог, меж, оросительных и осушительных каналов до цветения, очистка поливной воды, очистка тары, машин от сорняков и главное, соблюдение противосорнякового карантина.

К истребительным мерам борьбы относятся агротехнические, химические и биологические.

К агротехническим мерам борьбы относятся вспашка, боронование, лущение и др., т. е. обработка почвы (зяблевая, паровая, предпосевная, послепосевная). Глубокая обработка более эффективна в борьбе с амброзией, чем мелкая. У этого сорняка корень стержневой, проникает на глубину до 4 м и является своеобразной кладовой питательных веществ. Поэтому, скашивание не способствует снижению засоренности, а наоборот, там, где раньше был один побег, появляются два и больше.

В системе основной обработки почвы наиболее эффективным приемом в борьбе с амброзией является лущение почвы на глубину 10–13 см с последующей вспашкой зяби на глубину 25–27 см.

Пожнивное лущение способствует более быстрому прорастанию семян, уничтожению растущих сорняков. В Кабардино-Балкарии при ранней вспашке на глубину 20–25 см. подрезанные побеги амброзии отрастают через 14–15 дней. Для уничтожения этих побегов желательно обработать вспаханную зябь культиваторами или дисковыми лущильниками.

Борьба с амброзией полыннолистной в системе предпосевной обработки почвы затрудняется тем, что к этому времени прорастают не все семена. Поэтому необходимо спровоцировать к прорастанию семена в тот период, когда на поле нет культурных растений, например уплотнением или увлажнением сухой почвы, с последующим уничтожением проростков боронованием, лущением, культивацией или мелкой вспашкой. В ряде случаев вслед за первой культивацией целесообразно провести прикатывание почвы. Это способствует прорастанию в 2–3 раза большего числа семян, всходы которых затем уничтожаются предпосевной культивацией.

В Кабардино-Балкарии мало чистых паров. Между тем они являются мощным фактором очищения полей от амброзии, а также накопления в почве влаги и элементов питания растений.

Значение севооборота в борьбе с амброзией трудно переоценить. Например, озимая пшеница и, особенно, озимая рожь, озимый овес, посеянные по чистому пару, образуют хороший травостой и слабо засоряются амброзией. А появившиеся в этих посевах весной всходы амброзии находятся в угнетенном состоянии.

Яровые культуры, такие, как ячмень, гречиха, горчица с первых дней

интенсивно наращивают надземную массу и хорошо подавляют всходы амброзии полыннолистной.

Зернобобовые культуры слабо угнетают всходы амброзии, однако горох, особенно высокорослые сорта, возделываемые на зеленый корм, хорошо подавляет их. Сорго и просо первое время после всходов растут медленно, поэтому слабо подавляют амброзию полыннолиственную.

В посевах кукурузы и подсолнечника иногда количество амброзии на единице площади превышает число культурных растений. Систематические междурядные обработки обеспечивают очищение посевов и делают эти культуры достаточно хорошими сороочистителями. Без надлежащего ухода кукуруза и подсолнечник превращаются в рассадники засорения полей амброзией.

Для борьбы с амброзией полыннолистной следует широко применять химический способ, т. е. использование гербицидов. Наиболее предпочтительны гербициды системные, малотоксичные, почвенные. Для сплошной обработки можно использовать раундап и его аналоги.

При этом химический метод следует совершенствовать применением новых, более эффективных гербицидов, а также выбором оптимальных сроков и способов применения рекомендованных гербицидов.

Проблема загрязнения окружающей среды пестицидами обязывает нас более осторожно относиться к их использованию.

Для уничтожения амброзии полыннолистной можно использовать насекомых, клещей, нематоды, вирусы, бактерии, грибы, рыб, птиц, грызунов, т. е. биологический метод.

Применение некоторых фитофагов насекомых и нематод, питающихся растениями, имеет особенно большое значение в борьбе с амброзией полыннолистной (амброзиевый листоед, амброзиевая совка).

Амброзия полыннолистная – очень злостный, трудноискоренимый, карантинный сорняк. И борьба с ней должна носить планомерный, систематический и научно-обоснованный характер, а не быть элементом стихийности, эпизодичности и шаблона.

В современных условиях в системе мер борьбы с амброзией полыннолистной особое внимание должны занимать профилактические, направленные на предотвращение увеличения потенциальной засоренности и ее сокращение.

Нельзя противопоставлять применение гербицидов агротехнике и биологическому методу.

ЭТИКЕТ НОВОЙ ЭРЫ

Помнишь, как у Маяковского: «Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: «Что такое хорошо и что такое плохо?» «Если ты залез тайком на казенный сервер...» В общем, сама понимаешь, что так делать нехорошо. Информационный этикет рождается у нас на глазах, но от этого он не становится менее важным, чем правила поведения, складывающиеся веками.

Пасьянс в офисе

Компьютерный этикет имеет одну цель – безопасность. В данном случае информационную. Информация на твоём рабочем компьютере, подключенном в общую сеть, доступна всем. Это собственность фирмы. Поэтому, оставив на жестком диске информацию личного свойства (и даже защитив ее паролем!), ты сильно рискуешь. Если тебе все-таки необходимо поэксплуатировать казенную технику в личных целях, воспользуйся флешкой. Ни в коем случае не сохраняй эту информацию на жестком диске! Она может быть восстановлена даже после того, как ты ее удалила.

Держи пароль за семью печатами

*Не передавай никому
свои логин и пароль
для входа
в локальную сеть!
Иначе любые действия,
совершенные под твоим
именем, будут
соотнесены именно
с тобой. И доказать
что-то будет сложно!
Вообще узнай, есть ли
в твоей компании
инструкция о правилах
этикета в сети.*

Если вы с коллегой работаете на одном компьютере, оговорите свой график с начальником отдела. Иначе ежедневно будут возникать ссоры из-за места под солнцем. Запрещено устанавливать свой пароль на включение компьютера, мотивируя это тем, что это твоё рабочее место. Необходимость в защите компьютеров от несанкционированного доступа определяется руководством. Пароли устанавливаются только при участии системного администратора. Решив поменять пароль, ты обязана сообщить это сисадмину.

Этикет запрещает выключать чужой компьютер. Его могли оставить в рабочем состоянии, например, для загрузки почты или копирования файлов из Интернета. Если ты уверена, что компьютер выключить просто забыли, перед тем, как отключить его от сети, необходимо сохранить все изменения.

Этикет не позволяет играть в компьютерные игры в рабочее время. В одних фирмах за это штрафуют, а игры без предупреждения удаляются системным администратором. В других разрешают играть в свободное от работы время. В любом случае позаботься, чтобы тебя никто не увидел за раскладыванием пасьянса.

Бегом к принтеру

Если компьютер снабжен звуковой картой, никогда не прослушивай звуковые файлы или музыку через колонки. Воспользуйся наушниками, чтобы не мешать коллегам.

Внутри фирмы, особенно если она крупная, принято переписываться по Интернету и пользоваться глобальной сетью только в рабочих целях. Если ты будешь «ходить» на сайты, не имеющие отношения к работе, или болтать в чате, это вряд ли будет одобрено.

Интернетом нельзя злоупотреблять и на чужом домашнем компьютере. Доступ в сеть, как и мобильный телефон, стоит денег. Попросить разрешения зайти в Интернет дома у знакомых можно в случае крайней необходимости и ненадолго.

Если в вашей фирме печать со всех компьютеров осуществляется через один принтер, имей в виду, что твою распечатку может прочесть тот, кто первым окажется у принтера. Ведь в поисках своей распечатки сотрудники невольно просматривают все листы. Так что, если ты послала на принтер секретную или личную информацию, советуем сразу отправиться за своими листами.

На мониторе любого компьютера есть Wallpaper (фон рабочего стола) и Screensaver (картинки, которые появляются в режиме отдыха или ожидания компьютера). Естественно, картинки эротического, агрессивного, непристойного характера на работе недопустимы. Выбери что-то нейтральное, вроде пейзажа среднерусской полосы.

Сотри за собой!

Если ты не знаешь, как пользоваться той или иной компьютерной программой, не дергай коллег. Со всеми вопросами обращайся к системному администратору.

Не принято стоять за спиной работающего на компьютере человека или коситься на экран его монитора. Если ты подходишь к коллеге с тыла,

90%

офисных сотрудников признались, что используют Интернет на рабочем месте в личных целях.

Прежде всего это касается просмотра сайтов и общения через ICQ.

При этом у 39% доступ в сеть не ограничен.

В остальных случаях работодатели или сисадмины вводят те или иные фильтры.

19% сказали, что у них ограничен трафик.

У 18% введены запреты на доступ к некоторым сайтам.

14% жаловались на скрытое администрирование рабочих компьютеров.

6% указали на то, что их компьютеры либо не подключены к сети, либо трафик очень медленный.

надо тут же дать о себе знать. И нет ничего невежливого, если ты при приближении коллеги спешно закроешь документ, с которым работаешь.

Если тебе разрешили воспользоваться чужим компьютером, после работы уничтожь информацию, которую ты в него внесла. В чужом компьютере нельзя делать изменения, модернизировать его настройки для своего удобства. Нельзя загружать память чужой машины своими программами. Одним словом, после твоей работы у постоянного пользователя компьютера не должно возникнуть каких-либо проблем.

Если тебе необходимо воспользоваться компьютером в чужом офисе (например, срочно распечатать документ), надо попросить разрешения сделать это самому или обратиться за помощью к секретарю. В любом случае работа за компьютером в чужой фирме проводится в присутствии представителя этой компании. При этом твоя дискета (флешка, диск) должна быть проверена на вирусы.

Подъем к высотам лучше закончить до 40 лет

Стремительная карьера – удел немногих.

Остальным надо запастись терпением

Ты окончила институт 3–5 лет назад и до сих пор не продвинулась ни на одну ступень в своей карьере? не расстраивайся, ты не одинока, как показывают опросы, 60% выпускников за 10 лет после получения дипломов не добились значительных повышений по службе. В чем причина?

Всего четыре шага

Замечено, что в современном обществе вообще сократилось количество карьерных ступеней. Например, в советские годы на крупном производстве насчитывалось до 27 ступеней управления. Сейчас все укладывается в четыре этапа: стажер; сотрудник, обладающий необходимыми навыками для выполнения данной работы; супервайзер, отвечающий за свое подразделение; эксперт-руководитель, развивающий то или иное направление.

А спринтер кто?

Чем меньше ступеней, тем дольше мы задерживаемся на каждой из них. Но при этом нужно учитывать, что на развитие карьеры сегодня дается не так уж много: всего 8–10 лет. За это время должно произойти профессиональное развитие, а потом наступить стабилизация. И в идеале до 40 лет нужно успеть достичь желаемого уровня. Как показывает жизнь, удается это далеко не всем: лишь 0,4% проходят все 4 ступени за 10 лет.

Подготовила О. Малюга

В номере:

<i>Амин Афасиж. Рафик Тхагазит. Ибрагим Абаза. Зулфикар Ансоко. Эргун Бабуз. Метин Меретуко. Зеин Кандур. Стихи</i>	3
<i>Биберд Журтов. Смерч. Глава из романа</i>	13
<i>К юбилею Зубера Мухамедовича Тхагазитоа</i>	30
<i>К юбилею Владимира Ахмедхановича Гетегежева</i>	31
<i>К юбилею Инала Хангериевича Шибибева</i>	33
<i>Ахмат Гыллыев. «На круги своя...» Рассказ</i>	34
<i>Людмила Гурова. Пациентка, или Разбитая ваза. Рассказ</i>	44
<i>Салих Гуртуев. Святой Кавказ. Поэма</i>	47
<i>Евгений Листопадов. Банкет. Рассказ</i>	55
<i>Светлана Моттаева. Формула счастья Мурадина Туменова. Очерк</i>	60
<i>Памятные даты. Валентин Александрович Груздинский</i>	67
<i>Памятные даты. Мусарби Гисович Сокуров</i>	68
<i>Памятные даты. Магомед Хасевич Мокаев</i>	69
<i>Памятные даты. Анатолий Жантемирович Камергоев</i>	70
<i>Аминат Биттирова. Прошедшее счастье. Рассказ</i>	71
<i>Ахмат Созаев. Стихи</i>	78
<i>Хурка Дзуева. Стихи</i>	79
<i>Амина Ворокова. Стихи</i>	81
<i>Анатолий Сытник. Стихи</i>	83
<i>Фатима Махотлова. Хроники амазонок. Глава из повести</i>	84
<i>Михаил Демченко. Серафим. Рассказ</i>	96
<i>Мария Забровская. Люди, которых выбирает путь. Гл. из повести</i>	100
<i>Жанна Кандорова. МУЗ «Городская поликлиника № 1» г. Нальчика. Очерк</i>	100
<i>Илья Бекадиев. Пятеро братьев Калмыковых. Очерк</i>	110
<i>Батыр ас Аланский. Верный сын своего народа. Исторический очерк</i>	113
<i>Фатима Дударова. Для настоящего человеческого счастья нужна любовь к профессии. Очерк</i>	119
<i>Жаухар Аннаева. Был светлым лучом. Очерк</i>	123
<i>Ася Аброкова. Жизнь – песня. Очерк</i>	128
<i>Надежда Емельяненко. Л. Г. Молодоженин (Лео Мол). Творческая биография. Очерк</i>	130
<i>Хангери Баков. Антология, которую ждали полвека. Статья</i>	134
<i>Клара Батчаева. Художественное решение темы депортации народа в балкарской прозе. Статья</i>	137
<i>Галина Романова. Сочинский государственный университет</i>	140
<i>Исмаил Шаваев, Сакинат Абаева. Проблемы морали в творчестве Шаваева (Абайханова) Дауут-Хаджи. Статья</i>	141
<i>Анатолий Шарданов, Николай Мадянов. Исследовательская деятельность как способ формирования ключевых компетентностей школьников в МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика. Статья</i>	146
<i>Владимир Гетегежев. «В мире культуры и философии». Гл. из книги</i>	150
<i>Мухамед Шенкао. Слово в защиту мудрости. Статья</i>	154
<i>Дыжьсын Чурей. Современные проблемы этноинструментального фольклора адыго-абхазской диаспоры в Турции. Статья</i>	158
<i>Мухамед Кокоев. Появление, состояние и перспективы железобетона. Статья</i>	165
<i>Хадис Пхеихов. Война, война... будь проклята она. Эссе</i>	171
<i>Ануар Кучинаев. Поэма скорби. Главы из поэмы</i>	174
<i>Книжные новинки</i>	179
<i>Ада Алахвердянц. Холодные каштаны. Проза. Осень. Стихи</i>	180
<i>Фатимат Маржохова. Стихи</i>	182
<i>Тимур Бадалов. Летний день в горах. Этюд</i>	183
<i>Альби Эльмесов. Меры борьбы с амброзией полыннолистной. Статья</i>	185
<i>Этикет новой эры.</i>	188

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.07.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2060 экз. Заказ № 117.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
